

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

**ACTUAL PROBLEMS
OF THE THEORY AND PRACTICE
OF PHILOLOGICAL RESEARCHES**

Materials of the IX international scientific conference
on March 25–26, 2019

Prague
2019

Actual problems of the theory and practice of philological researches : materials of the IX international scientific conference on March 25–26, 2019. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2019. – 119 p. – ISBN 978-80-7526-380-3

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines actual problems of the theory and practice of philological researches. Some articles deal with theoretical and methodological problems of philological researches. A number of articles are covered issues of teaching methods of the disciplines of philological cycle. Some articles are devoted to the issues of general and particular linguistics. Authors are also interested in urgent questions of rhetoric, speech culture, communication theory.

UDC 81+82

ISBN 978-80-7526-380-3

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2019.
© Group of authors, 2019.

CONTENTS

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

- Drozd A. F.**
Some features of agent derivation in the modern English language 6
- Tilimissova D. S.**
Challenges in the Context of Heritage Language Education 10
- Базарова Д.**
Морфологик вариантдош бирликлар ва меъёр масаласи 13
- Жегало Т. И.**
Стилистическая характеристика глаголов лексико-семантической
подгруппы «Пребывание субъекта в эмоциональном состоянии» 16

II. ISSUES OF TEACHING METHODS OF THE DISCIPLINES OF PHILOLOGICAL CYCLE

- Morarash M. M.**
Reflection of Russian national mentality in the language
(educational learning material)..... 18
- Smakova K. M., Tlekeyeva A. D.**
Constructing Communicative Competence by Applying Socratic Questioning
into the EFL Classroom..... 24
- Жажева С. А., Жажева Д. Д.**
Повышение речевой культуры обучающихся – одна из актуальных
задач современной школы..... 31
- Мусатова Г. А.**
Работа с фразеологизмами военной тематики на занятиях по РКИ..... 37
- Яхина А. М.**
Некоторые особенности беглого произношения в современном
английском языке 41

III. ISSUES OF GENERAL AND PARTICULAR LINGUISTICS

Duisebekova Zh. M. Spaces and fire vocabulary in modern household dialogical discourse	47
Беленов Н. В. Лимноним Тапты Лежекшей в окрестностях села Торновое на Самарской Луке	50
Давлеткалиева Г. С. Гендерные лингвистические исследования в Казахстане	52
Жумаханова А. Ж. Словообразование в когнитивном аспекте	56
Галиева М. Р. Интертекстуальность: лингвистический vs литературоведческий подходы	61
Колесник М. П. Особенности актуализации морфологических отклонений северо-восточного диалекта Англии в период 2000–2010 годов	65

IV. BASIC THEMES OF TRANSLATION STUDIES

Samarskaya S. V. Specific features of foreign language for scientific-professional purposes	71
Tukeshova N. M. Phraseological antonyms in Kazakh and English languages	74
Внукова В. В. Вербальное самоутверждение в аспекте перевода	76

V. CURRENT APPROACHES OF STRUCTURAL, APPLIED AND MATHEMATICAL LINGUISTICS

Магомедова А. Н. О роли эмотивной лексики в описании конфликта	79
--	----

VI. THE LANGUAGE, CULTURE AND MENTALITY AS IMPORTANT AREAS OF MODERN LINGUISTICS

Бурганова Э. И. Театр Северного Уэльса: лингво-исторический портрет	82
---	----

Валюкевич Т. В.	
Внешний облик человека как объект лингвистических учений.....	87
Володина О. В.	
Понятие «гендерный стереотип» в лингвистических исследованиях	89
Воронина Л. В., Морозюк Р. С.	
Лингвистическая составляющая неформального военного дискурса	93
Воротникова П. В.	
Репрезентация концепта «честь» в современном русском языке. Концепт как категория лингвокультурологии	95
Погребняк Н. В.	
Прецедентный феномен как источник создания языковой игры в заголовках политических медиатекстов (на материале немецкоязычных интернет-изданий)	98
Фазлыева З. Х., Изотова Н. П.	
Стратегии перевода иронии на русский язык	102
Туралина Н. А., Заманова И. Ф.	
Вербализация стихий воздуха и огня в художественной прозе XX века ..	105

VII. LITERATURE TODAY: SUSTAINABILITY OF TRADITIONS AND MODERN TRENDS

Белинская И. Д.	
Рецепция Уильяма Блейка в критической мысли	110
Коробкова Т. В.	
Традиции А. П. Чехова в цикле В. А. Пьецуха «Плагиат»	112
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2019 году	114
Информация о научных журналах.....	116
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	117
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»	118

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

SOME FEATURES OF AGENT DERIVATION IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

A. F. Drozd

*PhD in Philology, assistant professor,
Belarusian State University,
Minsk, Belarus*

Summary. The article considers the different types of nomina agentis and semantic classes of verbs, which are productive of them in the modern English language. The author attempts to determine the types of lexical verbal units which are more productive in the formation of agentive nominals in the modern English language. The results of the analysis show, that the marked macroclass of informative verbs has positive correlation with the production of agentive nominals, but unmarked macroclass of non-informative verbs – negative. The author comes to the conclusion that: firstly, the productive potential of verbal system of the modern English language is used incompletely; secondly, different semantic macroclasses have different activity in the production of nomina agentis.

Keywords: category of nomina agentis; semantic classes of verbs; macroclasses of informative and non-informative verbs; agent derivatives; positive correlation; negative correlation.

Being one of the main categories and playing a significant role in the functioning of the language as a whole, the category of nomina agentis at the same time is a prism through which a person refracts the ‘vision’ of himself as an active converter of the environment. Accordingly, it is important to study the category of the nomina agentis in terms of the parameters by which an English-speaking person characterizes the subject of the action, using various linguistic means of expressing this concept both separately and in interaction.

The novelty of the article lies in agent derivatives, denoting the subjects of causative action. From this point of view, the semantic category nomina agentis has not been the subject of special study in English.

The problem of identifying of different agentive derivatives is interconnected with the problem of determining the concept of “agent” itself, about which there is a very wide range of opinions and approaches in linguistics. All the variety of approaches can be divided into four main groups, two of them are formal (“syntactic” and “morphological”), while the other two are considered to be semantic (“intentional” and “functional”).

In the formal-syntactic approach, any noun or pronoun in the position of the subject in the verbal predicate is recognized as an agent [2, 4]. The “agent” is defined simply as “the bearer of an action or state” expressed by a verb predicate.

In the formal-morphological approach to the category of nomina agentis are assigned nouns derived from any basis (verbal, substantive or adjectival) by

certain “agentive” affixes [3]. However, it should be noted that the common disadvantage of both approaches is that the semantic concept of “agent” is determined on the basis of formal criteria, and does not consider the variety of semantic types of names.

From strictly semantic criteria for the definition of a nomina agentis a number of linguists [7, 8] prefer to use intentionality: any animate subject (a person) engaged in some purposeful action is taken for the “agent”. But in many cases, there is no clear argument for qualifying an action as purposeful or undirected (the same animate object can be perceived either as an “agent” or as a “non-agent”).

The fourth, or “functional-semantic” approach recognizes as an “agent” any subject (animate or inanimate), which has both intentional and unintentional impact on some object, the result of which is a real or potential change in the state of the object [1]. This definition of the agent is consistent with the philosophical interpretation of the activity.

The given definition of the agent is accepted in this research, and three types of the nomina agentis are distinguished in the functional aspect: morphologically marked, semantically marked, and syntactically marked.

Morphologically marked agentive derivatives represent nouns formed from causative verbs and denoting actions of the subjects of these verbs: teacher, demander, deformer, etc. Causative verbs, by the definition, express “the influence of the subject on the object” and thus are most directly related to the category of the agent. From this point of view, “agent” can be defined as the subject (source) of causative action, i.e. action expressed by a causative verb.

Semantically marked nomina agentis include nouns that express the subjects of causative action in their meaning, but are not derived from causative verbs: agent, thief, captain, king, etc.

Syntactically marked agentive derivatives acquire agentive meaning only in the syntactic structure of the sentence, being in the position of the subject under the causative predicate in the active voice. Thus, the causative voice acts as an indicator of the agentive nature of the name in the position of the subject and its reference to the category of nomina agentis.

As a result of the research the definition of the category of nomina agentis in the modern English language was worked out as a complex and heterogeneous category, which includes units of different types: pronouns; proper names; nouns-derivatives of causative verbs (operator, prosecutor, etc.); nouns with the meaning of the subject of causative action that are not derived from causative verbs (doctor, thief, etc.); common nouns with the meaning of person, nationality, age, etc. (man, boy, etc.); abstract nouns (majority, time, etc.); nouns denoting inanimate material objects (plow, arm, etc.), etc. It also includes demonstrative pronouns it, that, this. The data of the analysis of the studied material indicate not only the heterogeneity of the linguistic expression of the category of the agent, but also a different ratio of units of a particular type in the composition of this category. Thus, the leading role in the designation of the agentive subject

belongs to the derivatives of causative verbs nouns (70.7 %). And it confirms that at the paradigmatic level the category of the nomina agentis in modern English is mainly morphological (more precisely, word-formative).

During the analysis it was important to trace the semantic characteristics of the verbal agentive derivatives against the background of their relationship with the semantic types of the original verbs.

Three semantic microclasses of the verbal meanings were distinguished: informational, energy and ontological [5, 6].

Informational verbs express different types of information processing in human or animal psyche. This category includes the verbs of sensory perception (see, hear), intellectual perception (remember, remind), emotional state (like, hate), volitional setting (want, desire), verbal/non-verbal communication (say, signal). The verbs expressing different types of evaluation: moral (chasten, deprave), aesthetic (beauty), quality (save, displace), etc. also belong to this category.

Energy verbs denote various states of physical energy transformation: spatial relationship, including motion (move, fly), location (lie, sit), formation and change of form/structure (bend, break), physical processes (burn, melt), physiological processes (die, grow).

Ontological verbs express existential states (exist, create), possessiveness/presence (have, possess), social processes (democratize), temporal characteristics (date, last), quantitative characteristics (increase, decrease). These verbal meanings are characterized by a higher level of generalization than the meanings of the first two classes.

It's necessary to mention that only the informational macroclass is positively marked in relation to the derived agentive derivatives. The tendency of information verbs to agentive word-formation has a clear quantitative confirmation in a high proportion (80.66 %) of verbs of the considered type, generating the nomina agentis. Additional evidence of the information macroclass marking on this derivational criterion is that not only the entire macroclass as a whole, but also all its subclasses (except sensory perception verbs) have a positive correlation with the derived nomina agentis.

It is worth noting that the subclass of nomina agentis from the verbs of communication (class of informational verbs) is characterized by the highest positive correlation coefficient with the agent-nominal derivation and thus represents the main source of the formation of nouns with the meaning of the agent.

There are three main groups of nomina agentis, derived from the verbs of communication. The first group includes names from verbs that characterize the act of communication by the "formal" way of its implementation (articulator, pronouncer, shouter, etc.). In turn, this group includes various subgroups (agentive derivatives formed from verbs, denoting oral speech (speaker); written speech (writer); various technical methods of speech (publisher), etc.). The other groups of communicative verbs represent various content aspects of the informational process. The second group of the verbal agentive derivatives, which has a

semantic feature of the content characteristics of communication, is divided into the following subgroups: any meaningful message (advertiser, discussant), the creation of a verbal portrait or picture (describer, informant), evaluative attitude to someone's statement (approver, accuser), etc. The third group of agentive derivatives includes the nomina agentis of causative verbs, denoting the determination a certain action. They implement the following types of communicative impact on the addressee: advice (admonisher, adviser), order/requirement (commander, demander), warning (warner, cautioner), etc.

Thus, verbs of communication, as a rule, express two consecutive states – purposeful communicative influence of the subject of communication on the addressee and the result of this influence in the form of a certain change in the state of the addressee.

In turn, the energy and ontological macroclasses of causative verbs are significantly less homogeneous by the criterion of the presence of derived nomina agentis than the information ones. On this basis, they are combined into a single unmarked macroclass of “uninformative” verbs. The research revealed that for this macroclass of verbs and their agentive derivatives, physical influence plays a vital role similar to the role of communicative influence in the information sphere.

Thus, the general scheme of the classification takes the form of semantic privative opposition, in which one (semantic) class is marked by the presence in the verbal meaning of the “information” semantic component, and the other (unmarked) is characterized by the absence of this differentiating semantic feature.

Библиографический список

1. Аксененко Б.Н. Предлоги английского языка. М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1956. - 320 с.
2. Ахманова О.С. [и др.] под общ. ред. Ахмановой О.С. О точных методах исследования языка: (о так называемой ‘математической лингвистике’). Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1961.
3. Карашук П.М. Аффиксальное словообразование в английском языке. М. : Высш. Шк., 1975.
4. Кузнечик Т.А. Агенс пассивных конструкций в современном английском языке: Дис. . канд. Филол. Наук. М., 1977. 190 с.
5. Сильницкий Г. Г. К проблеме соотношения семантических и формальных признаков английских глаголов // Семантика английского глагола в соотношении с признаками различных языковых уровней. Смоленск: СГПИ им. К. Маркса, 1988. С. 8-22.
6. Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов в английском языке. Смоленск : СГПИ им. К. Маркса, 1986.
7. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики. Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. XII. С. 78-121.
8. Шмелев А.Д., Шмелева Е.Я. К построению семантической классификации имен деятеля в русском языке. Актуальные проблемы филологии и методики преподавания русского языка как иностранного. М., 1981. С. 34-42.

CHALLENGES IN THE CONTEXT OF HERITAGE LANGUAGE EDUCATION

D. S. Tilimissova

*Graduate student,
of the L. N. Gumilyov
Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan*

Summary. The article presents the selected results of the study on content and language integrated learning at Kazakhstani Universities. Author conducted a sociological survey among educators and students. The survey was attended by 15 university teachers, 100 students and 45 undergraduates.

Keywords: language learning; content teaching; methods of foreign language teaching.

Introduction. The article reports the results from a recently completed study on content and language integrated learning at Kazakhstani Universities. CLIL is becoming increasingly important in Kazakhstan due to the gradual transition to trilingual education. Content and Language Integrated Learning was coined in 1994 by David Marsh and aims to use an additional language (i.e. a foreign, second or minority language) for teaching and learning non-language subject [3, p. 61].

The most difficult are the goals and objectives of learning English. For a successful transition to trilingual education is important not only the targeted training of students of pedagogical specialties in universities, but also professional development of teachers.

In this regard, author conducted a sociological survey among educators and students. The survey was attended by 15 university teachers, 100 students and 45 undergraduates. The questionnaire consisted of six questions:

1. Do you study the peculiarities of teaching special disciplines in English?
2. How do you feel about trilingual education?
3. Are you satisfied with the quality of English language teaching?
4. Are you familiar with the CLIL technique?
5. If so, is this technology used in teaching?
6. Are you satisfied with the quality of teaching special subjects in English?

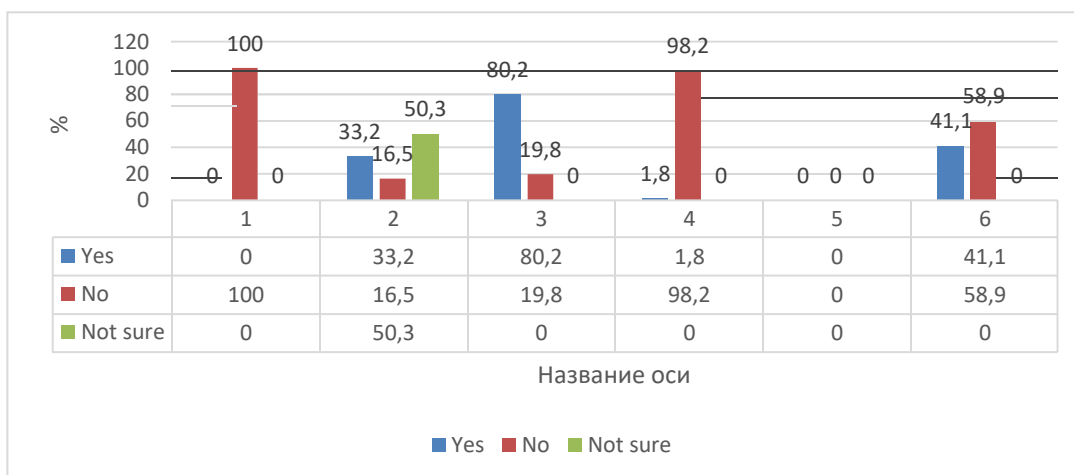

Figure 1. The results of a survey of students and undergraduates of pedagogical specialties of the University

The results of the survey showed that the attitude to trilingual education by future teachers have not yet formed. According to the author, this is a consequence of the fact that in the process of preparation for professional activity the issues of trilingual education remained without appropriate attention by the faculty of the universities. This indicates a negative response according to the first question of the questionnaire. On the third question, the vast majority of respondents expressed their satisfaction with the quality of English language teaching as opposed to the assessment of the quality of teaching special subjects in English, which is also confirmed by the answers of students to the third and sixth questions. Answers to the fourth indicate that the vast majority of students of pre-and final courses of pedagogical specialties are not familiar with the CLIL methodology. At the same time, a small proportion of respondents who indicated that they are familiar with the CLIL method, noted their foreign language teacher as a source of information about this method. The results of the survey among students are shown in the figure 1.

The questionnaire for teachers consisted of five questions:

1. What changes have been made in connection with the transition to trilingual education?
2. If so, what changes have been made?
3. Are you familiar with the CLIL technology?
4. Are you satisfied with the level of English proficiency of your students?
5. How do you feel about trilingual education?

The respondents' answers to the fifth question indicate that a little more than half of the respondents unconditionally support the idea of trilingual education; the third part expresses doubts (see Figure 2).

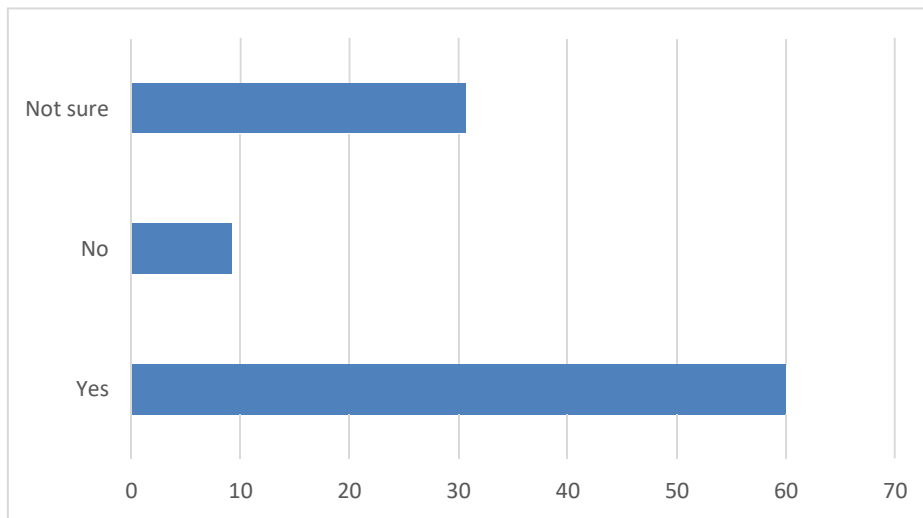

Figure 2. Respondents' answers to the fifth question "How do you feel about the trilingual education?"

These doubts are associated with a poor knowledge of English according to the answers to the fourth question (see Figure 3).

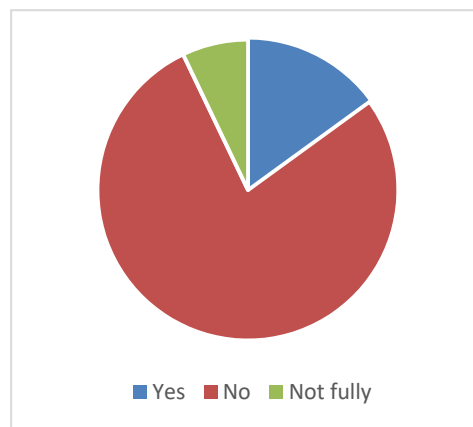

Figure 3. Respondents' answers to the fourth question "Are you satisfied with the level of English proficiency of your students?"

The vast majority of respondents with CLIL technology studied this technology in the framework of self-education and a small proportion received this information at the advanced training courses under the Program "Órleý".

Conclusion. It should be concluded that despite the need for large-scale use of CLIL technology to promote trilingual education in Kazakhstan, the training of CLIL teacher at universities is fragmentary. This actualizes the problem of systematic and targeted training of teachers in the conditions of the University

Bibliography

1. Anderson, J. (2011). Reshaping pedagogies for a plurilingual agenda, *The Language Learning Journal*, 39 (2), 135-147.

2. Anderson, J. (2017). Engagement, multiliteracies and identity: developing pedagogies for heritage/community language learners within the UK school context. In O. E. Kagan, M. M. Carreira, & C. H. Chik (Eds), *The Routledge Handbook of Heritage Language Education: From Innovation to Program Building* (pp. 248-262). New York: Routledge.
3. Marsh, D. (2012). *Content and Language Integrated Learning (CLIL) A Development Trajectory* (Doctoral dissertation). University of Córdoba.

МОРФОЛОГИК ВАРИАНТДОШ БИРЛИКЛАР ВА МЕЪЁР МАСАЛАСИ

Д. Базарова

*Катта ўқитувчи,
Қариш давлат университети,
Қариш, Ўзбекистон*

Summary. This article dedicated studying morphological variable units and literary norm. The author analyzes affix variability. There are also discussed the functions of variable affixes in an literary text.

Keywords: morphological variable units; variable case; affix; literary norm; orthoepic norm; orthographical norm.

Морфологик жиҳатдан ривожланган ўзбек тили шакл ҳосил қилувчи кўшимчаларга бойлиги билан характерланади. Шакл ҳосил қилувчи кўшимчаларнинг вариантлилиги бу тилнинг имкониятлари кенглигидан далолат беради. Кўшимчаларнинг вариантлилигини иккига бўлиш мумкин.

а) орфоэпик вариантдош кўшимчалар;

б) орфографик вариантдош кўшимчалар.

Орфоэпик вариантдош кўшимчалар талаффуздагина фарқланади, аммо бу вариантлар имлода айнан бир хил ёзилади. Ўзбек тилида сингармонизм ҳодисаси жуда кучсиз бўлганлиги туфайли орфоэпик вариантдош кўшимчаларни ажратиш ўта нисбий. Масалан, *ошиқлар* сўзидаги *-лар* шаклининг талаффузи ўзакдаги *қ* товуши ҳисобига мактаблар сўзидаги *-лар* шаклига нисбатан қаттиқлиги билан маълум даражада фарқланади. Аммо бу фарқ сезилар-сезилмас бўлганлиги сабабли уларни вариантлар сифатида эътироф этиш мунозаралидир. Сингармонизм кучли бўлган тилларда унлилар билан фарқланувчи вариантдош кўшимчаларни кўплаб учратиш мумкин. Масалан, сингармонизм кучли сақланган қорақалпоқ тилида бунинг ёрқин ифодасини кўришимиз мумкин. “Қорақалпоқ тилида кўшимчалар вариантлилиги сингармонизм қонунияти билан боғлиқдир. Сингармонизмга боғлиқ ҳолда товушлар алмашилишидан кўшимчалар вариантлари пайдо бўлади. Масалан, қорақалпоқ тилидаги кўплик маъноси адабий тилда *-лар// -лер*, диалект ва оғзаки сўзлашув тилида *-лэр// -лор* каби тўртта вариантга эга. Сингармонизм қонуниятига кўра, ўзакдаги унлилар ўз табиатига мос ҳолда кўшимчалардаги унлиларни уйғунлаштиради. Ўзакдаги унли товуш қаттиқ

бўлса, кўшимчадаги унлилар шунга бўйсуниб, қаттиқ ҳолда кўшилади (*аўыл-лар-дан*). Аксинча, ўзакдаги унли юмшоқ бўлса, кўшимчадаги унлилар уларга мослашиб, юмшоқ тарзда кўшилади (*терек-лер-ден*)” [2]. Ўзбек адабий тилида бу даражадаги вариантдош кўшимчалар учрамайди.

Орфографик вариантдош кўшимчалар имлода ҳам (албатта, талаффузда ҳам) тубдан фарқли ифода этилиб, улардаги фарқларни иккига ажратиш мумкин:

- а) унлилар асосида фарқланувчи вариантдош морфологик шакллар;
- б) ундошлар асосидаги вариантдош морфологик шакллар.

Вариантдош морфологик шакллардаги фарқланувчи унлилар орфоэпик фарқланувчи морфологик шакллардан вариант унлиларнинг турли фонема хусусийликлари эканлиги билан характерланади. Ҳолбуки, орфоэпик вариантдош морфологик шакллардаги вариантликда фарқланувчи унлилар бир фонеманинг вариантлари ҳисобланади.

Ўзбек адабий тилида турли унлилар асосида фарқланувчи кўшимчалар мавжуд. Улардан айрим мисоллар келтирамиз:

Вариантдош келишик шакллари:

- а) қаратқич келишиги: *-нинг//-н*;
- б) тушум келишиги: *-ни//-ин*;
- в) чиқиш келишиги: *-дан//-дин*.

Вариантдош эгалик шакллари:

- м//-им*;
- нг//-инг*;
- и//-си*.

Вариантдош шахс-сон шакллари:

- ман//-мен*;
- сан//-сен*;

Вариантдош нисбат шакллари:

- а) биргалик нисбати: *-и//-иш*;
- б) мажхул ва ўзлик нисбати: *-м//-им*;
- в) орттирма нисбат: *-каз//-киз*; *-қаз//-қиз*; *-газ//-гиз*.

Ундошлар асосидаги вариантдош шакллар тилимизда талай. Уларнинг қўлланиши адабий, баъзан бадиий меъёр асосида юз беради. Уларга айрим мисоллар:

Вариантдош келишик шакллари:

- а) қаратқич келишиги: *-нинг//-им*;
- б) жўналиш келишиги: *-га//-ка//-қа//-на//-йа*;

Вариантдош нисбат шакллари:

- а) орттирма нисбат: *-дир//-тир*; *-каз//-қаз//-газ*.

Вариантдош замон шакллари:

- а) ўтган замон: *-ди//-ти*; *-ган//-кан//-қан//-ган*;
- б) келаси замон: *-ади//-йди*.

Бу сирани яна давом эттириш мумкин.

Вариантдош морфологик шаклларнинг тил меъёрига муносабати турлича. Уларнинг айримлари адабий тил меъёрларига бутунлай мос бўлса (-дир//-тир; -каз//қаз//газ; -нинг//-н; -ни//ни), айримлари (-дан//диннинг//им; -га//на//йа) бадиий меъёр талаблари билан адабий тилда қўлланади.

Шевавий вариантдош шакллар тилда беҳад кўплиги билан характерланади. Масалан, -нинг//динг//тинг, -га//га//на//а//я

Шевавий вариантдош морфологик шакллар бадиий асарда худуд руҳини бериш, қаҳрамонлар нутқини индивидуаллаштириш, уларнинг ички туйғусини ойдинроқ ёритиш мақсадида амалга оширилади. Шунда ҳам, барибир, адабий тил меъёри уларни қўллашни тартибга солади.

Морфологик вариантдош шаклларнинг тарихий турлари ҳам адабий меъёр қонун-қоидалари асосида амалга оширилади. Бунда ҳам адабий тил меъёрлари уларни давр руҳиятини бериш, тарихий колоритни ёркинроқ акс эттириш, қаҳрамонлар нутқини индивидуаллаштириш талаби билангина қўллашга “рухсат” беради.

Хусусан, Абдулла Орипов шеърларида қаратқич келишигининг шевавий шакли, бошқа шеърий асарларда морфологик шаклларнинг белгисиз, қисқарган вариантлари қўлланиши ўзига хос бўлиб, баъзиларида адабий меъёр талаблари чегараларида чиқиш кўпроқ кузатилса-да, бироқ уларда инсоннинг ментал руҳиятини, кайфиятини яққолроқ акс эттиришга эришилганлигини кўришимиз мумкин.

Оламда фожиа кўп эрур, бироқ,

Бунисин алами ҳаддан зиёда.

Оҳ, нечоғ даҳшатдир, тирик турган чоғ

Умринг оёқости бўлса дунёда...

(Абдулла Орипов, “Фожиа”)

Тилдаги фонетик қонуният, адабий тилнинг орфоэпик ва орфографик меъёрлари қатор вариантдош бирликларни қўллашда фонетик жараёнларни акс эттиришнинг бир хиллик талабига таяниш зарурати асосида амалга ошади.

Умуман олганда, морфологик шаклларнинг шевавий ва тарихий вариантларини адабий тилда қўллаш бадиий талаби, адабий тилга хос вариантларни қўллаш эса орфоэпик ва орфографик тамойиллар талаби билан фонетик ҳодисаларни акс этиришни бир хиллаштириш негизида юз беради.

Библиографик рўйхат

1. Бегматов Э., Маматов А. Адабий норма назарияси. – Тошкент, 2000. – Б. 80.
2. Қазақбаева А.Т. Қорақалпоқ тилида қўшимчаларнинг вариантлилиги: филол.фанлари номзоди...дисс.авторефер. – Нукус, 2010. – Б. 7.
3. Шукуров Р. Сўз вариантлари ҳақида. – Тошкент, 1987. – Б. 18.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЛАГОЛОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПОДГРУППЫ «ПРЕБЫВАНИЕ СУБЪЕКТА В ЭМОЦИОНАЛЬНОМ СОСТОЯНИИ»

Т. И. Жегало

Аспирант,
Белорусский государственный
университет,
г. Минск, Беларусь

Summary. The article deals with the analysis on the lexico-semantic verb group "Description of the emotional state". The issue of stylistic characterization of publicistic discourse is quite urgent in modern linguistics. Thereby this study determines the most frequently used verbs in Belarusian newspaper articles to describe person's emotional condition and specifies discourse style to which these verbs belong.

Keywords: lexico-semantic verb group; verbs of emotional state; publicistic discourse.

Исследование посвящено описанию ЛС подгруппы «Пребывание субъекта в эмоциональном состоянии» с типовой семантикой *испытывать (испытать) чувства, эмоции; быть, находиться в эмоциональном состоянии*, где с базовыми единицами являются *испытать; быть, пребывать (в состоянии)*.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы стиля газетных изданий на сегодняшний день с позиции норма – факт. Цель – выявить наиболее частотные глаголы характеризующие пребывание человека определенном эмоциональном состоянии, используемые корреспондентами в газетном издании «СБ: Беларусь сегодня» и присвоить стилистическое маркирование данным глаголам.

Материалом исследования стали статьи периодического издания «СБ: Беларусь Сегодня» за 2018 г. Поиск глаголов в текстах статей осуществлялся автоматическим онлайн поиском веб-сайта печатного издания «СБ: Беларусь Сегодня» по дате. В результате выявлены наиболее частотные глаголы описания эмоционального состояния человека.

Таблица 1

Частотность глаголов ЛС подгруппы
«Пребывание субъекта в эмоциональном состоянии»

Глагол	Количество точных совпадений в тексте
Удивляться	975
Бояться	812
Чувствовать	791
Сомневаться	725 (504 - не сомневаться)
Ощущать	714
Гордиться	643

Переживать	630
Волноваться	464
Заботиться	367
Страдать	201

Стоит отметить, что такие глаголы как *угрызаться, оскорбляться и томиться* в тексте статей не были зафиксированы, а *глаголы гневаться, благодушествовать, блаженствовать, обомлеть* найдены в количестве 2 единиц по каждому слову.

Также представляется интересным дать характеристику наиболее частотным глаголам с позиции стилистической окрашенности. В современной лингвистике выделяются 3 наиболее общих стиля языка: нейтральный (разговорный), «высокий» – лексика с возвышенным, торжественным звучанием, лексика книжного стиля, «низкий» – «фамильярный» стиль с пренебрежительной или вульгарной (в том числе бранной) лексикой [2, с. 37–38].

Самые частотные глаголы перечисленные в таблице выше имеют нейтральную стилистическую маркированность, т.к. являются общеупотребительной, разговорной лексикой, а вот глаголы, найденные в статьях в наименьшем количестве или не найденные вовсе: *томиться, гневаться, благодушествовать, блаженствовать* стоит отнести к высокому стилю языка. Из этого можно сделать вывод, что для данного типа газетных статей характерен нейтральный стиль, если мы говорим о глаголах эмоционального состояния. Следует также отметить, что в перечне самых часто используемых глаголов из 10 единиц: 5 имеют негативную коннотацию: *бояться, сомневаться, переживать, волноваться, заботиться, страдать*; 3 – нейтральную: *ощущать, чувствовать, удивляться*; 1 – положительную *гордиться*. Приведенный нами факт доминирования негативных коннотаций лексических единиц в информационном пространстве, безусловно, представляется интересным и может быть использован для дальнейших исследований белорусского общества.

Библиографический список

1. Бабенко, Л.Г. Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложений // Лексико-семантические группы русских глаголов / Под ред. Э.В. Кузнецовой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1989. - С.3-5.
2. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия [Текст]: учебное пособие к спецкурсу / А. М. Кацев; М-во просвещения РСФСР, Ленинградский гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. - Ленинград: ЛГПИ, 1988. - 80 с.

II. ISSUES OF TEACHING METHODS OF THE DISCIPLINES OF PHILOLOGICAL CYCLE

REFLECTION OF RUSSIAN NATIONAL MENTALITY IN THE LANGUAGE (educational learning material)

M. M. Morarash

*Candidate of Philological Sciences,
Kazan branch,
Russian State University of Justice,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

Summary. The author substantiates the thesis on rich and expressive power of the language supported and intensified by actualization of the language units semantics. The fragment of conceptual domain of the novel by V. Nabokov *The Luzhin Defense* (Berlin, 1929) was taken as the material for the given research. The article deals with description of the linguistic analysis of this fragment, promoting feeling for language and nurturing love for mother tongue, interest in its learning.

Keywords: text; Nabokov; Russian; word.

The problem of training/education correlation, set for educational domain "The Russian Language and Literature" at school, is also relevant for the system of tertiary education for non-linguistic faculty students. A graduate means both competent and skilled professional and *a man with well-shaped worldview and moral principles, high-minded ideas and feelings* [4, p. 78]. The educational science treats training and education as important drivers in formation of society, state and culture.

The distinguished Russian scholar F. I. Buslaev is strongly convinced that *"there is no discipline with such tight and harmonious intercourse of training and education as in mother language teaching*. It should be mentioned, that the Russian Language discipline involves the moral education of a student. A word is teachers' powerful weapon of conviction! *Everything in the world is a sign, a word, and the world itself (and a man therein) is also a word essentially* [5, p. 12]. This *makes the language the main source and the basic factor of man's intellectual activity and takes us to the acknowledgement of crucial role of language in the world cognition* [ibid.]. According to Lvova S. I., EdD, chief of laboratory of the Russian language didactics of the Institute of teaching methods and content of the Russian Academy of Education, the Russian language lessons *must become the message for the true Russian discourse, the Russian psyche, the Russian culture* [2, p. 14]. Thus, they must contribute, on the one hand, to development of the language awareness as the national cultural asset, on the other hand, to improvement of a student's speech. The idea that *the language is the image of a man: his mind, his heart; it is the way to express education, intellectual and moral powers*

[quoted in: 2, p. 14] is the basis of our search in elaboration of the Russian language lessons at non-linguistic higher educational institutions.

Instilling of a sense of patriotism in the oncoming generation is a principal upbringing direction in pedagogics. Patriotism – is a high sense of love for the country, the nation, the language, pride in the country and its achievements, readiness to serve the nation. It is no coincidence that patriotism makes an integral part of a fully functioning person. Within implementation of the specified approach, the present article represents the practices of language material analysis in the Russian Language and Speech Culture classes. The resort to the works by Nabokov V. V. is reasonable in this context. He was an emigre writer who loved and was devoted to his country throughout his life, and Russia remained the main subject matter for the writer. Besides, with good reason, being experienced with linguistic analysis of Russian novels by Nabokov V. V., we can say that his novels are exceptional masterpieces of oral tradition. He is not only the writer, but also the master of literary style, the word-painter, the idolator of elegant form. In such a case his text can teach students to think over a word, to find its real significance, in other words, *to feel <Russian– author>word with heart and soul...* (V. G. Belinsky). However, professor Annushkin V. I. notes, that *the challenge is to find the appropriate text*. Indeed, the educational text should provide means for vocabulary build-up of the students, develop the ability to understand the specific nature of belles-lettres, to recognize the implied sense. It should be "infused" with characterisations, and certainly should contain materials for important and hard grammatical classwork. In our opinion, a fragment from the novel "The Luzhin Defence" can be taken as an illustration of such a text.

He entered the drawing room and went all limp with pleasure, and his stomach, beneath the velvet waistcoat that for some reason he always wore during tournaments, quivered touchingly with laughter. A chandelier with pale translucent pendants answered him with an oddly familiar vibration; and on the yellow parquetry that reflected the legs of Empire armchairs, a white bearskin with spread paws lay in front of the piano, as if flying in the shiny abyss of the floor. All sorts of festive-looking knickknacks were on numerous small tables, shelves and consoles, while something resembling big heavy rubles gleamed silver in a cabinet and a peacock feather stuck out from behind the frame of a mirror. And there were lots of pictures on the walls – more country girls in color kerchiefs, a golden bogatyr on a white draft horse, log cabins beneath blue featherbeds of snow... All this for Luzhin merged into an affecting glitter of color, from which a separate object would momentarily leap out – a porcelain moose or a dark-eyed icon – and then again there would be that gay rippling in his eyes, and the polar skin, which he tripped over causing one edge to reverse, turned out to have a scalloped red lining. It was more than ten years since he had been in a Russian home and now, finding himself in a house where a flowery Russia was boldly put on display, he experienced a childish elation, a desire

to clap his hands – never in his life had he felt so cozy and so at ease. (Nabokov V.V., 259 words).

Text fragment is analysed under supervision of a lecturer following the scheme:

1. Explain the meaning of words *Empire, console, draft horse, scallop*. Write down the words and their definitions in a copy book.

2. Prepare for an expressive reading of the text. Pay attention to its lexical, syntactic and punctuation features.

3. Define the theme, the main idea of the text. Name it.

4. Write down lexemes contributing to creation of a descriptive picture of the fragment. They should be determined by the theme of the text, its main idea, author's feelings. Divide them into thematic groups.

5. Determine their stylistic connotation. Choose, if possible, synonyms – stylistically neutral words. Mind the most important criteria determining stylistic stratification of vocabulary. What is emotional vocabulary? What is "expressiveness"?

6. What is a paronym? Find paronyms in the text. Explain their meaning. Why does the author call Russia "flowery"? Why he didn't use here a usual, more common word "flowering"?

7. Which sentence transmits main information contained in the text? Write it down in your notebook.

8. Pay attention to the use of syntactic constructions in the text. Make a syntactic analysis of all sentences, define their structure.

9. Try to explain why there are so many complex sentences in this text. Is it possible to convey the revival of feelings and thoughts of a person in foreign land through simple sentences? What functional style of the Russian language uses mostly simple sentences and why?

10. Give the definition of punctuation. What are the principles of Russian punctuation? Explain the role of punctuation in a literary text. What are variable (optional) and author punctuation marks? Explain all punctuation marks in this text. What is the role of punctuation marks such as semicolons, ellipses? Can we call punctuation in the analyzed fragment of the novel by V. Nabokov "calm"? Have you found the author punctuation mark?

11. Draw a conclusion on how language features convey the state of internal drama of the emigre deprived of his homeland.

Homework assignment may be a mini-essay on the theme: "No one would understand what a homeland is as long as it exists."

To perform the first task one should use a defining dictionary to find out the exact meaning of proposed words. The main methods of working with lexicalized words in Russian classes are specified by methodologists, they may be used to enrich the active and passive vocabulary of students. The main advantage of the next task is that in each class students get a feel for a thoughtful and expressive reading of fine literature. Reading is not only a great way to get new information. It is primarily the process of emotional perception, unity of feelings, em-

pathy, deliberate immersion in the mood of the book (from methodical literature). It is an attempt to live together the inner drama of the emigre writer. Reading can be accompanied by tasks related to the perception of the text.

After reading the text, in the course of analytical conversation lecturer draws the students' attention to the content and the form of the reading. First of all, it is advisable to formulate the theme and idea of the text. It is noted that the theme of the text is the character's visit to someone's home during emigration. And the main idea is that Luzhin feels at ease in that place, visiting an unfamiliar house that caused bright and unique emotions in him. After the formulation of the theme and idea of the literary text, students are invited to write out language tools describing the space and the internal state of the character. Most likely, adjectives '*colored*' and '*flowery*' will be written down then. It is important to draw students' attention to these words, because the phrase '*a flowery Russia*' will be central in this text. The use of paronyms in one fragment makes us think about the meaning implied in them by the writer. Let's try to get into the context of associations. '*Colored*' (*tsvetnoy*) has the following definition: painted, having a colour, usually one (for example, colored paper). The word '*flowery*' (*tsvetistiy*) has two close meanings: 1) multicolored, gaudy, colorful, 2) dotted with flowers (for example, flowery meadow). Of course, calling Russia '*flowery*', V. Nabokov in one word re-creates the image of the whole Russia, the picture of Russian nature, which has the feel of a festive summer day. It's true, Russia will always be flowery for the writer, it is how he would remember it throughout his life. Along with the word '*flowery*' (*tsvetistiy*), the participle '*blooming*' (*tsvetuschiy*) is actively used in Russian lexical system. Probably, the word '*blooming*' is also applicable to the image of Russia, but for the author the difference in these words is significant. '*Blooming*' (*tsvetuschiy*) is a participle, derived from a verb '*to bloom*' (*tsvesti*), having, respectively, a time feature. This word is more suitable for the alchemy of spring, for example, spring blossom (but not autumn). *Flowery* (*tsvetistiy*) is an adjective derived from a noun *color* (*tsvet*) or *flowers* (*tsvety*), thus expresses a constant qualitative characteristic. For example, in this context, the word *flowery* (*tsvetistiy*) could be used to describe autumn. In the course of analysis, students will understand that the image of Russia in this context is presented in the full flourish of the beauty of nature, causing the Russian emigre to feel joy, unfading admiration and comfort. At this stage, students can also recall the definitions of '*color*' (*tsvetnoy*), '*floral*' (*tsvetochniy*), '*flowered*' (*tsvetastiy*). But why are they not applicable here in terms of Nabokov's concept? Let students try to answer this question on their own. Development of argumentation in position statement will promote the development of students' thinking and speech. In this regard, we can come to a conclusion that the last sentence represents the main idea of the whole fragment. The Russian house visited by Luzhin reminded him of his own home in Russia. The image of this house entailed associative connections: it is full of different colors (*yellow* parquetry, *white* bearskin, *shiny* abyss, rubles *gleamed silver*, *flowered* kerchiefs, *golden* bogatyr, *white* draft horse, *blue* featherbeds of snow, glitter of

color, dark-eyed icon, red lining), as well as Russia in a summer heyday, colorful interior of the drawing room took him back to the flowery Russia. The color symbols also have the psychological focus: joyful mood is communicated by words having brilliance and sparkle semantics. The perception of the house is full of colors and radiance. Descriptive and pictorial sketch is filled with deep emotional and sensual content. In addition, the event of a visit to a Russian house abroad is perceived as significant, since it acquires a clearly expressed evaluative component. According to the author's concept, this is due to color diversity of the fragment and the fact that creation of the image of the house involved lexemes that are identical in terms of "emotional experience, positive feelings." Luzhin's moral fibre is characterized throughout the novel as "lifeless", as if he died spiritually, his heart grew cold. His casual appearance in the Russian house explains the revival of his inward peace of mind. What happens to the character? He *went all limp, trembled, his stomach quivered, there would be that gay rippling in his eyes*, he desired *to clap his hands*. Russians cannot love life if the reason for living is gone, they grow weak, their hearts grow cold - this is the national mindset. In our linguistic analysis we come to a conclusion that there are not so many connotative words, but they "come out" one by one and form one joint micro-theme – "joy".

Thus, the author through the lexical items conveys his attitude, evaluation of the subject matter. However, other linguistic units should not be underestimated in the actualization of the text content. In this case it would also be useful to consider grammatical means that amplify the conceptual information about the text. In the course of further analysis, the students' attention should be drawn to the great number of many-component compound sentences consisting of several predicative parts with different types of links. It is important to note that predicative parts are often expanded with homogeneous parts of the sentence, unattached phrases, common figures of speech, limiting attributes. In our view these structures represent the most advantageous syntactic form comprising a mini-story on the experienced emotions within one sentence. Again, it should be noted one more time that sentences used to reflect complex inner world of the characters, cannot be short in the prose by Nabokov V. V. Number of predicative units within many-component compound sentences increases when it comes to the rising tension within the inner world of the central character [3]. Besides, analysis of these structures proved that according to G. F. Kalashnikova's theory they can be attached to harmonic constructions, that *are widely used in poetry due to their ability to adapt easily to a form of verse. This fact is associated with the conclusion on presence in their structure of great tension, which is more characteristic of poetry* [1, p. 142]. Undoubtedly, structural models of the fragment are characterised by eurhythmia owing to coordinating link, combination of coordinating and subordinating links, which is crucial for narrative (figurative) texts. At the final stage we can consider the text punctuation. There are many punctuation marks both regulated and unregulated by the rules of Russian punctuation. It would be preferable to discuss the regulated punctuation marks in

class, if required the lecturer must provide an explanation on the text punctuation. Let us move to explanation of unregulated punctuation marks. There is a semicolon in the second sentence. Semicolon is often considered to be optional punctuation mark. A chandelier – an inanimate object in the room – experienced the same feelings as the principal character, and *answered with vibration*. Then the sentence is expanded with narration and description, that brought emotions of the principal character. Here a semicolon turns the author's punctuation mark. Why didn't V. Nabokov start description with new sentence after the full point? It is highly likely that it was important for him to combine and at the same time to disunite the micro-themes, in this case their affinity is evident. And the full point would create semantic gap. The ellipsis, in turn, is used to demonstrate excitement, emotion. Each object "came up" in Luzhin's memory and entailed many other objects, his inner world was overwhelmed with feelings, that loosened the soul "chains". The ellipsis is used for the principal character to "take a breath" and to go on. At the same time, while the fragment reflects overwhelming feelings of the character, the punctuation can be described as "calm". This conclusion is due to the absence of the marks of exclamation and interrogation, that are usually used to convey different shades and intensity of emotions. Curiously, the punctuation remains restrained, and syntactic constructions underline intonation regularity and eurythmy. In his prose V. Nabokov frequently used coma and dash as a single mark. It is also present in the given fragment [Russian text], however there can arise some difficulties in its interpretation since it is not regulated by the Russian language rules, even as an optional one. It is arguable that the author uses this mark not only to emphasize the pause. In the first sentences it can heighten the significance of naming each familiar object. In the last sentence, that was defined as the central one, this mark is used to heighten the significance of the statement summing up his feelings about the Motherland – **"never in his life had he felt so cozy and so at ease"**. Thus, the language system of the fragment reflects both deep emotional experience of separation from the Motherland, excitement, distress, and, undoubtedly, great spiritual strength, inner concentration and courage of a man who has lost his country. It is clear from the given analysis that this fragment is about homesickness. The author's evaluation is disclosed through lexical and syntactic text organization. In this text, the main semantic load falls on these language levels.

The lesson can be a final study of the syntax and punctuation of the Russian language. The purpose of the practical session is to find out the features of the language elements functioning in a literary text. Students should come to a conclusion that they are not arranged at random, the author's intention greatly influences the peculiarities of their functioning. At the same time, literary text in the Russian language classes should act as a means of education. The teacher contributes to the purposeful educational impact on the minds and feelings of the younger generation.

There is plenty of language material for the analysis of literary texts. The main thing is to choose from a variety of texts the most suitable one, bearing in

mind the linguistic level of students, containing material for repetition of grammatical topics. At the end of each class it is desirable to ask students to write a short essay. Thus, all Russian language classes will contribute to the development of both oral and written speech.

Bibliography

1. Kalashnikova, G. F. The features of multi-component complex sentences in a poetic text // Complex sentence in the text: Collection of research papers - Kalinin, 1988. - P. 138-146.
2. Lvova S. I. The Lessons of Literature. 5-9 classes. - 4th ed., stereotype. - M.: Drofa, 2001. - 416 p. - (Teacher's Library).
3. Morarash M. M. Complex sentence as a reflection of the complex world (by the example of V.V. Nabokov's "Mashenka") // Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. Scientific Journal. – No.8. 2015. - P. 137-143.
4. Pedagogy: Textbook for High Schools / N. Bordovskaya, A. Rean. -SPb.: Piter, 2003. – 304 p. – (Series Textbook for High Schools).
5. Radbil T. B. Basics of the Language Mentality Study: Students' Manual. - 3d ed. - M.: FLINTA: Science, 2013. – 328 p.

CONSTRUCTING COMMUNICATIVE COMPETENCE BY APPLYING SOCRATIC QUESTIONING INTO THE EFL CLASSROOM

K. M. Smakova
A. D. Tlekeyeva

*Mg., senior lecture,
student,
University named after Suleiman Demirel,
Almaty, Kazakhstan*

Summary. Due to the globalization process, the field of education is experiencing changes that affect the role of a teacher, students and language teaching. Recent trends in language education require the learners to be able to use their knowledge in real-life contexts. One of the ways of achieving this goal is to improve the communicative competence of learners by practicing their speaking skills in real-life communication. Therefore, this article has investigated and carried out research on the development of communicative competence of secondary school students by applying Socratic questioning into the classroom, taking into consideration the problems of speaking skills and core principles of Socratic questioning.

Keywords: communicative competence; speaking skills; Socratic questioning; secondary school.

During the last two decades, globalization is erasing the borders of countries all over the world. The worldwide business, the global information exchange and migration have had great impact on expansion of English language in a society, making it the language of business and international communications. Since Kazakhstan has long-term goals of integrating into a global arena as one of 30 developed countries, English language is paid special attention in preparing future professionals. Language classrooms rarely include speaking activities that could

help students to improve their speaking skill in real-life communication, independent thinking, decision-making, critical and creative thinking, and problem-solving abilities. This study focuses on developing the communicative competence of the learners particularly through applying Socratic questioning into the classroom, particularly by implementing high-order thinking activities.

Introduction

For over the decades, the educational field has been occupied by various theories and methods that required learners to use the language at appropriate level. The primary theories in this field were grammar-translation and audio-lingual methods, focused on teaching language as “what it is?” rather than “why it is for?” Educators are expected to train their learners in a way that they should show their linguistic competence.

The linguistic competence was initially introduced by Chomsky [3] and it considered the language as a combination of rules. Chomsky separates the concepts of competence and performance, describing 'competence' as an idealized capacity that is located as a psychological or mental property or function (knowing) and 'performance' as the production of actual utterances (doing). Whereas Hymes [4, pp. 114–158] defines linguistic competence as “the ability to produce grammatical sentences or utterances through knowledge of linguistic rules” and introduces the concept of communicative competence [2, pp. 114–158] as the alternative to linguistic competence. Hymes [5, pp. 269–293] shows the distinction between linguistic and communicative competences by defining communicative competence as “the speaker's ability to participate in a society not only as a speaking member, but also as a communicative member”. Moreover, Ma [6, p. 40–45] indicates that communicative competence has a strong relation with linguistic, contextual and sociolinguistic competence, which means the learner, as interlocutor, should know what to say, how to say and when to say.

According to Savignon, “the role of the language teacher is to help learners get along in real-life situations” [11]. Not using the language in authentic situations led to the main problem in language production as students' inability to carry on spontaneous communication in a target language, which caused educators to search for the ways of improving students' communicative competence, confidence, and better performance.

The speaking skills tend to be a good measure of learner's communicative competence, because it is one of productive skills that require full acquisition of language system and diving into it. Therefore, present work is concentrated on the analysis of students' speaking skills and the development of communicative competence by applying Socratic questioning into the classroom.

It tends to be known that evolving speaking skills among EFL learners is important, however, “training of speaking skills has received the minimum attention, and many language instructors still spend the most of the class time in reading and writing practice nearly neglecting speaking skills” [12, pp. 221–230].

Both teachers and students face problems of speaking skills. EFL/ESL teachers underline most common two problems, which are problems of time-consumption and problems of evaluating learners' speaking abilities because of the usage of fragmentary utterances [7, 8]. At the same time, learners experience the problems connected with phonetic confusion, interference from the written form, interference from L1 and failure to use the weak forms. Moreover, students may feel uncomfortable in their first faltering speech experience in the foreign language [12, pp. 221–230].

As one of the main classroom activities, questions were considered as a tool to develop communicative competence, used by teachers to examine students' comprehension of the material. One of the ancient methods of questioning is considered to be Socratic questioning, which was developed by the Greek philosopher, Socrates. It tends to serve as a useful tool in solving speaking problems, increasing speaking competence, motivating and establishing positive teacher-student and student-student interactions.

“The Socratic Method is commonly known as a student-centered discussion that stems from a probing question and leads to numerous possible answers. Socratic questioning is a product of this method” [9].

The core principle of Socratic questioning is assumed to facilitate the thinking not just by directly answering, but by continuous thought-stimulating questioning. Chaudron [2, p. 126] suggests that “it is essential to develop students' critical thinking skills instead of teachers simply providing them with prescriptive answers and it is the core principle of the Socratic method of teaching. Teachers ask questions because it helps to hold students' attention, contribute to students' verbal output, and evaluate informally learners' progress”.

While implementing Socratic questioning, teacher is a model of critical thinking who respects learners' opinions, shows an interest in students' ideas and tries to motivate them to think independently. The teacher creates and sustains a stimulating, open, safe and demanding learning environment and acknowledges the value of the student in that environment.

Basing on the relevant literature, the deficiency of studies with the focus on improving communicative competence of secondary school students by applying Socratic Questioning was identified. The pros and cons of aforementioned concepts were described, but there was no relation of them to Kazakhstani EFL students.

The current research is focused not only on the context and content of a classroom but also takes into account psychological and social factors that might affect on students. It is important to identify various relationships that occur within students. Asking questions prompt students to speak and share that might provide students with the feeling of scare and anxiety in front of their peers. Various psychological and social factors might prevent students from being able to fully involve in discussion and questioning.

Methodology part

The action research was accomplished by some stages of Kemmis and McTaggart's model (1998) and contained planning, implementation, observation, and reflection stages. The action research used the qualitative approach, which is used to gain a deep insight of underlying reasons, perceptions, and motivations of learners. Therefore, observation, focus groups, postcards were used as the sources of data.

Participants of a research are 12 the 7th-grade students of one of Almaty school-gymnasiums, where Russian language is the language of instruction. English is taught three times per week, two of them are primary and one is additional. The intervention was implemented during the additional class and contained observation, interview and questionnaire. Learners' level of English is elementary and pre-intermediate.

At the beginning of the implementation, the classroom condition and students' speaking abilities were observed. Students were asked to answer general questions. The students' answers were taken and evaluated as the pre-test of learners' speaking performance. According to this observation results, main problems of learners were identified and the plan for solving them was prepared.

The second stage of action research was planning, where arrangement covered methods of questioning, planning the lesson plan, the technique of collecting data and setting the criteria for evaluation. Speaking activities were planned in accordance with the topics that covered the 7th-grade curriculum. Most of the topics were related to the Earth so that students needed certain background knowledge from several disciplines.

At the implementing stage, students were given speaking activities (warm-up, question & answer, group discussion, debate) that focused on a specific topic and served as the tool for students' expressions of their opinions. Questions, used in this stage, were based on the R. W. Paul's adapted version of Socratic questioning.

Students' speaking abilities were evaluated before, while and after intervention by the analytical approach to assess their speaking performance, which consists of four speaking elements: fluency, grammatical accuracy, pronunciation, and vocabulary. Each speaking element was divided into five sections, which had its own score, where each score correlated with how well language element was used in the classroom. Along with speaking performance, assessment of their contextual and sociolinguistic competence took place in the classroom, which based how well student was able to express his opinion by answering various questions.

Students' feelings were taken into consideration and they were given postcards to write feedback about the lesson and activities. Postcards seek for answers of "What problems did learners face during Socratic questioning implemented classes?" What challenges did they face when they tried to answer these questions? Did they like a lesson/activity? What particularly did they like?

Research findings and data analysis

On the basis of the observation techniques, students were evaluated in the pre-test and post-test stages of the research according to the analytical scoring rubric for speaking performance. The pre-test mean score of speaking performance that covered by 4 language elements was 34.25 % and the post-test mean score was 48.25 %. The students' English speaking performance after using the Socratic questioning technique in activities was significantly higher. The pre-test results of whole class show that fluency was 47 %, grammatical accuracy was 30 %, pronunciation was 27 % and vocabulary was 33 % out of 100 %.

At the implementation stage, the contents of the language in the activities supported by the Socratic questioning technique, were rigorously designated to comply with the curriculum, the learners' age, their language level, and to make challenges for the learners to broaden experience. The experience of working in teams lessened their anxiety about making mistakes while speaking English. Students within the group supported others from different teams. As the result they practiced self-monitoring, had confidence in speaking and were inspired to participate more in learning process.

In line with the observation throughout an implementation stage, the while-test shows that six students improved their responding to the queries: they tried to provide completed answers to the queries, whereas during the primary stage they gave solely short answers and ready-made chunks as a response. The questions for clarification, questions that probe assumptions, questions that probe reasons and evidence are the types of the Socratic questioning that were answered over alternative types.

The post-test mean score of the students' English speaking abilities was relatively higher than the pre-test, after the applying the Socratic questioning within the activities, such as discussion, question and answer, brainstorming. The post – test results showed that students' fluency was increased for 17 %, grammatical accuracy 14 %, pronunciation 8 % and vocabulary 17 %. Characteristics of the activities such as asking for personal opinion, group work on a specific topic, etc. encouraged the relationships among the students in the language classroom.

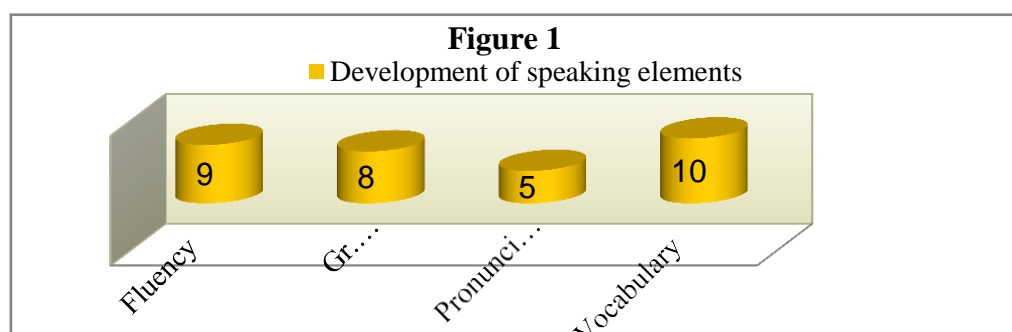

Figure 1 demonstrates the individual students' results in developments of speaking elements. This finding illustrates that nine students out of 12 developed

their fluency, eight students – grammatical accuracy, five – pronunciation and ten – vocabulary.

In the third stage, the researcher analyzed postcards, where the students gave their feedback about the activity and the lesson as a whole. All 12 students gave positive feedback about implementation of activities with Socratic questioning that were interesting for them and gave them an opportunity to share their opinions.

Additionally, in order to know the students attitude towards using this kind of activities, learners were taken an anonymous e-questionnaire. The e-questionnaire consisted of 10 questions.

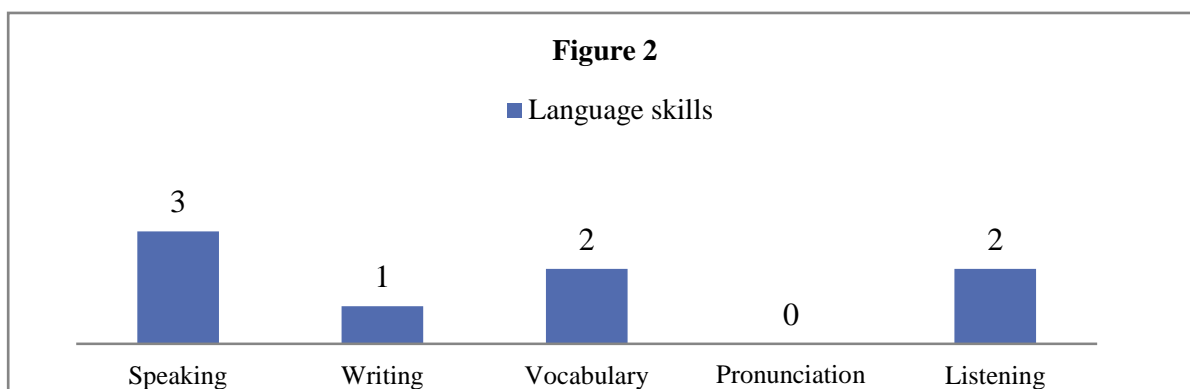

Figure 2 shows the answers to the question “Which language skills were improved during conducted the lessons?” All respondents answered that it developed their speaking skills. Students recommended using more games and teen talks during the lesson and conducting projects on interesting topics.

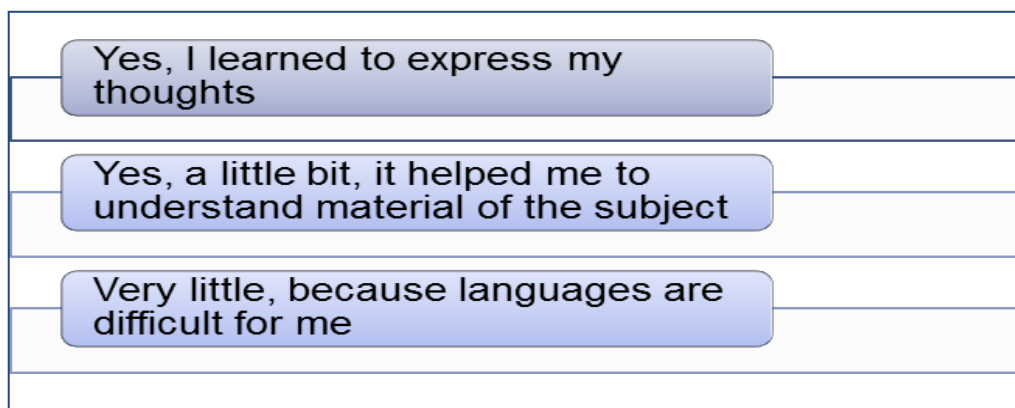

Figure 3 shows several samples of students’ answers to the key points of the interview seeking for the answer for the question “Does the activity Question & Answer help you to improve speaking?” According to learners’ responds, they faced problems of limited vocabulary and translation of words. Moreover, according to the questionnaire, three main speaking challenges were established during the whole research: L1 interference, students’ lack of knowledge about language elements and lack of time given for a lesson.

Conclusion

The results of this study supported the Socratic questioning technique in developing English speaking skills. Students' intensive interaction developed the students' speaking English proficiency. Learners were trained in maintaining the language functions. Also, because there was no teacher intervention, learners had some challenges of expressing their point of view towards the subject.

Implementing of the Socratic questioning into the classroom helped the students to develop not solely speaking skills, but other different language components. Students' critical and creative thinking, problem solving, independent decision-making skills were improved. These kinds of activities enhance students to gain experience of using the language in real-life settings by having chance for language application. It trains the learners to understand the aim of speaking, what to talk, who to talk, where to talk, and the way to use the language.

Bibliography

1. Balai Diklat Keagamaan Surabaya, 2011, July-September, Jurnal Inovaci, 19th edition.
2. Chaudron, C. (1988). *Second language classrooms: Research on teaching and learning*. Cambridge: Cambridge University Press. P: 126.
3. Chomsky, Noam (1965). *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge: M.I.T. Press.
4. Hymes, Dell H. (1966). "Two types of linguistic relativity". In Bright, W. *Sociolinguistics*. The Hague: Mouton. pp. 114–158.
5. Hymes, Dell H. (1972). "On communicative competence". In Pride, J.B.; Holmes, J. *Sociolinguistics: selected readings*. Harmondsworth: Penguin. pp. 269–293.
6. Ma, T. (2009). On communicative language teaching - Theoretical foundations and principles. *Asian Social Science*, 5, pp. 40-45.
7. Miller, L. (2001). "A Speaking Lesson. How to Make the Course Book More Interesting". *MET*. V.10, n.2, Pp: 25-29.
8. Nunan, D. (1989). *Designing Tasks for the Communicative Classroom*. New York: Cambridge University Press; (1999). *Second Language Teaching and Learning*. Boston: Heinle & Heinle Publishers.; (2005). *Task Based Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Paul, R. and Elder, L. 2006. *The Art of Socratic Questioning*. Dillon Beach, CA: Foundation for Critical Thinking.
10. Rana Houshmand, 2015, May 14, *Using Socratic Questioning as an Instructional Tool to Help High School Students at Grade Twelve Improve Their Perceptions of the Writing Process*, Portland State University.
11. Savignon, S. J. (1997). *Communicative competence: Theory and classroom practice* (2nd ed.). New York: McGraw-Hill.
12. Scarcella, R. C. & Oxford, R.L. (1994). "Second Language Pronunciation: The State of the Art in Instruction". *System*. V. 22, n.2, Pp: 221-230.
13. Shiamaa Abd EL Fattah Torky, 2006, *The Effectiveness of a Task- Based Instruction program in Developing the English Language Speaking Skills of Secondary Stage Students*, Ain Shams University Women's college Curricula and Methods of teaching.

ПОВЫШЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ – ОДНА ИЗ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

С. А. Жажева

*Доцент,
Кубанский государственный
университет, г. Краснодар, Россия*

Д. Д. Жажева

*доцент,
Адыгейский государственный
университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия*

Summary. Enhancing students' speech culture is one of the current challenges facing the modern school. Of particular importance is the work on the correctness of speech, its compliance with the language norms. High culture of speaking and writing, good knowledge and sense of the native language, ability to use its expressive means, its stylistic diversity – the best support, the most correct help and the most reliable recommendation for each person and in his social life and creative activity.

Keywords: speech; culture of speech; norm; orthoepia.

Основой для определения возрастных границ младшего школьного периода служит время обучения детей в начальных классах.

К семи годам совершается морфологическое созревание любого отдела больших полушарий, что создает возможности для осуществления целенаправленного произвольного поведения, планирования и выполнения программных действий.

К шести-семи годам возрастает подвижность нервных процессов, отмечается большее, чем у дошкольников, равновесие процессов торможения и возбуждения, хотя процессы возбуждения преобладают (что определяет такие характерные особенности младших школьников, как непоседливость, повышенная эмоциональная возбудимость и т. д.). Возрастает функциональное значение второй сигнальной системы, слово приобретает обобщающее значение, сходное с тем, какое оно имеет у взрослого человека. В целом можно сказать, что у детей семи-десяти лет основные свойства первичных процессов по своим характеристикам приближаются к свойствам нервных процессов взрослых людей.

Вместе с тем эти свойства у отдельных детей еще очень неустойчивы, поэтому многие физиологи считают, что говорить о типе нервной системы у младших школьников можно лишь условно.

Известно, что в младшем школьном возрасте в центр психологического развития ребенка выдвигается формирование произвольности: развиваются произвольная память, внимание, мышление, произвольной становится организация деятельности. На протяжении всего младшего школьного возраста ребенок учится управлять своим поведением, протеканием психологических процессов (мышления, памяти, внимания).

К концу третьего класса у всех учеников складывается некоторый минимум умений, связанный с запоминанием и воспроизведением учебного материала, однако в этом проявляется не столько развитие произвольной памяти, сколько ее приспособление к стандартным заданиям. С помощью языка человек осознает роль своего народа в прошлом и настоящем, приобщается к культурному наследию, к современным процессам духовного развития общества, нации. Значение русского языка в наше время огромно. Русский язык закрепляется и как средство международного общения, входя в круг мировых языков. Эти общественные функции подготовлены всем ходом исторического развития. Совершенно естественно, что в наши особенно широко ставится задача изучения и научной нормализации русского языка, повышение культуры устной и письменной речи, пропаганды лингвистических знаний в классах.

Повышение речевой культуры обучающихся – одна из актуальных задач, стоящих перед современной школой. Особое значение имеет работа над правильностью речи, её соответствием языковым нормам. Не подлежит сомнению, что организовать целенаправленную, планомерную и эффективную работу по привитию детям необходимых речевых навыков можно только при том условии, если учителю известны речевые нарушения, свойственные детскому возрасту.

Современная школа уделяет много внимания развитию мышления в процессе обучения. Возникают вопросы: какое место в решении этой задачи принадлежит речи и речевым упражнениям? Можно ли отождествлять речевое развитие с развитием мышления? Мышление не может успешно развиваться без языкового материала. В логическом мышлении важнейшая роль принадлежит понятиям, в которых обобщены существенные признаки явлений. Понятия обозначаются словами, следовательно, в слове понятие обретает необходимую для общения материальную оболочку.

Знание слова, обозначающего понятие, помогает человеку оперировать этим понятием, то есть мыслить. Слова сочетаются в синтаксических конструкциях, позволяя выражать связи, отношения между понятиями, выражать мысль. Логическое мышление формируется в начальных классах и развивается, совершенствуется в течение всей жизни человека.

Речь – творческая функция человеческой психики, отражающая в речевом высказывании каждую новую речевую ситуацию, возникающую в коммуникативном процессе. В ней особенно ярко и разносторонне проявляется влияние социальных факторов. Речевое поведение человека обусловлено не только постоянными социальными характеристиками, но и ситуативными характеристиками, отражающими изменение социальных ролей и вызывающими речевое переключение. Таким образом, понятие культура речи рассматривается как понятие коммуникативно–стилистическое, зависящее не только от закономерностей развития языка и его норм, но и от социально–психологических особенностей процесса речевого общения. Это понятие тесно связывается с речевой деятельностью человека в целом.

Мысль человека обретает языковые формы. Как бы ни было сложно содержание мысли человека, она находит стройное воплощение в синтаксических конструкциях и морфологических формах языка.

Таким образом, овладение языком, запасом слов и грамматических форм создает предпосылки для развития мышления. Психолог Н. И. Жинкин писал: «Речь – это канал развития интеллекта... Чем раньше будет усвоен язык, тем легче и полнее будут усваиваться знания». Знание, факты, то есть информация – материал мышления. Следовательно, и через этот канал речевое развитие способствует развитию мышления.

Однако отождествлять развитие речи с развитием мышления было бы неправомерно. Мышление шире речи, оно опирается не только на язык. Работа мысли, усложняясь в связи с трудом, с наблюдением, с другими видами деятельности, требует обогащения и усложнения речи. Мыслительная работа стимулирует речь.

Обогащение речи, в свою очередь, оказывает положительное влияние на развитие мышления. Важно, чтобы новые языковые средства, которые усваивает школьник, наполнились реальным смыслом. Это обеспечивает связь мышления и речи.

Если школьник не может облечь свою мысль в речевую оболочку, значит, в самой мысли есть изъяны, и эти изъяны обнаруживаются в процессе оформления мысли в речевых формах. Полную четкость мысль приобретает лишь тогда, когда человек может выразить ее в ясной и понятной другим людям языковой форме [3].

В узком лингвистическом смысле культура речи – это владение языковыми нормами (в произношении, ударении, словоупотреблении, в построении фраз и тому подобное), а также умение пользоваться выразительными средствами языка в разных условиях общения в соответствии с целью и содержанием речи. Но культура речи в более широком смысле – это и культура чтения, и важнейшая часть общей культуры человека.

Само слово «культура» (от латинского *cultura*) буквально значит «возделывание», «обработка». Это то, что «обработано», «возделано» и передано нам по наследству нашими предшественниками; это то, что «обрабатывается» и «возделывается», шлифуется нами, чтобы передать следующим поколениям [4].

Культура речи – прикладной раздел языкознания, в котором рассматриваются два вопроса: как говорить правильно и как говорить хорошо. Эта сравнительно молодая область науки о языке сформировалась как самостоятельная дисциплина после революции под влиянием социальных сдвигов, произошедших в нашей стране.

Школьный курс родного языка, основной практической целью которого является развитие, усовершенствование речевых навыков учащихся, всегда в той или иной мере решал вопросы культурно-речевые. Культура речи занимает в нем такое же положение, как и стилистика – это аспект преподавания всех разделов науки о языке, включенных в школьную про-

грамму. Такие два, традиционных для школы, направления в работе по развитию речи учащихся отражают ни что иное, как основную проблему культуры речи [5].

Что же составляет содержание культуры речи как лингвистической дисциплины? У нее тот же, что и у статистики, предмет изучения – речь, но точка зрения на материал иная. Культуру речи интересует, как пользуется человек речью для целей общения?

Возникла культура речи как учение о нормах литературного языка. Понятие «языковая норма» считалось центральным понятием этого раздела языкознания, а вопросы правильности речи – единственным объектом изучения.

Правильность и коммуникативная целесообразность речи считаются двумя ступенями – низшей и высшей – овладения литературным языком. «Правильность речи – неперемный, но элементарный критерий речевой культуры. Подлинная высота речевой культуры определяется разнообразием способов выражения того же смысла, находящихся в рассмотрении говорящего, точностью и целесообразностью их выбора соответственно коммуникативной задаче» [2].

Правильность речи предполагает соблюдение говорящим норм литературного языка. Нормы литературного языка соотносятся с уровнями системы языка. Существуют нормы лексические, орфографические, грамматические – словообразовательные, морфологические, синтаксические. Лексические нормы фиксируются в толковых словарях в виде толкования значений слов и их сочетаемости; остальные нормы раскрываются в пособиях по грамматике литературного языка, в специальных словарях-справочниках, посвященных проблемам модификации языка.

Вторую ступень культуры речи можно определить как мотивированное употребление средств языка для целей общения, как оптимальное использование языка в конкретных условиях общения. Эта ступень предполагает высокий уровень развития речевой культуры, который применительно к школьной практике удобно обозначать с помощью простого и понятного термина хорошая речь [5].

В русском литературном языке существуют определенные нормы произношения и ударения. Правильность устной речи определяется правильностью звуков слов, постановкой ударения в словах, а также правильностью интонации предложения. Совокупность этих норм принято называть орфоэпией.

Работа над культурой устной речи предполагает, прежде всего, проведение специальных упражнений, направленных на овладение учащимися правил орфоэпии; обучение выразительному чтению и ознакомление с фонетическими закономерностями русского языка как средством художественной выразительности речи.

Воспитание культуры устной речи составляет одно из направлений в общей системе работы по развитию речи. Осуществляется оно с помощью

методов наблюдения и анализа языковых явлений (в данном случае фонетических явлений) и самостоятельной работы учащихся в форме разнообразных упражнений.

Усвоение учащимися правильного литературного произношения – процесс сложный и длительный. Большое значение при этом имеет умение слушать и слышать, желание совершенствовать свою речь. Это положение подтверждается в психологических исследованиях.

Воспитание произносительной культуры связано с обучением выразительному чтению. Обучение выразительному чтению органически входит в содержание уроков русского языка, так как изучение любой темы курса русского языка, особенно синтаксиса, включает в себе для этого богатые возможности.

Необходимо учить школьников правильному интонированию, использованию в речи пауз и логического ударения, обращая внимание на то, что изменение интонации приводит к изменению смысла предложения.

Основными приемами обучения выразительному чтению являются: показ образца чтения учителем или мастером художественного слова записи; хоровое или индивидуальное чтение учащимися с последующим анализом; чтение по ролям с предшествующим анализом содержания читаемого; запись и прослушивание лучших сочинений или выступлений учащихся. Использование всех этих приемов повышает интерес школьников к выразительному чтению, а, следовательно, и к урокам русского языка, тем самым, повышая уровень культурной речи [1].

Литературный язык, которым мы пользуемся – это подлинно драгоценнейшее наследие, полученное нами от предшествующих поколений, драгоценнейшее, ибо оно даёт нам возможность выражать свои мысли и чувства и понимать их не только у наших современников, но и у великих людей минувших времён.

Высокая культура разговорной и письменной речи, хорошее знание и чутьё родного языка, умение пользоваться его выразительными средствами, его стилистическим многообразием – самая лучшая опора, самое верное подспорье и самая надёжная рекомендация для каждого человека и в его общественной жизни и творческой деятельности.

Большое значение имеет психолого-педагогическое изучение школьников, своевременное выявление причин отставания отдельных учеников и выбор наиболее эффективных путей устранения этих отставаний.

Одной из распространенных причин неуспеваемости обучающихся являются разнообразные нарушения устной и письменной речи, которые нередко затрудняют овладение правильным чтением и грамотным письмом. В специальных исследованиях, проведенных в лаборатории логопедии НИИ дефектологии АПН, была показана зависимость между состоянием речевого развития ребенка и возможностью усвоения им школьных знаний. Было выявлено, что 1/3 учащихся с дефектами речи являются неуспевающими или слабоуспевающими по родному языку. Это, прежде

всего дети, у которых недостатки произношения недоразвитием процессов фонетикообразования. При этом наблюдается не только нарушение процессов внятной речи, но и аномальное овладение звуковым составом слова.

Отставание в фонетическом развитии создает серьезные препятствия для успешного освоения ребенком программного материала по чтению и письму, так как у него оказываются недостаточно сформулированными практически обобщения о звуковом составе слова. Эти обобщения создаются у ребенка с нормальным речевым развитием задолго до обучения в школе.

Еще большие затруднения испытывают дети с общим недоразвитием речи, которое проявляется в нарушениях не только произвольной, но и лексико-грамматической стороне речи. Попадая в массовую школу, такие дети становятся отстающими учениками только по причине своего аномального речевого развития. Таким детям необходима специальная логопедическая помощь.

Однако таких примеров можно привести немного. Чаще недостатки речи у обучающихся не связываются с их успеваемостью по письму и чтению. Неуспеваемость или слабая успеваемость по родному языку в большинстве случаев объясняются либо невниманием учащихся, либо недобросовестным отношением к учебной работе.

Большинство детей к моменту обучения в школе уже полностью овладевает звуковой стороной речи, имеют довольно развернутый словарный запас, умеют грамматически правильно строить предложения. Однако не у всех процесс овладения речью происходит одинаково. В ряде случаев он может задержаться, и тогда у детей отмечаются различные отклонения в речи, нарушающие нормальный ход их развития.

Возникновение нарушения письма и чтения следует рассматривать как результат недостаточного формирования звуковой стороны речи.

Важным элементом профессионального речевого мастерства учителя является культура устной и письменной речи, которая служит одним из важнейших показателей культуры мышления, духовного богатства человека и является могучим средством формирования гармонической личности. Недаром речевую культуру называют зеркалом духовной культуры человека, важнейшим средством облагораживания его чувств и мыслей. Это позволяет нам рассматривать культуру устной и письменной речи как важнейший компонент речевой подготовки учителя.

Язык учителя должен быть точным и понятным, выразительным и ярким, привлекательным для учащихся. Этого можно достичь только сознательной тренировкой, постоянным развитием речи, постижением законов речевого мастерства.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - М. Издательство Советское просвещение, 1996.

2. Васильева А.Н. Основы культуры речи: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1990.
3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность – М., 1969.
4. Лопатухин М.С. и другие. Школьный толковый словарь русского языка: пособие для учащихся. / Под редакцией Ф.П.Филина. - М.: Просвещение, 1981.
5. Львов М.Р. Методика обучения русскому языку в начальных классах: Учебное пособие для студентов педагогических институтов.– М.: 1987.

РАБОТА С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Г. А. Мусатова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Рязанское гвардейское
высшее воздушно-десантное
командное училище
им. генерала армии В. Ф. Маргелова,
г. Рязань, Россия*

Summary. The study of military phraseology is one of the aspects of working in classes in Russian as a foreign language. Difficulties are caused by students learning the idiomatic semantics of phraseological utterances, the use of these constructs in speech.

Keywords: military phraseology; Russian as a foreign language; linguistic and cultural studies.

В современной методике обучения русскому языку как иностранному прочно утвердился тезис об изучении языка и культуры в их взаимосвязи и взаимодействии. Процесс обучения иностранцев русскому языку как средству общения предполагает приобретение определенных фоновых знаний о России, о национальных традициях русского народа, знакомство с важными историческими вехами развития страны и явлениями русской духовной культуры. Но самое главное – это познание посредством изучаемого языка национальной картины мира, постижение особенностей русского менталитета, русского характера, который определяет как социальное, так и речевое поведение носителей языка.

Объектами изучения на занятиях по лингвострановедению являются лексические и фразеологические единицы, отражающие национально-культурное своеобразие изучаемого языка, безэквивалентная лексика, невербальные средства общения, ономастические реалии и т. п.

На занятиях по РКИ с иностранными военнослужащими значительное внимание уделяется национально-культурной семантике русской военной фразеологии.

Фразеологизм – устойчивое сочетание слов, которое обладает оценочным значением, то есть выражает положительную или отрицательную характеристику лица или предмета, имеет постоянный компонентный состав и грамматическую структуру: *держатъ руки по швам (трепетать*

перед кем-либо), сидеть как на пороховой бочке (быть, находиться в рискованном положении, в ожидании неприятностей).

Фразеологизм семантически неделим, то есть его значение не выводится из значения составляющих его компонентов (значение фразеологизма *стреляный воробей* «бывалый, очень опытный человек» не мотивируется ни значением слова *стреляный*, ни значением слова *воробей*). Невыводимость семантики фразеологизма из значений слов его состава называется идиоматичностью. Следовательно, фразеологизм – идиоматичное словосочетание.

На занятиях по русскому языку как иностранному мы с курсантами говорим о том, что прямое значение словосочетания всегда предшествует появлению у него идиоматичного смысла. Например, фразеологизм *в мундире* в значении «в кожаной, нечищенная вареная картошка» появился в языке на основе метафорического переноса слова *мундир* – военная форменная одежда. Следовательно, фразеологизм возникает, когда словосочетание утрачивает свой прямой смысл.

Формирование и функционирование военной лексики непосредственно связано с историей народа, его представлениями о справедливости, праве, возмездии. Выясняем с курсантами, что выражения *пахнет порохом, пушкой не прошибешь, в ружье, пуля чинов не разбирает* не могли появиться раньше огнестрельного оружия. Далее работаем с фразеологизмами «бить смертным боем», «пускать пыль в глаза», которые появились в русском языке «благодаря» рукопашному бою. Читаем небольшой текст: *Эти выражения, которые сейчас употребляются чаще всего в переносном значении, в «Указе» 1726 года формулировались как конкретные наставления для любителей кулачных боев: «Кто упадет, лежащих никого не били бы», запрещались бои, «в коих бойцы ... кидали песком в глаза, а иные ... били без жалости смертными побоями, от коих причинялась смерть».*

Работая с фразеологическими оборотами, обращаем внимание на следующие факты:

1) значение фразеологизма можно выразить одним словом (*падать духом* – унывать, отчаиваться, расстраиваться) или целым описательным выражением (*боевое крещение* – первое серьезное испытание на каком-либо поприще);

2) фразеологизм характеризуется постоянным лексическим составом: тот или иной компонент нельзя заменить близким по значению словом (вместо *пройти сквозь огонь, и воду, и медные трубы* нельзя сказать *пробежать сквозь огонь, и воду, и медные трубы*);

3) фразеологизмам присуща устойчивость грамматической формы их компонентов: каждый член фразеологического сочетания воспроизводится в определенной грамматической форме, которую нельзя произвольно изменять (нельзя сказать *на пушки брать, сидеть как на пороховых бочках*, заменив формы единственного числа *на пушку, на пороховой бочке* формами множественного числа).

Работа над фразеологическими выражениями должна вестись с учетом потребностей изучающего русский язык иностранного слушателя. В качестве образца рассмотрим алгоритм работы с фразеологизмом *на пушечный выстрел*.

1. Заголовочная единица: *на пушечный выстрел*.

2. Толкования безэквивалентных и других трудных слов и грамматических конструкций. Поскольку слова *пушечный* и *выстрел* понятны нашим обучающимся, мы не останавливаемся на данных лексических единицах.

3. Семантизация переносного смысла: *совершенно, вовсе (не подпускать к кому-либо или чему-либо)*.

4. Ситуативная характеристика: *говорится в том случае, когда человек не хочет подпускать / подпустить, допускать / допустить кого-либо к чему-либо*.

5. Иллюстративный материал: *Должно быть, деятельность этих людей не отличается кристальной чистотой, если они предпочитают вести свои дела бесконтрольно и на пушечный выстрел не подпускают посторонних людей к изучению их коммерческих тайн (К. Чуковский)*.

Если есть информация во фразеологических словарях, мы с курсантами обсуждаем первоначальное значение фразеологической единицы. Фразеологизм *на пушечный выстрел* в момент возникновения звучал как *на расстояние пушечного выстрела* и имел значение «на расстояние, на которое действует стреляющая пушка» [2, с. 257].

На занятиях по лингвострановедению дается информация по синонимическим, антонимическим и омонимическим отношениям рассматриваемых нами фразеологизмов.

Фразеологизмы, обладающие близким или тождественным значением, вступают в синонимические отношения: *стреляный воробей – тертый калач – видал виды – прошел огни, воды и медные трубы*. Подобно лексическим единицам, такие фразеологизмы образуют синонимические ряды: *брать (взять) на пушку (кого) – вертеть хвостом, водить за нос (кого), втирать очки (кому), морочить голову (кому), обводить вокруг пальца (кого), пускать пыль в глаза (кому)*.

Фразеологические синонимы могут не иметь семантических различий: 1) *до последней капли крови (биться, сражаться, бороться, защищаться, воевать)* – нисколько не щадя своей жизни, до решительного исхода; 2) *не на жизнь, а на смерть* – беспощадно биться, сражаться, бороться; а могут отличаться оттенками значений: *лить (отливать) пули* означает «врать без всякого стеснения, нагло»; *подпускать (подпустить) турусы на колесах* означает «рассказывая, немного соврать, присочинить».

Антонимия фразеологизмов возникает на основе антонимических связей отдельных компонентов: *пороха не выдумает (глупый) – семи пядей во лбу (умный)*. Антонимическую пару могут образовать фразеологизмы, которые противопоставлены опорным компонентом (лексическими анто-

ними): *одержатъ победу – потерпеть поражение; вступить в строй – выводить из строя*. Противопоставление может возникнуть и за счет антонимии служебных слов: *бить мимо цели – бить прямо в цель*.

Акцентируем внимание обучающихся на том, что по структуре различают фразеологические антонимы разноструктурные (*пороха не выдумает (глупый) – семи пядей во лбу (умный)*) и сходноструктурные (*не из храброго десятка – не из трусливого десятка*).

Омонимические отношения фразеологизмов возникают тогда, когда одинаковые по составу фразеологизмы выступают в совершенно разных значениях: *в пух и (в) прах* (разбить, разгромить) – окончательно, полностью; *в пух и (в) прах* (разодеться) – очень богато, пышно, изысканно.

Особо следует сказать о так называемой «внешней омонимии» фразеологизмов и свободных словосочетаний. Например, фразеологизм *выходить (выйти) из строя* означает «терять трудоспособность, боеспособность, переставать действовать», а семантика свободного сочетания *выйти из строя* полностью мотивирована значениями входящих в него слов: *Курсант Романов! Выйти из строя!* В таких случаях контекст подсказывает, как следует понимать то или иное выражение – как фразеологизм или как свободное сочетание слов, выступающих в своем обычном лексическом значении.

Итак, изучение русского языка как иностранного, обмен устной и письменной информацией невозможны без лингвострановедческих знаний и умений, в частности, без изучения фразеологических выражений как компонента коммуникации.

Образ, лежащий в основе семантики фразеологизма, создаётся у изучающего русский язык как иностранный курсанта последовательно в процессе работы над значением языковой единицы и возникает во всей полноте, когда обучающийся сталкивается с этой единицей в тексте или в речи. При таком подходе к работе над семантикой, над национально-культурным компонентом значения на первый план выдвигается не культура, а язык. Главной целью лингвострановедения становится обеспечение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации через адекватное восприятие речи собеседника и оригинальных текстов, рассчитанных на носителей языка.

Подход к языку с целью выявления в нем национально-культурной семантики, разработка методических приемов и способов презентации, закрепления и активизации этой семантики на языковых занятиях – эти два круга вопросов и образуют предмет лингвострановедческого аспекта в методике преподавания русского языка как иностранного.

Библиографический список

1. Жуков В. П. Русская фразеология. – М. : Высшая школа, 2006. – 310 с.
2. Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. – М. : Просвещение, 2003. – 543 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕГЛОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А. М. Яхина

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Елабужский институт,
Казанский федеральный университет,
г. Елабуга, Татарстан, Россия

Summary. The article examines the common pronunciation of fluent English speakers. The author of the article points out most typical modifications of sounds (assimilation, elision, vowel reduction, etc.) and illustrates these instances with examples. It is concluded that one should be aware of these peculiarities for the act of communication to be smooth and effective.

Keywords: fluent speech; modification of sounds; coarticulation; assimilation; elision; intrusion; vowel reduction; schwa.

В связи с постоянными изменениями, глобализацией, модернизацией общества, ускорением темпов его развития, а также значительным расширением масштабов межкультурного взаимодействия особенно важными для отечественной науки являются поиски в решении проблемы взаимодействия и взаимопонимания представителей разных культур. В процессе преподавания и изучения любого языка важно осуществлять связь с «живым» языком, непосредственно используемым в реальной, повседневной жизни.

Говоря о звуковом строе английского языка, необходимо быть осведомленным об основных правилах взаимодействия звуков, характерных для разговорной речи и об их типичном произношении. В связи с этим перед лингвистами стоит задача описать происходящие изменения в фонетической системе языка, предписать складывающиеся нормы, объяснить коартикуляционные тенденции.

Известно, что звуки языка в процессе коммуникации произносятся в потоке речи не изолированно, а во взаимодействии с соседними звуками: артикуляция одного звука влияет на артикуляцию соседнего. Цель данной статьи заключается в том, чтобы сфокусировать внимание изучающих и преподающих английский язык на подобных явлениях, а также дать практические рекомендации относительно некоторых аспектов произношения беглой речи носителей английского языка, проиллюстрировать наиболее распространенные случаи произношения в зависимости от фонетического контекста.

Самой распространенной чертой связной речи английского языка является *сцепление*. Между словами отсутствуют паузы, их произношение плавное. В тех случаях, когда одно слово заканчивается на согласный звук, а следующее слово начинается с гласного, мы соединяем два слова вместе:

He's_in the garden.

*I had to give **up** jogging.*

*He had **it** in his office.*

*I used to believe **in** Father Christmas but not **any** more.*

Одним из первых шагов для приобретения правильного и естественного британского произношения является корректное произношение *нейтральной гласной /ə/ (schwa)*, всегда безударного и самого распространенного гласного звука английского языка. К примеру, в выражении *a piece of cake* артикль *a* и предлог *of* носителями языка будут произноситься одинаково /ə/ *piece* /ə/ *cake*. Данный звук всегда встречается только в безударной позиции и часто употребляется в предлогах и артиклях, а также в существительных с двумя и более слогами.

*I like **a** cup of tea in the morning.*

*Could you get me **a** packet of biscuits?*

Can you give it to me?

*I had **an** apple for lunch today.*

Весьма часто люди, изучающие английский язык, включая студентов языковых факультетов, пренебрегают правильным произношением определенного артикля *the*. Известно, что в случае начального согласного в следующем слове определенный артикль произносится как /ðə/, в случае гласного звука – как /ði:/, причем во втором варианте можно нередко услышать соединительный /j/ между двумя гласными звуками.

*In a restaurant, I always order **the** apple pie.*

*I think **the** autumn is **the** best time of year.*

***The** earlier I get up, **the** happier I am.*

*It's **the** one over there.*

Союз *and* в изоляции имеет три звука /ænd/, однако в повседневной речи вместо него можно услышать его сокращенную (слабую) форму, например, *fish and chips = fish 'n' chips*. Поскольку союз *and* часто безударен, согласный звук /d/ в конце слова не произносится, как перед гласными, так и перед согласными, а звук /æ/ в начале союза меняется на нейтральный /ə/ (*качественная редукция*) и произносится как /ən/ или /n/.

*I'm going to go **and** get the shopping.*

*Apples **and** oranges are my favourite fruits.*

*I've been thinking **and** thinking, but I can't decide.*

*We went for coffee **and** something to eat.*

Прошедшая форма глагола *to be* также подвергается подобным преобразованиям гласных звуков. В безударной позиции глаголы *was* [wɒz] и *were* [wɜ:] преимущественно произносятся с нейтральной гласной. Соответственно в потоке речи следует использовать их слабые формы [wəz] и [wə].

*I **was** there when it happened.*

*We **were** delighted with the results.*

*We **were** having a good time until it rained.*

*He **was** feeling much better last night.*

Аналогично произношение модального глагола *can* меняется с /kæn/ на /kən/ или /kn/. Слабая форма употребляется в следующих предложениях:

***Can** you help me bring in the shopping, please?*

*I **can** swim further than I can run.*

*You **can** succeed if you work hard.*

*How far **can** you throw a tennis ball?*

Модальный глагол *have to* /hæv tu:/ также произносится носителями языка преимущественно в слабой форме /hæf tə/.

*They **have to** be there by ten.*

*We **have to** find another flat.*

*You **have to** tell me the gossip.*

*I always **have to** take the train.*

Если глагол *have* используется в качестве вспомогательного глагола, он зачастую представлен в сокращенной форме и после согласного звука произносится как /əv/. Подобное произношение очень распространено в условных предложениях.

*Your parcel **should've** been delivered yesterday.*

*I **would've** done it differently.*

*We **might've** made a mistake.*

*The police **'ve** arrived.*

Количественная редукция характеризует произношение III формы вспомогательного глагола *to be – been* /bi:n/. В безударной позиции долгий гласный /i:/ теряют свою долготу и произносятся кратко /bɪn/ (слабая форма). Благодаря этому речь звучит свободно и естественно.

*I've **been** working here for several years.*

*How long have you **been** waiting?*

*It's **been** years since I went to the cinema.*

*What've **been** up to since we last met?*

Вклинивание звуков в потоке речи часто встречается в целях соединительного элемента для более гладкого и легкого произнесения звуков.

При окончании одного слова на дифтонги /ai/, /ei/, /ɔi/ или дифтонгоид /iɪ/ и начале следующего слова с гласной, можно услышать легкий *соединительный звук* /j/. Его использование рекомендуется, чтобы избежать пауз между словами перед гласными [1, с. 101]. В большинстве случаев такое произношение является физиологически естественным при смене артикуляции для последующего гласного звука, поэтому не следует превращать его в полный звук.

*When I go on holiday I just want to **lie** on the beach.*

*The **end** of the film was brilliant.*

*I **ate** the whole cake in one go.*

*It was too **high** up for me to reach.*

Схожим является употребление *соединительного /w/* в конце слова после /u:/ перед гласным звуком следующего слова. В результате появляется звук близкий к английскому /w/, вызванный спецификой артикуляции (формой рта) при переходе от долгого /u:/ к последующему гласному.

The shoe is on the wrong foot.

I haven't got a clue at all.

That glue is really strong.

I really can't do it.

Другим ярким примером вклинивания является 'интрузивное r' (помимо 'соединительного r'). Если слово заканчивается, к примеру, на звук /ɔ:/ с последующим нейтральным звуком /ə/ во втором слове, нередко можно услышать несколько ослабленный соединяющий их звук /r/. Подобная артикуляция удобнее и легче в разговорной речи, но свойственна не всем диалектам, и не все отмечают ее целесообразность, однако данная интрузия довольно часто имеет место в потоке речи.

Can you draw(r)a circle freehand?

My dog hurt its paw(r)on broken glass.

There was a flaw(r)in the argument.

I saw(r)a good film last night.

В предложении *He looks like he's had an accident* личное местоимение *he* встречается дважды, но произносится по-разному. В беглой речи если главное или придаточное предложение встречается в начале предложения, то звук /h/ часто произносится. Если же данный звук встречается в середине предложения после гласного звука, то имеет место элизия, и звук /h/ часто не произносится. Такие же изменения имеют место в местоимениях *him, his, her*.

I really like his cooking.

We think he's left the country.

They let him leave early.

They offered her a promotion.

В предложении *Do you prefer steamed potatoes or boiled potatoes?* артикуляция /d/ между двумя согласными представляется очень сложной. Поэтому во многих случаях также наблюдается элизия и /d/ не произносится: *steamed potatoes=steampotatoes, boiled potatoes=boilpotatoes*.

My best friend(d) let me borrow his car.

Don't hol(d) back, say what you mean.

His bike roll(ed) down the hill without him.

Элизия проявляется и при наличии согласного /t/ в окружении других согласных, что объясняется сложностью артикуляции трех согласных подряд.

I can'(t) stand the rain.

It mus(t) be time to leave.

Am I the firs(t) person here?

I don'(t) want it.

Распространенным явлением является *ассимиляция согласных*. К примеру, если одно слово заканчивается звуком [n], а следующее начинается с таких звуков, как [p], [b], [w], [m], согласный [n] преобразуется в [m], поскольку органы речи готовятся к произношению губно-губного звука: Green Park = Greempark.

*I own **ten** pairs of socks.*

*He didn't do it **on** purpose.*

*I would love to live **in** Paris.*

*Can you come **on** Wednesday?*

Варьируется и произношение сочетания согласных /nd/. Так, например, слово sandwich /sæn(d)wɪtʃ/ в живой речи имеет произношение

/sæmwɪtʃ/. Согласный звук /d/ между двумя согласными подвергается элизии, а согласный сонорный звук /n/ перед /w/ превращается в /m/.

*My **grand**parents have been married for 50 years.*

*I got a **stand**by ticket.*

*The **band** played until midnight.*

*I left my **hand**bag on the train.*

Как правильно произносить вопрос *Would you do me a favour?* В потоке речи, когда одно слово заканчивается звуком /d/, а следующее начинается со звука /j/, имеет место ассимиляция, в результате которой данная комбинация звуков произносится как /dʒ/. Гласный звук /u:/ может измениться на нейтральную гласную /ə/, в результате чего следует произносить /wʊdʒə/ или даже /wʊdʒə/ (вклинивание /dʒ/). Таким образом, в результате взаимодействия двух согласных возникает третий.

*I'm sad **you** decided to quit.*

***Could** you get here by midnight?*

***Should** you see him, can you give him a message?*

*I don't think the **gold** you bought was real.*

В потоке речи согласный звук /d/ нередко заменяется на /g/ перед /g/ или /k/.

*He's really a good **cook**.*

*Last night we **had** guests for dinner.*

*Can you print out a **hard** copy?*

*I'd like to walk down the **red** carpet one day.*

При нахождении в конечной позиции согласного /t/ одного слова перед согласным звуком /p/ в начальной позиции следующего слова первый звук произносится как второй: *a white /waɪp/ piece of paper.*

*There are lots of great **p**arks in London.*

*I love **s**plit pea soup.*

*I **h**ate potatoes.*

*My **m**ate picked us up from the airport.*

В беглой речи конечный согласный звук /d/ (после гласной) перед начальной согласной /b/ последующего слова преобразуется в этот же звук и сливается с ним: speed boat /spiːbbəʊt/.

*My son is a really good **boy**.*

*I'm sorry if I was **rude** before.*

*My car had to be **towed** back to the garage.*

*You should **buy** him a present.*

Ассимиляция /s/ под влиянием /j/ (иногда /ʃ/ или /t/) приводит к произношению данного звука как /ʃ/: bless you /bleʃ ju:/.

*Can you **jus(t)** shut the door, please?*

This yacht is beautiful.

*Don't worry, that's **usual**.*

He always makes you feel good.

Из приведенных выше примером следует, что носители языка стремятся с наименьшей затратой усилий, быстро и эффективно передать ту или иную информацию. С повышением скорости происходит наложение артикуляционных движений, звуковые сегменты могут выпадать, вклиниваться или изменяться. Поэтому при изучении английского языка и овладении естественным произношением следует обращать внимание на ассимиляцию согласных, элизию, сцепление, интрузию, нейтральный гласный /ə/, сильные и слабые формы.

Для носителей языка подобные коартикуляционные изменения в речи происходят автоматически. Изучающим же английский язык важно осознанно научиться узнавать и соблюдать многие из приведенных особенностей, поскольку их игнорирование может привести к усилению акцента, что в свою очередь вызовет трудности в восприятии и коммуникации.

Библиографический список

1. O'Connor J.D. Better English Pronunciation. – Cambridge. : CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2004. – 150 p.
2. BBC Learning English. – [Электронный ресурс] – URL: <http://www.bbc.co.uk/learningenglish/english/course/towards-advanced/unit-30/session-5> (дата обращения: 14.01.2009)

III. ISSUES OF GENERAL AND PARTICULAR LINGUISTICS

SPACES AND FIRE VOCABULARY IN MODERN HOUSEHOLD DIALOGICAL DISCOURSE

Zh. M. Duisebekova

*PhD student, senior lecturer,
Suleyman Demirel University,
Kaskelen, Kazakhstan*

Summary. The article discusses the use of colloquial and slang vocabulary in everyday dialogical discourse.

Keywords: common language; jargon; slang; everyday discourse.

Participants in the dialogue have to resort to various methods of expression in order to select the most important material. The interlocutors often use the technique of stylistic disorders, using colloquial words and expressions, using colloquialisms and slang words, slang notions or taboo vocabulary.

All words and expressions of this kind have some degree of appreciation, stylistic significance, or expression. These words are spoken amplifiers of expressive speech. Linguists who have studied this phenomenon argue that the same word can have several expressive equivalents, which, however, differ in the degree of emotional coloring.

In everyday conversation, colloquial words are most often used to describe everyday situations or every day, unremarkable phenomena.

The colloquial words are words of reduced style, peculiar to colloquial speech. They are often used to give speech some expressiveness of a particular shade.

It should be noted that colloquial and colloquial words and expressions have always penetrated into normalized literary speech, but at the present stage this process has become more intense. In addition to colloquies, jargons penetrate normalized speech, since the vocabulary of this speech layer is the most expressive and stylistically more expressive.

Slang is the speech of a social or professional group that contains many special, specific, peculiar to this group of people, words and expressions [3].

A normalized speech can be considered if it extends to a large number of people living in a large territory and speaking the same language. But too highly specialized, jargon, taboo words and phrases cannot become the norm, they cannot become part of the official literary language. Besides the fact that they are focused on understanding people of a specific circle, they are not stylistically neutral and have too bright expressive coloring. Common words, on the contrary, are widely used in standardized literary language. They give speech a touch

of little piquancy, set it off with a joke, make the conversation dismissive, ironic, gruff, etc. background. That is, create discourse.

It should be noted that the penetration of vernacular in the normalized literary speech - a continuous process, unchanging and explainable. Language is a part of culture, therefore all changes that occur with language are a reflection of the processes occurring with society.

Unlike a colloquial language, colloquial sounds rougher, where words and expressions are often negative in color, and it is used in certain segments of the population. We have already mentioned that the degree of negativity of words often differs in strength; nevertheless, the general impression from the perception of such speech remains unfavorable.

There is a generally accepted classification of colloquial words into literary and non-literary vocabulary.

Non-literary vocabulary is often taboo and exists only in the speech of separate social groups (or groups), where people do not have education or neglect the moral and ethical norms of social behavior. A vivid example of a specific non-literary speech can serve as argotic speech, where common language, jargons and taboo words are mixed up.

The modern researcher of colloquial speech V. G. Borbotko distinguishes several layers in colloquial vocabulary [1]:

1. Plain stylistically neutral common language vocabulary;
2. Stylistically colored colloquial units of speech for designating or describing everyday phenomena. Such speech is unsuitable for official situations;
3. Spoken substitutes or synonyms of stylistically neutral vocabulary;
4. "Non-vocabulary" units of speech, which are used in live and fluent speech to replace neutral vocabulary.

The lexical indicators of expressiveness have their own characteristics. Stylistically colored words have their derivatives, which add to themselves, depending on the need and strength of influence, other bases. The nature of the relationship of the foundations in the process of word formation can be divided into several types.

It should be emphasized that we are not talking about the quantitative growth of lexical units that came from the jargon to everyday speech, but about the new quality of such words or expressions, which indicates the specific development of the language of the national language in a certain period of development of society.

Here it is necessary to define argotic vocabulary. Argo was originally the secret language of professional merchants. Over time, the language became popular among the criminal strata of society due to its allegorical and emotional expression. At the present stage, argotic vocabulary has become synonymous with ironic, euphemistic, figurative word usage in the sphere of everyday every day communication [2].

There is also such a linguistic phenomenon as slang (or slang from the English slang). According to the generally accepted definition, slang is an ex-

pressive and emotionally colored vocabulary of colloquial speech, which significantly deviates from the accepted literary language norms. Most often the term slang is used in relation to the English language. Initially, these were words and expressions used by persons of certain professions or social strata. Modern slang is subject to change every 5–6 years, which makes it a language sign of generations. Often slang is used as a synonym for slang and slang. This happens, as we have already mentioned, due to the interpenetration of the lexical units of different layers into each other.

The conversion of linguistic units from jargon to slang takes place gradually. Nominations are borrowed – words and expressions that have their own peculiar phraseological characteristics – stable links, compounds, combinations. Moreover, the process of slang word formation never stands still. Each new phenomenon, event or influence is reflected in the vocabulary arsenal of the population. For example:

Sponsor – it is financial or informational, a person or organization that provides the means to perform a specific task.

The series – on television or in a movie is a multiseried film with several story lines, or a multiseried program.

Security – the word has several meanings. 1. Security Officer. 2. Bodyguard, guard.

So, the most popular sources of expressive vocabulary are very often: colloquial reflection, terminology, the influence of the media, targeting popular sources, the vocabulary of the idols of modern times, celebrities. From the point of view of discursive analysis, it is possible to add the actualization of general language units.

An analysis of modern research on English speaking has shown that curses (invectives) have become unusually widespread. This vocabulary has become part of the spoken language, but is still missing from official dictionaries.

From the point of view of linguistics, this is understandable – new words are required to designate new sociocultural realities. The process is accompanied by some rebellion against the correctness, convention and facelessness of the way of life. The factor of the explosion of public morality, protest against boredom takes part in the formation of words "Good life". For rebellious people, the use of stylistically reduced units is the proclamation of their own freedom. This is an escape from the usual reality into the world of the whole immoral, vulgar, unusual. This is a challenge that provokes a "man in the street" who uses a boring standard language. New dictionaries do not have time to fix units of vocabulary, reflecting, in fact, the degradation of morals, indications of cynicism, and the obvious loneliness of such rebels. This layer of vocabulary due to the inferiority of the human factor tends to vulgarization, simplification and coarsening of language units.

Nowadays, non-literary household vocabulary of dialogues is understood as well as neutral. It is not recognized by linguists, it is not reflected in dictionaries, but it is an actively used part of the language.

Bibliography

1. Borbotko V.G. Principles of discourse formation: From psycholinguistics to linguistic synergy / V.G. Borbotko. - М.: KomKniga, 2006. - p. 23 - 27.
2. Wunderlicht K.F. Types of linguistic personalities and speech behavior strategies (on rhetoric, domestic conflict) / KF Wunderlicht // Stylistic Questions. Language and man. Issue 26. - Saratov: College, 2010. - p. 8-16.
3. Karasik V.I. Ethnocultural types of institutional discourse / V.I. Karasik // Ethnocultural specificity of speech activity. М., 2000. pp. 5 - 20.

ЛИМНОНИМ ТАШТЫ ЛЕЖЕКШЕЙ В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕЛА ТОРНОВОЕ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

Н. В. Беленов

*Кандидат педагогических наук,
Самарский государственный
социально-педагогический университет,
г. Самара, Россия*

Summary. This article presents the etymology of limnonym Tashty Lezhekshey located in toponymic area of Moksha-Mordovian village Tornovoe on the Samara Bend. The work based on the author's own field materials.

Keywords: toponymy; limnonymy; Moksha-Mordovian language.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Самарской области
в рамках научного проекта № 18-412-630002\18*

Лимноним Ташты Лежекшей относится к топонимическому пространству мокша-мордовского села Торновое на Самарской Луке, которое мы исследовали в рамках выполнения проекта РФФИ и Правительства Самарской области «Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки», грант № 18-412-630002\18.

Топонимическое пространство села Торновое, в целом, характеризуется наличием существенного пласта субстратной топонимии, а также топонимии, происходящей из мокша-мордовского языка, но сегодня уже не этимологизируемой носителями торновского говора мокша-мордовского языка (ПМА, Самарская область, Волжский район, село Торновое, 2018). Лимноним Ташты Лежекшей относится ко второму пласту. Так называется известный в селе Торновое на Самарской Луке среди старожилов водоём, расположенный в его окрестностях, в сторону села Рождествено. Вполне возможно, что именно он и является тем самым озером, которое на планах генерального межевания 1808 года обозначено как «оз. Шамотье», однако, надпись неразборчива – к тому же, необходимо учитывать, что, помимо витиеватого почерка и порой случайной орфографии, писцы того времени часто искажали не только иноязычные, но и русские названия. Перевести лимноним полностью большинство информаторов затруднились, при этом

все они уверяли, что элемент «ташты» – означает «старый», вторую часть лимнонима информаторы не переводят, своих догадок по поводу его возможных значений также не имеют (ПМА, Самарская область, Волжский район, село Торновое, 2017). «Ташта» по-мокшански действительно означает «старый», правда, в большинстве случаев употребления для данного термина больше подходит значение «ветхий» и относится он, как правило, к предметам быта. Иногда этот же термин имеет значение «бывший» – то есть, применительно к водоёмам, «высохший, пересохший», что, однако, противоречит сведениям, полученным от тех же информаторов – на озеро раньше (несколько десятилетий назад) ходили купаться и стирать бельё.

Пролить свет на значение второй части лимнонима возможно, учитывая характеристики озера, указанные информаторами, а также особенности торновского говора мокша-мордовского языка.

Вот как характеризуют озеро жители Торнового: «Озеро хорошее было. Расположено оно, как ехать на Рождествено. Пацанами были – ходили туда купаться. Вода чистая-чистая была. Дно было видно. Женщины наши стираться туда ходили. А потом, как ферму построили, так и испортили озеро» [1, с. 107].

Говор мокшан села Торновое, как и другие мокша-мордовские говоры Самарской Луки, значительно отличается от литературно-письменного мокшанского языка (в основу которого положен центральный мокша-мордовский диалект). Среди основных отличий торновского говора от литературно-письменного мокша-мордовского языка можно отметить: замену фонем «а» и «я» на «е/э», как в ударной, так и в безударной позиции – чаще в финали, но иногда и в корне; переход «е/э» в «и»; перенос ударения в слове на последний слог; добавление гласного в конце слова – чаще всего «е/э»; наличие существенного количества лексем, бытующих только в данном говоре.

Возвращаясь к этимологии лимнонима, отметим, что его вторая часть, по нашему мнению, двусоставная. Формант «шей» достаточно надёжно этимологизируется из географической лексики мокша-мордовского языка, в котором «шяй» означает «болото; заболоченное озеро». В соответствии с особенностями торновского говора мокша-мордовского языка, «шяй» перешло в «шей». Отметим также, что данная лексема современным носителям торновского говора неизвестна (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2017–2018).

Элемент «лежек», возможно, по нашему мнению, возводит к мокша-мордовскому «лаша» – «низина, заливное место», в соответствии с особенностями торновского говора: «лешек» – «низинка», где «ке» – аффикс уменьшительности, отмеченный в наиболее ранних грамматиках мокшанского языка [2, с. 3].

Таким образом, Ташты лежекшей – Старое болото в низинке, заливаемой водой.

Библиографический список

1. Беленов Н.В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. – Самара, 2018. – 200 с.
2. Орнатов П.П. Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы мокши Тамбовской семинарии профессором, магистром Павлом Орнатовым. – М., 1838. – 128 с.

ГЕНДЕРНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Г. С. Давлеткалиева

*Докторант,
Евразийский Национальный
университет им. Л. Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан*

Summary. The present article is devoted to gender linguistics, the topical brunch of linguistics. The article provides an overview of studies on gender linguistics of Kazakhstan. The ways of further development for this area are determined.

Keywords: gender linguistics; gender; language; gender stereotype.

Казахстан, подписав Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, активно претворяет в жизнь гендерную политику. Гендерные исследования, актуальные в последние годы в стране, активно проводятся в разных сферах жизнедеятельности общества. Помимо исследований в области политики, экономики, культуры, много гендерных исследований имеют место в лингвистике.

Вопрос о социальных ролях мужчины и женщины, о связи языка и пола возник в период античности, но ранние работы, затрагивающие гендерную проблематику, и положившие начало новому направлению лингвистики, появляются в XX веке. В зарубежной лингвистике тема гендерных различий привлекает О. Есперсена, Ф. Маутнер, Э. Сепира. В начале XX века вышли в свет фундаментальные труды, которые составили основу лингвистической гендерологии [9, с. 15].

По мнению Е. И. Горошко в зарубежных исследованиях по гендерной лингвистике выделяют три подхода. При первом подходе интерпретации подвергается социальная природа мужчин и женщин и определяются языковые различия мужского или женского языка, когда партнеры стоят на разных ступенях социальной иерархии. Второй подход редуцирует мужской и женский язык до особенностей языкового поведения полов, при данном подходе ученые создают психолингвистические теории гендерных особенностей речевого поведения. При третьем подходе ученые создают целостные лингвистические модели когнитивных оснований языковых категорий [3].

Сделав подробный анализ гендерной проблематики, А. В. Кирилина и М. В. Томская утверждают, что гендерные исследования в российском языкознании, проводимые до возникновения термина «гендер», имели место в других лингвистических дисциплинах. В России гендерные исследования в области лингвистики проводятся в 90-х годах XX века. Рост исследований по проблемам гендера наблюдается с середины 90-х годов. На начальном этапе становления нового лингвистического направления исследования носили несистемный характер, ввиду неприятия феминистского компонента [5, с. 112–132].

А. В. Кирилина и М. В. Томская проводя анализ лингвистических гендерных исследований, говорят о социо- и психолингвистическом направлении, при котором исследуется русское языковое сознание посредством изучения письменных и устных текстов; о лингвокультурологическом направлении, изучающем гендерные стереотипы, гендерные асимметрии, гендерные метафоры в русском и других языках; о коммуникативно-дискурсивном направлении, изучающем лингвистическое конструирование гендера в разных коммуникативных ситуациях, различия речевого поведения с учетом гендера [5, с. 112–132].

А. Е. Бижкенова вслед за А. А. Клециным утверждает, что современные гендерные исследования имеют три направления: «1) гендер как инструмент социологического анализа; 2) понимание гендера как инструмента женских исследований; 3) гендер как культурологическая интерпретация» [8].

Разработанность гендерной проблематики учеными России позволяет сделать вывод о степени изученности и исследования данного направления в российской лингвистике. В Казахстане, несмотря на рост количества гендерных исследований в области языкознания, данное направление все еще остается малоизученным. В связи с возрастающей значимостью такого явления как гендер для казахстанского общества, проведено много гендерных лингвистических исследований. Обзор трудов казахстанских ученых З. К. Сабитовой, З. Д. Туебековой, Т. Ж. Токтаровой, Х. Х. Нурсеитовой, А. Т. Акишевой, Т. В. Зенковой, З. К. Темиргазиной и др. позволяет сделать вывод о том, что исследования в области гендерной лингвистики носят разнонаправленный характер.

Как пишет З. К. Сабитова, гендерная лингвистика получила распространение среди лингвистов и является укрепившейся дисциплиной, где предметом исследования выступают языковые явления с учетом гендерных отличий носителей языка [9, с. 349–354].

Т. Ж. Токтарова подчеркивает актуальность гендерных исследований в развивающемся поликультурном казахстанском обществе. В центре внимания исследователей гендера находятся речевое поведение мужчин и женщин, социальная природа языка, концепты. Становление данного направления лингвистики сопровождалось последующим изменением объекта исследования, когда анализу подвергались особенности речи с учетом

гендера, а впоследствии язык в разных видах деятельности человека. По мнению Т. Ж. Токтаровой одним из перспективных направлений исследований в области гендера является установление особенностей мужественности и женственности в языках и культурах [10].

Проблему гендерных стереотипов исследует А. Т. Акишева. В работах А. Т. Акишева поднимает вопросы о гендерной культуре и о гендерном воспитании, являющемся компонентом гендерной культуры. Говоря о гендерном воспитании, А. Т. Акишева считает, что именно демократическая модель воспитания, в отличие от репрессивной и либеральной, способствует формированию гендерной компетенции. Помимо гендерной компетенции А. Т. Акишева говорит о коммуникативной компетенции, которую гендерная личность понимает как обязательное условие для успешной коммуникации. Формирование коммуникативной компетенции способствует преодолению ряда коммуникативных барьеров: логического, семантического, стилистического и фонетического.

Вслед за А. Т. Акишевой, Т. Ж. Токтарова исследует гендерные стереотипы, проводит разграничение национальных и культурных различий с учетом гендера. Гендерные стереотипы четко отражены в казахской культуре. Процесс социализации способствует формированию и актуализации гендерных стереотипов в обществе, причем согласно обычаям, традициям и культуре казахов, доминантное положение занимает мужчина, женщине отводится второстепенная роль [6, с. 100–104]. Изменения в политической, экономической, культурной жизни общества влияют на гендерные стереотипы. Проблема гендерных стереотипов исследуется и в работах Х. Каскабасовой, А. С. Ким.

Невербальное поведение с учетом гендерного аспекта отражено в работах З. М. Нуржановой. З. М. Нуржанова затрагивает проблему гендерных различий при использовании невербальных компонентов коммуникации. Компонент невербального общения выражает эмоциональное состояние собеседников и отношение друг к другу.

Гендерные отношения в процессе общения имеют место в трудах Х. Х. Нурсеитовой, З. К. Темиргазиной, Т. В. Зенковой, М. Ж. Ареновой. Анализируется коммуникативное поведение с учетом гендера.

Гендер в различных дискурсах представлен в работах казахстанских лингвистов в коллективной монографии «Гендерная лингвистика». В статье О. К. Андрищенко отражен гендер в казахстанском предвыборном дискурсе; в статье Б. Т. Каримовой в рекламном тексте; в труде З. К. Темиргазиной и Т. С. Ушаевой представлен дискурс-анализ региональных СМИ с гендерных позиций.

Анализ исследований казахстанских ученых показывает, что лингвистические гендерные исследования в Казахстане носят несистемный характер. Несмотря на возрастающий интерес ученых Казахстана к гендерным исследованиям, лингвистическая гендерология остается еще малоизученным направлением. Помимо вышеуказанных направлений исследования

по проблемам феминности и маскулинности, гендерной асимметрии, изучению языка и коммуникации с последующим выявлением языковых и речевых особенностей, являются актуальными в казахстанской лингвистике.

Библиографический список

1. Акишева А.Т. К вопросу о преодолении стереотипов по нормам «женственности» и «мужественности» // Альманах современной науки и образования. – 2014. - № 8. – С. 13-15.
2. Акишева А.Т. коммуникативная компетентность – основа профессиональной деятельности гендерной личности. Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике // III Международная научно-практическая конференция, посвященная 20-летию РАУ (24-26 сентября 2017г.). Сборник научных статей. – Ер.: Изд-во РАУ. 2018. – 482 с. С. 179-186.
3. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс] URL: <http://owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения 16.03.2019)
4. Т.В.Зенкова. Основные проблемы современной гендерной лингвистики. Гендерная лингвистика: Коллективная монография. – Павлодар, 2013. – 584 с.
5. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 112-132.
6. Нуржанова З.М. Поза – семиотический компонент коммуникации: гендерный аспект. Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. 2007. № 1. С.100-104. [Электронный ресурс] URL: http://nplib.library.kz/elib/library.kz/Jurnal/v_2007_1/100-104.pdf (дата обращения 16.03.2019)
7. Х.Х.Нурсейтова. Введение в гендерную лингвистику: учебное пособие. – Павлодар, 2008. – 70 с.
8. Современная методология лингвистических учений. Учебное пособие / А.Е.Бижкенова – Алматы: Эверо, 2017. – 172 с.
9. Сабитова, Зинаида Какбаевна. Новые лингвистические направления XX–XXI вв. Language and Method, 2012, 2012, p. 347-360, mar. 2012. ISSN 2391-9981 URL: www.ejournals.eu/pliki/art/3970/ (дата обращения 16.03.2019)
10. Токтарова Т.Ж. Гендерные исследования в современном казахстанском обществе // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2.; URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=12885> (дата обращения: 05.03.2019).
11. Токтарова Т.Ж. Гендерные особенности фольклорных текстов // Успехи современного естествознания. – 2014. – № 12-5. – С. 669-671; URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34688> (дата обращения: 05.03.2019).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

А. Ж. Жумаханова

*Докторант,
Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева,
г. Астана, Казахстан*

Summary. The article deals with the cognitive peculiarities of word formation allowing to reconstruct the content of the derivative word and to construct new word-formative nominations. From the point of view of cognitivity word formation is considered as reflection of the layers of human experience recorded in the language, i.e. concepts (notional categories), constituting the foundation of world perception. Semantic derivation basing on the connection of polysemy and word formation appears. The attempt of studying the peculiarities of attitudinal meaning, its dynamic aspect on the basis of the analysis of metaphorization and a metonymization of word-formation processes in the languages under study is made. Functional and cognitive mechanism of semantic derivation of attitudinal meaning is presented by the analysis of the samples selected from authentic texts of mass media, interviews, speeches, and etc.

Keywords: word formation; cognitive linguistics; semantic derivation.

Современный этап научного познания фокусирует внимание исследователей в разных областях науки на когнитивные аспекты лингвистических явлений, в том числе и словообразовательных процессов. Исследования в области лексического значения и полисемии приобретают новые перспективы в соответствии с когнитивной лингвистикой и находятся в центре внимания ученых, поскольку они являются плодородным материалом для изучения концептуализации, категоризации, развития и функционирования языкового сознания.

Близость полисемии к словообразованию дает основание говорить о семантической деривации как особом типе словообразовательных процессов, точнее о семантической деривации имен существительных с оценочным значением.

Вопросами семантической деривации занимались выдающиеся ученые-лингвисты: Ш. Балли, И. В. Арнольд, О. С. Ахманова, В. Вундт, В. фон Гумбольдт, Е. Курилович, М. В. Никитин, А. А. Потеня, Г. Штейнталь и др. В настоящее время количество современных работ постоянно растет. Появляются значимые труды по когнитивным основам процессов деривации (Л. В. Бабина, Л. М. Зайнуллина, Е. М. Позднякова), метафорическим взаимосвязям деривационных процессов (З. И. Резанова), когнитивной природе комплексных единиц словообразования, авторы которых рассматривают это как ментально-языковые категории, выступающие в роли способов познания мира (Л. А. Араева, И. В. Евсева, О. Ю. Крючкова, М. А. Осадчий).

С точки зрения когнитивной науки деривационный процесс понимается не только как рождение слова, но и как формирование его новых значений. Появление слова для когнитолога означает не столько факт фор-

мального расширения лексического состава языка, сколько рождение нового средства закрепления значений в слове. Когнитолог тщательно исследует онтологический объект, для того чтобы понять, «какой смысл содержит интериоризованный объект, какая его часть обозначена именем, а что осталось имплицитным, но может повлиять на поведение слова в процессе коммуникации» [4]. Подтверждение этому находим у Л. Вайсгербера: «Необходимо преодолеть некоторые препятствия, чтобы добраться до истины: соответствующий вариант значения не появляется в контексте, а лишь проявляется под его воздействием, будучи зафиксированным в языке в качестве одного из многих еще до случая его употребления», «Es sind ... hier manche Hindernisse wegzuräumen bis zu Erkenntnis, dass kein Kontext eine jeweilige Bedeutungsvariante konstituieren kann, sondern dass er nur zu verdeutlichen vermag, um welche der in der Sprache insgesamt ausgeprägten Variationen es sich im einzelnen Verwendungsfall handelt» [6].

Язык, как важнейшее средство человеческого мышления, имеет те же свойства, что и человеческая мысль: фиксирует отдельные предметы, называет их, после чего «мысль и язык сразу же «вводят» их в контекст более общих связей, отношений мира и человеческого познания» [2].

Язык в целом можно характеризовать как антропоцентрическую систему: «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, своё отношение к предметному и непредметному миру», человек отражает себя и своё впечатление о мире в словах, в которые вносит свою «утилитарную и эстетическую оценки» [1]. Семантическая категория оценки традиционно понимается как универсалия в языке, «ни один понятийный смысл не находит в языке такой разнообразной гаммы средств своего выражения, как оценка» [3]. Семантическая деривация трактуется как многоаспектное и полифункциональное явление вторичной номинации, как отражение сложных ментальных процессов человеческого мышления.

В данной статье отражен процесс возникновения и функционирования оценочных явлений имен существительных вторичной номинации, устанавливается их закономерность с антропоцентрической точки зрения.

ПРИМЕР: *«Глядя на их манеру боя, мы все понимали, что бокс – это не обычная драка, а настоящее искусство, сравнимое с танцем на ринге! Мой тренер Адик Бермешев толковывал своим подопечным: «Голова – это хрусталь, ее необходимо беречь!».* (Ист.: ст. Н. Есенкулов: «Казахстанское наследие советского бокса получило наивысшее развитие», газета «Литер» 20.10.2018).

Оценка происходит посредством метафоризации части человеческого тела: *«Голова – это хрусталь»*, через ментальное восприятие ценности жизненно важного органа для человека в целом. Антропоцентричность связана непосредственно с человеком как живым субъектом.

Следует отметить, что семантическая деривация традиционно воспринимается как средство языковой концептуализации и отражения в ко-

гнитивной системе знаний, социально значимых для культурно-языковой общности, что позволяет считать семантические сдвиги и переносы когнитивным инструментом. Вторичная номинация обусловлена когнитивным структурированием действительности. Процесс развития значения — это процесс движения познания, направленного на постижение сущности какого-либо объекта действительности.

ПРИМЕР: «... вместе с тем «Астанинская Декларация» остается основным *компасом* для ОБСЕ в новом веке, потенциал которого еще предстоит реализовать» (газета «Казахстанская Правда», 01.12.2017 г. № 236).

В данном примере, изменение значения семантического деривата происходит посредством метонимического переноса, а именно – расширения значения по сходной функции. **Компас** выступает неким символом, иными словами – **ориентиром** предстоящего развития общества. Таким образом, на основе данного переноса значения происходит т.н. когнитивная обработка в сознании реципиента уже существовавшего первичного значения данной лексемы.

Семантическая деривация выступает как концептуализация нового знания, что означает изменение значения семантического деривата.

В нижеследующем примере можно проследить изменение значения семантического деривата посредством которого происходит концептуализация приобретаемого нового знания:

Пример: «Глава государства отметил, что цифровизация экономики и здравоохранения – **драйвер** роста качества жизни и благосостояния казахстанцев».

В данном случае, абсолютно новый, заимствованный из английского языка неологизм **«драйвер»**, в казахской языковой картине мира выступает как устоявшаяся и прочно закрепившаяся в ментальном восприятии казахстанцев положительная оценочная лексема.

В ходе проведенной выборки лексем, носящим оценочный характер, нами было выявлено, что значительная часть дериватов представлена метафорическим переосмыслением первоначального значения. Из выборки в 1475 дериватов с оценочным значением, 841 являются метафорическим переносом значения, что составляет 57 % от всей выборки.

Небезынтересно будет указать, что во многих дериватах, производные чаще всего представлены такими оценочными лексемами как: **«двигатель, мотор, ориентир** и т. п.». В частности, в ходе проведенного анализа было выявлено 174 вторично номинированных деривата, что составляет 21 % от выборки лексем с метафорическим переносом, общим числом в 841 (метафорическим переносом) единицы и 11,8 % от всей выборки в 1475 единиц.

Статистические данные произведенной выборки представлены в нижеследующих таблицах.

Таблица 1.

Дериваты с метафорическим переносом

№ п/п	исходный дериват	метафорический перенос	% соотношение от всей выборки
1	Двигатель мотор ...	841	57 %

Таблица 2.

Вторично номинированные дериваты

№ п/п	оценочный дериват	вторичный дериват (к-во ед.)	% соотношение	%соотношение от всей выборки
	ориентир квест драйвер компас локомотив ворота ...	174	21 %	11,8 %
2	всего	1475		

Показатель процентного соотношения дериватов со вторичным номинированием представлен в нижеследующей диаграмме (рис. 1).

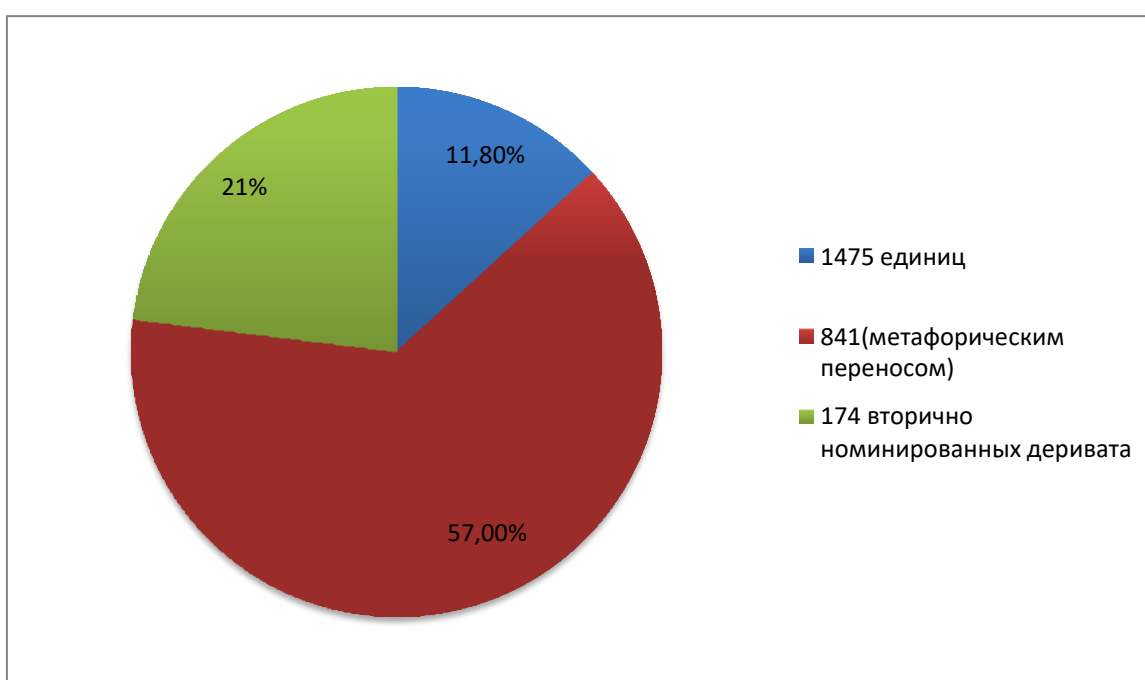

Рис. 1. Процентное соотношение вторично номинированных дериватов

Искомые дериваты рассмотрены в нижеследующих примерах:

«В. Путин: «...Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев является главным **«двигателем»**, **«мотором»** идеи таможенного союза...» (Ист.: *Казахстанская правда* №232 от 01.12.2017.);

Статья «Семь граней Великой степи» – это новый **компас**, который поведет нас к новым победам в будущем (*Ист.: Казахстанская правда №223 от 23.11.2017.*);

Астана стала **сердцем** Евразии, действенным **локомотивом** развития нашего государства в центре Великой степи (*Ист.: Казахстанская правда №230 от 05.12. 2017.*);

Хоргос – **ворота** в большую торговлю (*Ист.: Казахстанская правда №209 от 15.11. 2017.*).

Таким образом, приведенные выше примеры подтверждают, что вторичное оценочное наименование является производной исходного концепта, активизирующей когнитивные структуры первичного значения базовой лексемы.

Как указывалось выше – человеческий фактор в языковой картине мира выступает на первый план, когда речь идет об оценке. Значение оценки резко возрастает, если она касается мира людей или событий, связанных с людьми. Н. Д. Арутюнова тонко подметила суть номинации, особо выделяя тот факт, что такая единая по своей субстанциональной природе сущность, как человек, расщепляется на ряд номинантов, будучи охарактеризована относительно чего-либо или кого-либо, а также по своей функции. «Меняя свои роли, следуя разным моделям поведения, совершая множество разнообразных действий и поступков, человек в своих разнонаправленных проявлениях становится референтом многих функциональных, реляционных и других имен» [5].

Исследование проводилось методом сплошной выборки, в результате которой в каждом конкретном случае последовательно определялся вид семантической деривации. Квалификация вида семантического переноса осуществлялась путем анализа словарных дефиниций в специальном и в общем толковом словаре. Затем было проведено сопоставление результатов компонентного анализа исходной и производной семантических структур, в процессе которого обращалось внимание на утрату или сохранение основных сем, составляющих рассматриваемые значения, и появление новых сем. В результате семантического анализа делалось заключение о производности нового значения и типа деривации.

Таким образом, оценочная категоризация носит преимущественно антропоцентрический, интерпретирующий характер и ориентирована на систему ценностей, мнений, стандартов, общих и частных оценок, которые выступают как основа для формирования оценочных категорий.

Когнитивный подход к анализу словообразовательных процессов предполагает введение новых параметров описания материала, его все более усложняющуюся концептуализацию. Выявление новых лексических единиц словообразования расширяет рамки словообразовательного анализа и обогащает теорию и практику дериватологии.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988. – 339 с.
2. Бижкенова А. Е. Деонимный семиозис и репрезентативность лексического и словообразовательного значений деонимов: автореф. дис. док. филологич. наук: 10.02.19 – Алматы: 2004. – 60с.
3. Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сборник научных трудов. - Тамбов: ТГУ, 2005. - С. 16-39.
4. Борисенкова Л.М. Когнитивные аспекты словообразования // автореферат – Тверь, 2005.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. - М.: Либроком, 2014. – 284 с.
6. Weisgerber, L. Die geistige Seite der Sprache und ihre Erforschung // Sprache der Gegenwart. Schriften des Instituts fuer deutsche Sprache. Band 15.- Duesseldorf: Schwann, 1971. – 270 s.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ VS ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

М. Р. Галиева

*Кандидат филологических наук, доцент,
Узбекский государственный
университет мировых языков,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. The article deals with the problem of intertextuality from the standpoint of linguistics and literary criticism and provides a brief overview of the theoretical literature devoted to this problem. From the point of view of the literary approach, intertextuality is interpreted in broad sense, therefore the whole culture, in particular, all existing texts are perceived as a single intertext functioning in the cultural space. The linguistic approach to intertextuality presupposes a narrow interpretation of the notion of intertextuality, which is understood as a mechanism of co-presence of two or more texts within one text fragment which has an explicit reference to the other with the help of special linguistic signals.

Keywords: intertextuality; literature; culture; linguistic; text; interpretation; approach.

Теория интертекстуальности разрабатываются в работах многих исследователей [1, 2, 7, 8, 13, 14, 18]. Как отмечают многие исследователи, интертекстуальность изучается в свете проблем когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, в русле переводоведения и лингвистики текста на материале художественного, научного и публицистического, рекламного, юмористического и др. типов текста как особенность авторского идиостиля. Следует однако отметить, что несмотря на множество исследований в русле интертекстуальности, данная проблема всё ещё остаётся недостаточно разработанной, что обусловлено по мнению И. В. Арнольд: 1) большим разнообразием форм и функций включения «другого голоса» в текст; 2) большой сложностью и разнообразием модальностей, функций и импликаций – оценочных, характерологических, композиционных, идейных [7].

Как известно, термин «интертекстуальность» был впервые введён в лингвистическую науку Ю. Кристевой в 1967 году. Разрабатывая концепцию интертекстуальности, Кристева Ю. основывалась на теории «полифонического романа» М. М. Бахтина, в свете которой автор рассматривает функционирование «чужого слова» и развивает теорию межтекстовой диалогичности. Текст определяется как своеобразный диалог автора с читателем и со всей предшествующей и современной культурой и литературой. Этот диалог проявляется в аллюзиях, цитатах и реминисценциях [9, с. 475]. Как подчёркивает М. М. Бахтин «ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [10, с. 340]. Однако это не означает, что всё в тексте является повторением. Используясь в тексте, высказывание преобразуется в нём, приобретает новый смысл и одновременно порождает новые ассоциации т.к. «за каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (или высказывание) является чем-то индивидуальным естественным и неповторимым, и в этом весь смысл его» [9, с. 475; 10, с. 283].

Как показал обзор теоретической литературы, в настоящее время, существует два подхода к определению интертекстуальности: широкий (литературоведческий) и узкий (лингвистический).

С позиций широкого подхода, в большей степени принятого и развитого в зарубежном литературоведении (Ж. Деррида, Ю. Кристева, Р. Барт и др.) под интертекстуальностью понимается не только диалог текстов, но и способ художественного мышления, в котором текст выступает в качестве средства диалога культур. Как подчёркивает Р. Барт «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [2, р. 78]. Согласно данному подходу каждый текст рассматривается как часть «всеобщего текста», в котором явно или не явно воспроизводится «чужой голос», что приводит к децентрации структуры текста, т.е. рассеивания его смысла. С точки зрения М. Грессе интертекстуальность является составной частью культуры вообще и неотъемлемым признаком литературной деятельности в частности [4, с. 7] [Цит. по: 13, с. 228].

А. Жолковский также рассматривает проблему интертекстуальности широко и считает, что интертекстуальный подход открывает ряд возможностей, включая «сопоставление типологически сходных явлений (произведений, жанров, направлений) как вариаций на сходные темы и структуры; выявление глубинной (мифологической, психологической, социально-прагматической) подоплеки анализируемых текстов; изучение сдвигов целых художественных систем, в частности, описание творче-

ской эволюции автора как его диалога с самим собой и культурным контекстом» [12, с. 8–49].

Следует отметить, что с позиций литературоведческого подхода, развиваемого российскими и зарубежными теоретиками понятие интертекстуальности имеет расширенное толкование: с точки зрения философии языка, всей языковой деятельности человека и культуры в целом. Положение о том, что вся культура и история может рассматриваться как единый универсальный «интертекст», отражающий культуру привели к тому, что текст воспринимается как самостоятельно существующая самопродуктивная деятельность, а автор становится бессознательным творцом и «превращается в пустое пространство проекции интертекстуальной игры» [4, с. 8], что знаменует «смерть автора», т. е. авторы не создают новый текст, а по-своему преобразуют уже имеющиеся тексты. В этом как отмечают исследователи, взгляды на интертекстуальность между литературоведами и лингвистами, которые придерживаются концепции М. М. Бахтина о диалогичности текста, диаметрально противоположны, т. к. как отмечает М. Пфистер, диалогизм у Бахтина в первую очередь подразумевает диалог голосов внутри одного определенного текста [5], а не имперсональный диалог [Цит. по: 13].

Мы считаем, что такая широкая трактовка интертекстуальности, согласно которой, текст рассматривается в качестве культурно-семиотической системы, «всеобщего текста», «коллажа цитат», отражающего всю культуру и историю, позволяет исследовать лишь процессы взаимодействия различных текстов, но не сами тексты. Вследствие этого, становится неопределённым по каким критериям следует определять интертекстуальность как таковую.

Лингвистический подход к интертекстуальности разрабатывается в свете лингвистики текста и стилистики и ориентирован на исследование взаимодействия «своего» и «чужого» слова в тексте.

С позиций лингвистического подхода Р. А. де Бегранд и В. У. Дресслер определяют интертекстуальность как «зависимость между порождением или рецепцией одного данного текста и знанием участником коммуникации других текстов» [3, с. 188]. И. В. Арнольд рассматривает теорию интертекстуальности с точки зрения композиционной стилистики и понимает интертекстуальность как «включение в текст других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий, которые являются основными структурными элементами включений “чужого слова”», общим классификационным признаком которых называется смена субъекта речи в тексте, т. е. автор намеренно уступает слово другому автору или персонажу» [7, с. 351–352].

Е. В. Михайлова рассматривает интертекстуальность как категорию текста, представляющую собой «многомерную связь отдельного текста с другими текстами по линиям содержания, жанрово-стилистических особенностей, структуры, формально-знакового выражения» [17, с. 2]. С точки

зрения Н. А. Фатеевой, интертекстуальность – это «механизм метаязыковой рефлексии», «способ генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов» [18, с. 12]. Малаховская М. Л. определяет интертекстуальность как «наличие в тексте элементов, которые, вследствие целенаправленной авторской стратегии или же безотносительно его интенции, активируют в сознании читателя другие, прочитанные им ранее, тексты» [16, с. 5].

На наш взгляд, с теоретической точки зрения, трактовка интертекстуальности как текстовой категории, отражающей механизм межтекстового взаимодействия, активизирующегося посредством различных отсылок к предшествующим текстам способствует осуществлению более детального анализа текста, т.к. чётко очерчивает границы исследуемого явления позволяя определить языковые механизмы его функционирования.

В заключении следует отметить, что несмотря на различные формулировки определений понятия интертекстуальности, важно подчеркнуть прослеживаемую во всех работах мысль о том, что интертекстуальность – это текстовая категория, в основе которой лежит диалог или «переключка» различных текстов и авторов, т. е. диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам.

Библиографический список

1. Ashurova D.U., Galieva M.R. Stylistics of Literary Text. – Tashkent: Turon-Iqbol, 2016. – 272 p.
2. Barthes R. Texte // Enciclopedia universalis. Vol 15, P., 1973
3. Beaugrande R.A., Dressler W. Introduction to Text Linguistics. – L., N.Y., Berlin. 1981 <http://www.beaugrande.com/Intro1981Five.htm>
4. Intertextualität: Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien Ed. by U. Broich. M. Pfister. In collab. with Schulte-Middelich. -Tubingen: M. Niemeyer, 1985. -385 p.
5. Pfister M. How Postmodern Is Intertextuality? / M. Pfister // Intertextuality. Plett, Heinrich F. (ed.). – Berlin : Walter de Gruy-ter, 1991.
6. Riffaterre M. Semiotics of poetry. L., 1978.
7. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность // Науч. ред. П.Е.Бухаркин. Изд.стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 452 с.
8. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1994. – 616 с. Электронный ресурс: <http://lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt>
9. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 281-307.
10. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
11. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук/ Французская семиотика: от структурализма к постмодернизму / Сост. Косиков Г.К. – М.: Прогресс, 2000. – С. 407-426.
12. Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы. – М.: Наука– Восточная литература, 1994. – 428 с.
13. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 256 с.

14. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Пер. с фр. Г.К. Косикова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1995. – №1. – С. 97-124.
15. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 272 с.
16. Малаховская М.Л. Интертекстуальные связи в художественном тексте в сопоставительно-переводоведческом аспекте (на материале произведений К.С. Льюиса). Автореферат... канд.фил.наук. С.-Пб., 2007.
17. Михайлова Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей). Авт. дис... к. ф. н. – Волгоград, 1999. – 22 с.
18. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА АНГЛИИ В ПЕРИОД 2000–2010 ГОДОВ

М. П. Колесник

*Кандидат филологических наук,
Национальный технический университет
Украины “Киевский политехнический
институт им. Игоря Сикорского”,
г. Киев, Украина*

Summary. The article presents the experimental study results of morphological deviations occurrence in the speech of the north-eastern dialect speakers. It provides the frequency rates matrix of morphological aberrations in the English north-eastern dialect with regard for time interval of 2000–2010 years as well as gender and dialect speakers' sociocultural level. Moreover, the author gives the relative characteristics of the studied aberrations frequency as well as upon the reasons of their origin and functional tendencies in the informants' speech.

Keywords: English north-eastern dialect; analysis; morphological characteristics; socio-cultural level; sex; frequency rates.

В последние годы в среде отечественных и зарубежных лингвистов наблюдается повышенный интерес к вопросу связи языка с национальной ментальностью и индивидуальностью ее носителей (см., напр. [2; 5]). При этом лингвисты европейских и ряда других стран все чаще сосредотачивают свои усилия не только на изучении стандартного языка, но и на углубленном рассмотрении и поддержке территориальных диалектов [3; 4]. Это связано в первую очередь с тем, что диалект отличается от других вариантов языка, например акцента, наличием отклонений на всех уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом.

Кроме того, именно на морфологическом уровне возможно всеобъемлюще проследить приверженность говорящего тому или иному виду языка. Так как морфологические диалектные отклонения от стандарта языка охватывают собой как фонетический, так и лексический аспекты. Напри-

мер местоимение *wor* является аналоговым противопоставлением фономорфологической формы слова *our* или лексическим графоном [1, с. 55]. Таким образом актуальным видится изучение частоты функционирования морфологических отклонений от стандарта английского языка в речи носителей северо-восточного диалекта разных социокультурного класса и пола в период 2000-2010 годов.

Изменения частоты проявления морфологических отклонений в период с 2000 по 2010 годы в речи носителей северо-восточного диалекта Англии, которые имеют низкий социокультурный уровень отображены на рисунку 1.

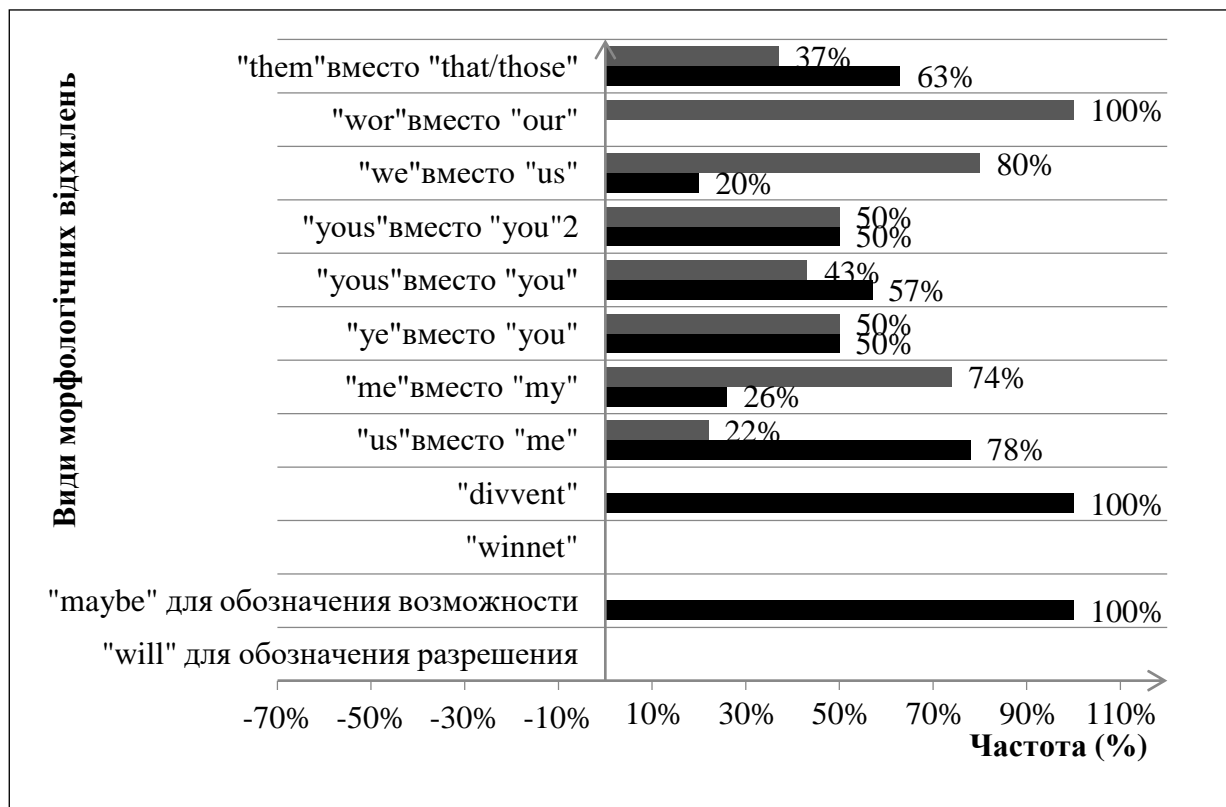

Рис. 1. Частотные характеристики морфологических отклонений в речи носителей северо-восточного диалекта Англии с низким социокультурным уровнем в период 2000–2010 годов.
Условные обозначения: ■ – мужчины, ■ – женщины.

Из рисунка видно, что в отмеченный период наблюдается сбалансированное функционирование морфологических отклонений от стандарта в речи как женщин, так и мужчин. В частности, использование наречия *maybe* вместо модального глагола *may* на обозначение возможности и локальной отрицательной формы *divvent* зафиксированы исключительно в речи мужчин, а замена местоимения *our* диалектным словом *wor* свойственна исключительно для речи женщин северо-восточного региона.

Следующими по частоте отклонениями были замены в речи женщин стандартных местоимений *us* и *my* на *we* (80 %) и *me* (74 %), соответственно. Примеры таких замен можно проследить в следующих предложениях:

*Well erm I was born up at the Law Top and I've got **me** sister with me here today and she was there she was born in the same place and we had a brother (pause) now the Law Top is near the river of course (pause) and erm not far from the beach (pause) which we used to spend a lot of time down at the beach and we also used to go to open air swimming baths which they don't seem to have these days (pause) erm,* где вместо притяжательного местоимения используется местоимение *me*.

В предложении *And em every and a friend every Sunday and Tuesday night and the most I won I shouted for was two thousand three hundred and that shared between the three of **we** you know,* где личное местоимение первого лица множественного числа *we* используется в значении *us*.

В речи мужчин вторыми по частоте были зафиксированны использования ими местоимений *us* вместо *me* (78 %) и *them* вместо *that/those* (63 %). Например:

*Then you can owe **us** two quid.*

*Well I left school then, you used to leave school at fourteen in **them** days like.*

Остальные морфологические отклонения, зафиксированные в период 2000–2010 лет, в речи мужчин и женщин низкого социокультурного уровня колебались около 50 %.

Подобная картина распределения морфологических отклонений в речи мужчин и женщин среднего социокультурного уровня характеризует период 2000–2010 лет (рис. 2).

Этому исследуемому периоду присуща одинаковая частота использования мужчинами и женщинами таких отклонений от стандартного английского языка, как замены непрямого личного местоимения второго лица множественного числа *you* его соответствующей формой с окончанием – *s* – *you's*, личного местоимения второго лица единственного числа *you* его диалектным аналогом *ye* и непрямого личного местоимения первого лица единственного числа *me* непрямым личным местоимением первого лица множественного числа *us*.

Максимальные качественные и количественные показатели частоты морфологических отклонений в речи мужчин достигают 100 % в случае с заменой *that/those* на *them*; 76 % приходится на функционирование в их речи локальной отрицательной формы *do – divvent*. В то же время замещения непрямого личного местоимения первого лица множественного числа *us* личным местоимением первого лица множественного числа *we* было зафиксировано исключительно в речи женщин этого региона. В их речи зарегистрирована также достаточно высокая частота употребления местоимения *me* вместо притяжательного местоимения *my* (92 % в противовес 8% у мужчин), *wor* вместо *our* (87 %) и *you's* вместо личного местоимения второго лица множественного числа *you* (83 %). Например:

*No we like, really liked them but we don't anymore, **you's** go through phases.*

And when we were dead little we used to get torches and (laughter) one would be like flashing one (laughter) if someone was like ever going to the toilet (laughter) or (unclear) so we used to play that (laughter) and then we used to get all wor -- wor little toys that we didn't want any more and take them over to theirs.

I've lived in Lanchester, um, all me life, but I've lived in that particular house, twenty-one years.

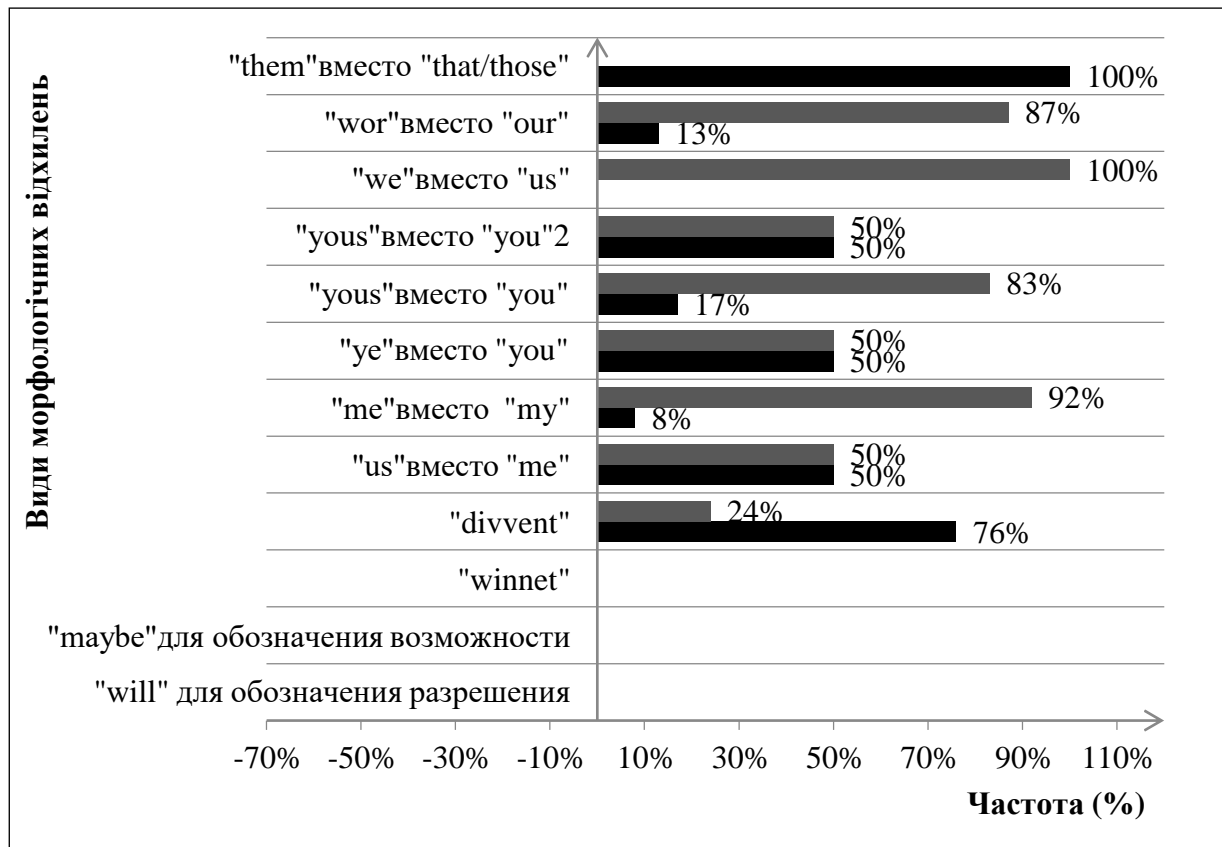

Рис. 2. Частотные характеристики морфологических отклонений в речи носителей северо-восточного диалекта Англии со средним социокультурным уровнем в период 2000–2010 годов.

Условные обозначения: ■ – мужчины, ■ – женщины.

Общая картина наличия морфологических отклонений в речи носителей северо-восточного диалекта Англии, которые имеют высокий социокультурный уровень в 2000–2010 годы отображена на рисунке 3.

Такие отклонения как замена непрямого личного местоимения первого лица множественного числа *us* личным местоимением первого лица множественного числа *we* присуща исключительно речи женщин, а употребление локально маркированной полной отрицательной формы *divvent* свойственна лишь речи мужчин. Например:

We go through phases like in preparation for our summer holidays 'cause of we all the girls went to Portugal, and before that we were like running loads we went on runs loads and then we've kind of given it up and were trying to get back into it, but because it's like winter and dark nights at the minute.

Can't even remembered what happened though (pause) It pretty spoils it, divn't it?

При этом в речи женщин зафиксировано также достаточно высокую частоту употребления местоимения *yous* вместо личного местоимения второго лица множественного числа (82 % в то время как у мужчин – 18 %) *yoi* и использования непрямого личного местоимения первого лица единственного числа *me* вместо притяжательного местоимения первого лица единственного числа *my* (80 %).

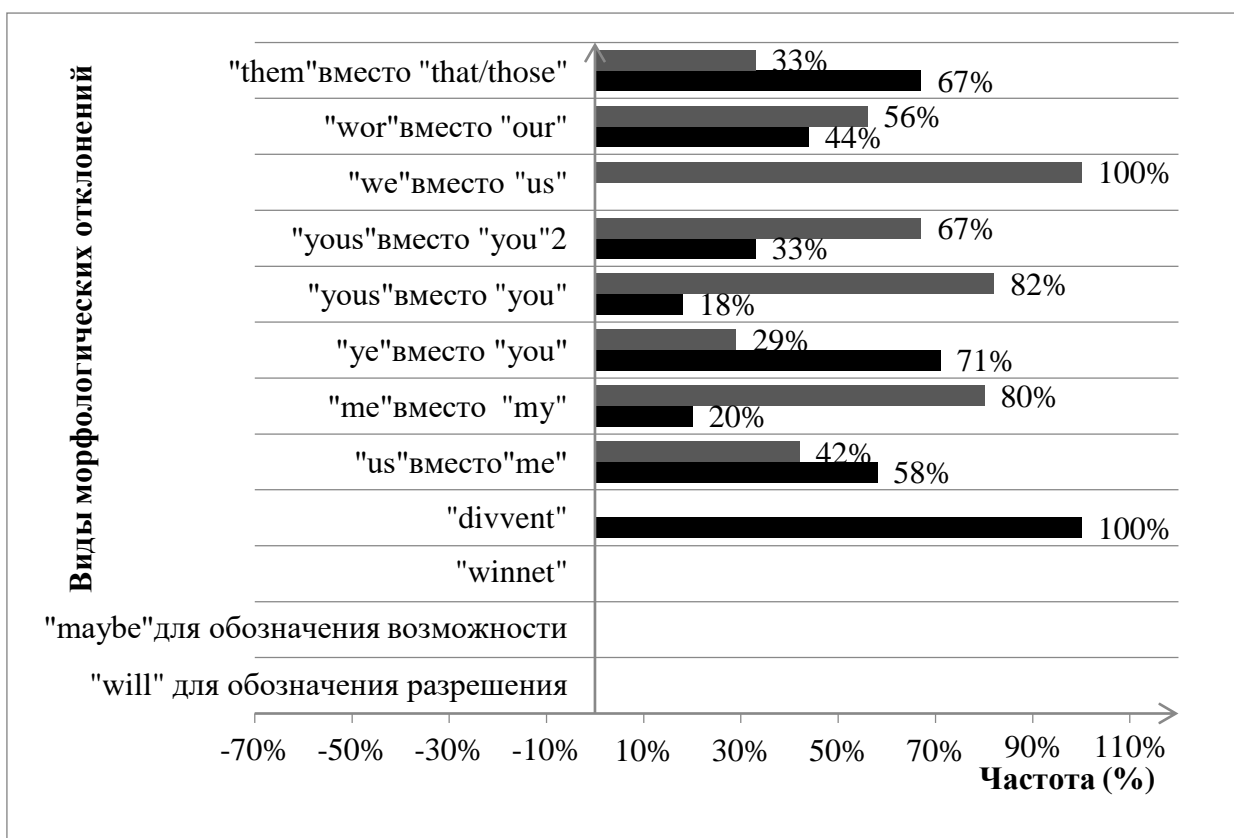

Рис. 3. Частотные характеристики морфологических отклонений в речи носителей северо-восточного диалекта Англии с высоким социокультурным уровнем в период 2000–2010 годов.
Условные обозначения: ■ – мужчины, □ – женщины.

Что касается речи мужчин, то следующими за частотой отклонениями на морфологическом уровне были зарегистрированы замены личного местоимения второго лица единственного числа *yoi* его диалектным аналогом *ye* (71 % при 29 % у женщин).

Обобщая результаты изложенного выше анализа можно констатировать, что в период 2000–2010 годов, невзирая на разницу социокультурных уровней носителей диалекта, в речи мужчин и женщин имело место почти одинаковое функционирование морфологических отклонений от стандарта английского языка. На сокращение в речи мужчин и женщин морфологических отклонений от стандарта английского языка существенно влияли раз-

витие образования, гендерное равноправие, а также активизация социальной и территориальной мобильности жителей северного востока Англии.

Библиографический список

1. Колісник М. П. Лексико-семантична класифікація мовних одиниць північно-східного діалекту Англії / М. П. Колісник // Мови професійної комунікації : лінгвокультурний, когнітивно-дискурсивний, перекладознавчий та методичний аспекти : Матеріали I міжнародної науково-практичної конференції. – К. : «Кафедра», 2014. – С. 54-56.
2. Левина Т. В. Эволюционные процессы в орфоэпической норме слова современного английского языка. Учебное пособие / Т. В. Левина. – Владимир : ВГПУ, 2003. – 125 с.
3. Меркурьева В. Б. Диалект и литературный язык в немецкоязычных драмах : отношение комплементарности и изоморфизма : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.04 / Меркурьева Вера Брониславовна. – Иркутск, 2005. – 408 с.
4. Britain D. Phoenix from the ashes?: The death, contact and birth of dialects in England [Електронний ресурс] / D. Britain. – Режим доступу : http://www.essex.ac.uk/linguistics/papers/errl_41b.pdf.
5. Dervin, F., Jackson, J. Language, identity and interculturality. / F. Dervin, J. Jackson / Interculturality in International Education. – New York, NY: Routledge, 2018. – pp. 63-81. <https://doi.org/10.4324/9780429490026-4>

IV. BASIC THEMES OF TRANSLATION STUDIES

SPECIFIC FEATURES OF FOREIGN LANGUAGE FOR SCIENTIFIC-PROFESSIONAL PURPOSES

S. V. Samarskaya

*Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant professor,
Rostov State Economic University «RINH»,
Rostov-on-Don, Russia*

Summary. This article observes specific features of scientific style that is characterized by a number of general conditions of functioning and serves the sphere of scientific communication. Such features as its information content, logic, accuracy and objectivity determine a predominant use of specific linguistic means at the lexical, morphological and syntactic levels that facilitate meeting the needs of this area of communication. The essential differences between the scientific dialogue and the scientific monologue in the modern scientific works are described and analyzed. Also different scientific sub-styles of language such as written and oral varieties are also considered.

Keywords: scientific style; specific features; theoretical awareness objective knowledge; logical sequence; language means; lexical and morphological levels; modern forms of scientific texts; oral scientific communication; compression techniques; written texts.

In the modern world of developing global computer networks English language increasingly acts as the language of advanced science, Economics and politics, trade and interpersonal communication and serves as a means of international communication. So in the context of dynamically developing technologies, an increasing number of technical innovations is coming to Russia and become an integral part of our daily and scientific-professional activities. Knowing specific language features of scientific style and rules of presentation of scientific information in foreign language can be very useful in making international researches and helpful for joint professional activity in different fields of science and technology.

Scientific style serves the sphere of science, that is, the sphere of human activity. Its main function is development and theoretical awareness of the objective knowledge about reality. As a way of mastering reality, science is characterized by the desire for the most generalized, objective, impersonal knowledge.

Scientific style that implements theoretical thinking in the conceptual-logical form, is characterized with objectivity and categoricalness, i.e. the balance and proportionality of the assessments, generality, accented by the consistency and conclusiveness, accuracy and clarity, and also focusing on communicative orientation to the addressee, that is expressed in dialogic presentation.

Scientific style belongs to the number of book styles of literary language, which is characterized by a number of general conditions of functioning and language features: preliminary thinking of the statement, its monological character, strict selection of language means, attraction to the normalized speech. All these features are reflected in the language form, that is, in a certain selection and organization of language material.

Scientific style has a number of common features, manifested regardless the nature of the Sciences themselves (Natural, Pure, Humanitarian sciences) and the differences between the genres of statements (monograph, scientific article, report, textbook, and so on), which makes it possible to talk about the specific features of the style as a whole.

A characteristic feature of the style of scientific works is their richness of terms, in particular international ones. This is due to the fact that the style of scientific works is determined by their content, by the goals of scientific communication – to explain the facts of reality as accurately and fully as possible, to show cause-and-effect relationships between phenomena, to identify patterns of historical development and so on. Accordingly the scientific style is characterized by a logical sequence of presentation, an ordered system of relations between the parts of the statement, the desire of the authors to accuracy, compactness, unambiguity of expression while maintaining the saturation of the content [4].

As the scientific style requires an objective, "intellectual" presentation of scientific data, emotionality, as well as expressiveness, is achieved differently than in other styles. The perception of a scientific work can cause certain feelings in the reader, but not as a response to the emotionality of the author, but as an awareness of the scientific fact. Although the scientific discovery affects the person regardless of the method of its transmission, the author of the scientific work does not always abandon the emotional and evaluative attitude to the events and facts presented.

The desire for limited use of the author's "I" is not a tribute to the etiquette but the expression of the abstract generalized stylistic features of scientific language that reflects the form of thinking. Abstract-generalized, abstracting nature of thinking is manifested in scientific speech at the lexical, morphological and syntactic levels. In vocabulary it is the widespread use of words with abstract meaning, the frequency of words denoting a broad concept (set, system, structure), in morphology – the elimination of a specific time plan of the verb, in syntax – the use of impersonal and indeterminate-personal sentences, passive expressions, etc. [1].

Modern forms of scientific texts are monographs, articles, reports, reviews, abstracts, resumes, reports on research work, theses. Scientific-informational literature, content of which is the processing of primary scientific publications or reviews has emerged as an independent form of scientific works. Reducing the volume of the scientific text has required the development of special techniques to eliminate redundancy compression techniques.

Scientific style is far from heterogeneous and allows wide variability. Within the framework of the scientific style, one can distinguish scientific (academic), scientific-educational, scientific-technical, scientific-journalistic, scientific-informational, popular scientific and business sub-style.

Actually scientific sub-style can be represented by written and oral varieties, with the leading role of written presentation. It is determined by the fact that without the publication of the results of scientific research scientific interaction would be impossible. At the same time, the rapid growth of the avalanche of publications cannot affect both their quality and the real feasibility of their development by the scientists of a particular industry. In such circumstances, the value of the oral word in science increases not only in the process of direct communication, but also in the function of reporting. Also oral forms of scientific communication can provide not only a rapid exchange of information, but also its effective development.

Oral scientific communication is different from written both in the way of creation and in the way of perception. Therefore, it is impossible to talk about the identity of the two texts even if the information transmitted in both cases is the same and the written text is based on oral one or vice versa. Written and oral texts in science are not interchangeable: both of them have their own specific features [3].

Modern scientific works are presented mainly in the form of a monologue. Monological form corresponds to the content and objectives of scientific works in the most fully way.

The scientific speech presents all three main types of monologue: description, narration and reasoning. In addition to these three types of characteristic of other of book styles, some authors, for example M. N. Kozhina, distinguish the fourth type, characteristic only for the scientific speech – critical-polemical type. It is such way of presentation that aims to assess different points of view and defend their own. Monologue is the main, but not the only form of scientific style [2].

Scientific dialogue, in comparison with a monologue, has a number of advantages: it allows for the rapid exchange of opinions on issues on which there is no clear solution in science and gives the opportunity to move freely from the presentation of one thought to another, even without visible connections between them. Therefore, it may be supposed that scientific dialogue is a freer, relaxed form that does not require such strict subordination to the laws of scientific style as a monologue [2].

The essential difference between the scientific dialogue and the scientific monologue is the extreme expression of the author's "I" in it. This is a specific person speaking on his own behalf.

Scientific dialogue on some indicators converges with colloquial one that facilitates not only to its construction, but also the conditions in which it is used: oral, contact communication. The influence of colloquial style on scientific dialogue is especially noticeable in the field of syntax: incomplete sentences, repe-

titions, pickups and others are used in it. Less noticeable is this influence on the lexical and morphological level, but it inevitably occurs here.

Bibliography

1. Borisenko T.I. Introduction to English for Academic Purposes: Ucheb. posob.[educational manual], Moscow: KDU, Unuversaitetskaya kniga, 2016, 176 p.
2. Kojina M.N. O rechevoi sistemnosti nauchnogo stilya sravnitrlnos nekotorigi drugimi / Kojina M.N. – Perm: «Vichera», 2003, 325 p.
3. Jordan R.R. Academic Wriying course. Study skilks in English. 3ed. London: Longman, 2009, 134 p.
4. Milton J. Measuring the contribution of academic and general vocabulary knowledge to learners' academic achievement, Journal of English for Academic Purposes, volume 31, 2018, p. 44-57.

PHRASEOLOGICAL ANTONYMS IN KAZAKH AND ENGLISH LANGUAGES

N. M. Tukeshova

*Post-graduate student,
Kazan (Volga region) Federal University,
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia*

Summary. The article deals with phraseological antonyms, their role in linguistic culture. Also described are some types of phraseological antonyms in the English and Kazakh languages. Examples are given in English and Kazakh languages from lexicographical sources. The concept of contradiction is widely described and widely explained in any science, just as in phraseology. They are one of the most versatile and expressive vocabulary of a language. They are characterized by their visual, expressive-emotional and descriptive qualities.

Keywords: phraseologism; antonymy; stable phrases; linguistics; Kazakh language; English language.

Phraseology is the basis of vocabulary, which contributes to the language culture and teaches skills. Any phraseology is based on a primitive folk language. Therefore, they cover all aspects of life and are rich in inner content. Phraseology is above all the thoughts, feelings and recognition of people. Phraseology is used to express the stylistic features, emotional tinge when used in a sentence. Phraseology is considered one of the most powerful language tools in the language of fiction and aesthetic recognition of each nation. They are one of the most versatile and expressive vocabulary of a language. They are characterized by their visual, expressive-emotional and descriptive qualities. Such artistic and diverse phraseology has been used by people from generation to generation.

The problem of phraseology in linguistics is studied in detail. As for phraseological antonyms, the concept of contradiction is widely used and described in any science, including regular expressions, which may have antonymic properties. The appearance of opposing phrases in linguistics facilitated a comparison of the

concepts of ordinary things and natural phenomena in the human mind, and their ability to counteract each other. Phraseological antonyms in each language are intended not only for comparison, but also for phrases that convey an intricate notion of text. Phraseological antonyms are constant expressions that are essentially opposite to each other. In this regard, let's look at some of the examples of phraseological antonyms, referring to the Kazakh and English languages.

Phraseological antonyms in the Kazakh language are mainly of two types:

1) idioms, replacing the internal components of stable expressions in other words. For example, *ат ізін салмады* (do not visit, break the connection) – *ат ізін құрғатпады* (to come repeatedly); *ашық мінез* (open) – *тұйық мінез* (closed, secretive); *бақ қонды* (lucky) – *бақ тайды* (unlucky); *бетінен оты шықты* (ashamed) – *беті бүлк етпеді* (do not be shy); *бұл дүние* (this world) – *о дүние* (afterworld); *ер жүрек* (fearless, courageous) – *қоян жүрек* (cowardly); *жүрек жұтқан* (brave) – *су жүрек* (cowardly); *көзге ілмеу* (ignore; neglect) – *көзінен таса қылмау* (keep an eye); *аузы-аузына жұқпау* (to speak incessantly) – *жұмған аузын ашпау* (not to talk).

In the above examples, in some phraseological units, verbs were replaced, such as, *салмады* – *құрғатпады*, *қонды* – *тайды*; and in some adjectives, *ашық* – *тұйық*.

2) idioms, consisting of completely structurally different words, for example, *шөлі қанды* (quench thirst) – *қаны кепті* (thirst); *сабыр ету* (tolerate) – *дегірі қалмады* (lose patience), *салт басты* (single) – *үйлі-баранды* (have family); *аузыңа май* (God forbid) – *жағың қарыссын* (do not dare to speak, shut up); *айы оңынан туу* (very lucky) – *жолы болмау* (bad luck); etc [1].

As for the phraseological antonyms in the English language, there are various classifications of phraseological antonyms. For example, A. V. Kunin divides them into single-style and multi-style phraseological antonyms. As in the Kazakh language, the phraseological antonyms in English may or may not correspond to the lexical composition. Such phraseological antonyms are single-style. That is, as part of a phraseological unit, there may be components that are antonyms in free use.

Single-style phraseological antonyms belong to the same functional style and do not differ in expressive emotive characteristics, for example, with a heavy heart – with a light heart. Both antonyms are literary PUs [2, p. 69]. Single-style phraseologisms also include such as good faith – bad faith; as weak as a kitten (very weak) – as strong as an ox (very strong); under the weather (feel bad, unwell) – up to the mark (at the proper level); as pretty as a picture (beautiful) – as ugly as a sin (scary); loosen one's purse strings (fork) – tighten one's purse strings (cut costs); with a good grace (graciously, favorably, willingly) – with a bad grace (ungraciously, reluctantly). In the above examples, good – bad, weak – strong, under – up, pretty – ugly, loosen – tighten are antonyms in their own use.

Phraseological antonyms of multi-styles include phraseological units that can be understood by context or by using a dictionary. For example, lose heart –

keep ones chin up; earn an honest penny – live by one's; as common as blackberries – as scarce as hen's teeth; at a snail's pace – at a breakneck speed; beat about the bush – to come to the point; twiddle one's thumbs up – sweat one's guts out; to make a clean breast of smth – to play a double game.

Bibliography

1. Қазақ тілі: энциклопедия. А.: Қазақстан даму институты, «ІДК-ТІРО», 1998. 509 р.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. 381 р.

ВЕРБАЛЬНОЕ САМОУТВЕРЖДЕНИЕ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В. В. Внукова

*Магистрант,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия*

Summary. Communicative strategy of self-affirmation is used as a verbal means to an end. Nowadays the role of translingual communication is important in social life. The article studies utterance which contains self-affirmation and the role of interpreter in bilingual communication.

Keywords: communicative strategy; discourse; self-affirmation; verbal; translingual communication.

Ни один процесс социального взаимодействия индивидов не проходит без презентации себя и своих личностных качеств с целью произвести положительное впечатление или утвердить себя в сознании собеседника. В ходе такой интеракции раскрывается внутренний потенциал человека, т. е. происходит развитие человека как личности. Стремление повысить и укрепить самооценку, стремление к самоутверждению, стремление к созданию публичного «Я», а также увеличение влияния и власти являются мотивами самопрезентации личности [3, с. 143–144]. Стоит выделить именно самоутверждение, поскольку это такой процесс становления индивидуальности, в ходе которого в человеке рождается чувство собственного достоинства. Отсюда следует вывод, что самоутверждение – это одна из основных потребностей человека, являющаяся движимой силой и мотивирующим фактором в процессе жизнедеятельности.

Самоутверждение как коммуникативная стратегия включает в себя ряд последовательных действий в связи с интенциями общающихся, а также предполагает отбор языковых средств и их подачу в определенном ракурсе с целью получения эффективного результата от речевого взаимодействия. То, в какой мере отправителю удалось донести до получателя свои

коммуникативные намерения, определяется коммуникативным эффектом [1, с. 61].

Коммуникативная направленность самоутверждения в дискурсе заключается в индивидуальной необходимости управлять поведением человека, влиять на его мнение, оценки и взгляды, склонять к определенным действиям. Иными словами, вербальное самоутверждение используется говорящим с целью знакового управления поведением реципиента. Знаковое программирование действий собеседника усложняется в условиях двуязычной коммуникации.

Результативность межъязыковой коммуникации напрямую связана с переводческой деятельностью. Переводчику как посреднику представляется сложная задача правильно донести до коммуницирующих смысл сказанного, ориентируясь на вербальные и невербальные аспекты самоутверждения. В ходе дискурса переводчик работает с живой речью, а не с текстом, поэтому переводческие решения необходимо принимать быстро. В условиях реальности совершения коммуникативного акта переводчику необходимо учитывать прагматический аспект речевого самоутверждения, субъективный фактор и когнитивный фон общающихся, поскольку от этого зависит выбор лексических и грамматических переводческих трансформаций. Иначе говоря, в аспекте перевода особое внимание уделяется ситуации на момент совершения речевого акта, психологическому настроению и знаниям субъектов дискурса, а также их социальному статусу. Из этого следует, что перед осуществлением роли переводчика следует тщательно подготовиться, изучив, если это возможно, предполагаемых партнеров по коммуникации (социальный статус, манера ведения беседы, речевые особенности, сфера интересов и т. д.) и условия их взаимодействия (место встречи, стиль дискурса, предмет обсуждения и т. д.).

На перевод, или репрезентацию, выражений, содержащих самоутверждение, влияют семантические характеристики. К особенностям вербального самоутверждения относятся:

- пресуппозиция (явный или скрытый смысл);
- перформативность (реплика-действие);
- семантика повеления, выраженная через повелительное наклонение;
- коммуникативная значимость (высказывание содержит информацию);
- условие истинности (наличие доказательств в процессе речевого взаимодействия, на основании чего сказанное соотносится с действительностью);
- объективная (связь высказывания с действительностью) и субъективная модальность (отношение говорящего к действительности).

Стоит отметить влияние на переводческую интерпретацию стиля осуществления речевого взаимодействия, обусловленного социальным и когнитивным факторами. По типу стилистической семантики высказывания дискурса с мотивацией самоутверждения могут быть представлены рядом классов: официальный, неофициальный, вежливый, вульгарный,

эмоциональный, информативный, осуждающий, одобряющий, повелительный, просительный, дискуссионный и другие [2, с. 139].

Итак, цель переводческой деятельности в дискурсе, где эксплицитно или имплицитно представлен феномен самоутверждения, – сохранить эффект оказываемого воздействия на реципиента, соблюдая общепринятые правила переводческой практики, основанные на эквивалентности и адекватности исходного и переводимого сообщения.

Библиографический список

1. Вьюнова Е.К. К вопросу о поиске адекватных переводческих решений в режиме синхронного перевода в рамках коммуникативной модели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. – С. 60-64.
2. Лимарова Е.В. Семиотическая и прагматическая сущность вербального самоутверждения // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации / Под общ. ред. Л.К. Раицкой, С.Н. Курбаковой, Н.М. Мекеко. – М.: ТрансАрт, 2014. – С. 134-140.
3. Пикулева О.А. Психология самопрезентации личности: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 320 с. – (Научная мысль).

V. CURRENT APPROACHES OF STRUCTURAL, APPLIED AND MATHEMATICAL LINGUISTICS

О РОЛИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ОПИСАНИИ КОНФЛИКТА

А. Н. Магомедова

Кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный
университет,
г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия

Summary. The paper considers the role of the emotions. Emotions reflect definite feelings of a man. The research provides the analysis of the emotive vocabulary on the example of the extract from the American novel by Th. Dreiser.

Keywords: forms; emotions; sufferings; conflict; lexical expression.

Сопряжение эмоций и оценки не утрачивают актуальности. Эмоции и чувства – различные формы отражения мира: они являются различными ступенями развития эмоциональной сферы отражения действительности. В то же время чувства, эмоции и даже ощущения так тесно связаны между собой, что не всегда дифференцируются и не имеют четких границ. Мы употребляем преимущественно термины «эмоции» и «чувства» как эквивалентные обозначения, имеющих место в действительности психических состояний, переживаний, ощущений человека. Механизмы языкового выражения эмоций говорящего и языкового обозначения, интерпретации эмоций как объективной сущности говорящего и слушающего принципиально различны. Можно говорить о языке описания эмоций и языке выражения эмоций. В связи с этим выделяется узкое понимание эмотивного значения, когда оно рассматривается как способ выражения эмоций говорящего и охватывает собственно междометия и эмоционально окрашенную лексику. По нашему мнению, эмотивное значение – это значение (семема), в единой структуре которого содержится сема эмотивности того или иного ранга, т. е. это значение, в котором каким-либо образом представлены (выражены или обозначены) эмотивное смыс-лы. Они могут быть полностью равны лексическому значению слова (как у междометий), коннотативными (как у экспрессивов) или выходить в логико-предметную часть значения (эмотивы-номинативы). В. И. Шаховский дает свое определение эмосеме: «Это специфический вид сем, соотносимых с эмоциями говорящего и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака «эмоция» и семных конкретизаторов «любовь», «презрение», «унижение» и др., список которых открыт

и которые варьируют упомянутый семантический признак (спецификатор) в разных словах по-разному» [1].

Конфликт в романе Т. Драйзера «Сестра Керри» заключается в непонимании Керри со стороны сестры Минни и зятя Хэнсона. Это можно пронаблюдать в следующем контексте: To the presence of his wife's sister he was quite indifferent. The whole situation depressed her. She hated to think of going there. It was gloomy to live with these people. She could not endure such a life. Her heart revolted. She felt depressed. Her heart revolted [2].

Единственным человеком в этой конфликтной ситуации, поддерживающим ее оказывается ее друг – Друэй, который всячески помогал ей как морально, так и материально. Приведем пример из эмотивной лексики: Don't worry ... I won't hurt you. Drouet was so good. Его забота и внимание к ней передаются следующей эмотивной лексикой: tenderly, kindly, friendly attention, pleasing, he had a sense of humour [2]. О нерешимости Керри свидетельствует следующая эмотивная лексика: with some doubt, she was afraid, she felt a little nervous, etc. [2].

В данном исследовании нами была предпринята попытка описать роль эмотивной лексики в создании художественного текста и в раскрытии конфликта, а также характеристику эмоций и категории эмотивности.

Слово как знак понятия является действительностью мысли. Лишь благодаря слову мысль становится осязаемой, действительной [3, с. 67–71]. Но именно потому, что речь становится средством коммуникабельности, она становится и предметом оценки, в ходе которой мы не только составляем суждение о ее инструментальной функции, но и оцениваем ее как предмет потребности.

Эмоция может быть и формой отражения, и, предметом отражения. Когда она предмет отражения (love, hatred, disgust, etc.), то слово, ее называющее, не является эмотивом, так как не выражает эмоцию, а служит лишь индикацией определенного понятия об определенной эмоции. Эмотив же своей семантикой выражает эмоциональное состояние внутреннего «я», его сознания и психики. Эмоциональное поведение человека может быть значимым для объекта: дрожит голос, волнуется, бледнеет или краснеет и пр. Общеизвестно, что отражение не может быть без обозначения (названия, имя наречения). Выразить что-то без называния его в слове, прямо или косвенно, тоже нельзя. Так, слова love, disgust, hatred, etc. являются названиями понятий об эмоциях. Это – случай рациональной номинации эмоций. Слова darling, smashing, swine, blockhead, etc. выражают эмоции, которые этими словами не называются прямо, но в семантике которых, имеются спецификаторы, соотносящие данное слово с конкретной эмоцией. Именно это позволяет те или иные конкретные эмотивы использовать для выражения определенных эмоций. Проанализировав произведение Т. Драйзера, было интересно проследить за эмотивной лексикой в описании главного персонажа – сестры Керри и в раскрытии конфликта между Кэролайн и семьей ее сестры.

Библиографический список

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций. Воронеж, 1987.
2. Dreiser Th. The Machine and the Maiden (from the novel "Sister Carrie"). М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960.
3. Magomedova A.N., Omarova Z.S. To the problem of signifying, expressing, describing and causing emotions in the language // The 3rd International Congress on Social Sciences and Humanities. Vol. II. Vienna, 2014. Pp. 67–71.

VI. THE LANGUAGE, CULTURE AND MENTALITY AS IMPORTANT AREAS OF MODERN LINGUISTICS

ТЕАТР СЕВЕРНОГО УЭЛЬСА: ЛИНГВО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Э. И. Бурганова

*Студентка¹,
Елабужский институт КФУ,
г. Елабуга,
Республика Татарстан, Россия*

Summary. This article observes linguo-historical portrait of The North Wales Theatre. The purpose of this article is a linguocultural description of the vocabulary related to the The North Wales Theatre. Semantization, linguocultural interpretation, statistical analysis have been selected as research methods.

Keywords: linguoculture; The North Wales Theatre; linguocultural description; semantization; linguocultural interpretation; statistical analysis.

Основой лингвокультурологии является идея о тесной связи языка и культуры. В процессе изучения иностранных языков постигается понимание эмоционального менталитета, характера и образа жизни другой нации через язык и культуру [7]. Необходимость изучения языка средствами культуры объясняется тем, что язык не только представляет собой часть культуры, а ещё и является его системообразующим звеном, то есть изменяясь под влиянием требований исторического этапа развития культуры. Под воздействием языковых изменений формируется лингвокультурологическое поле, которой способствует раскрытию таких элементов культуры, как наука, религия, искусство и др. [3, с. 52].

Лингвокультура стран изучаемого языка в целом, в частности Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, находится в фокусе внимания многих исследователей-лингвокультурологов. Однако лингвокультура отдельных регионов, в том числе Уэльса, все больше привлекает внимание. Моделирование лингво-исторического портрета такого института культуры, как театр, представляющего собой совокупность различных искусств: литературы, музыки, хореографии, вокала, изобразительного искусства и других – является целесообразным. Более того, изучение культуры театра представляется особо интересным ввиду того, что 2019 год в России был объявлен Годом театра.

¹ Научный руководитель: Н. В. Поспелова, кандидат филологических наук, Елабужский институт, Казанский федеральный университет.

Актуальность данной работы заключается в том, что основной целью изучения иностранного языка в школе является формирование у учащихся иноязычной коммуникативной компетенции, то есть способности и готовности реализовывать иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка [2, с. 16]. Усиление социокультурной ориентации обучения иностранным языкам, направленность на усиление культуроведческого аспекта в содержании обучения, на включение учащихся в диалог культур способствует приобщению учеников к культуре страны изучаемого языка, развитию взаимопонимания, толерантного отношения к проявлению иной культуры, содействует лучшему пониманию особенностей культуры собственной страны и развивает у них умение представлять ее в процессе общения средствами изучаемого языка [1]. ФГОС ООО предусматривает формирование личностных результатов освоения основной образовательной программы основного общего образования, в том числе формирование коммуникативной компетенции, составной частью которой является лингвокультуроведческая компетенция.

Целью настоящей статьи является лингвокультуроведческое описание лексики, относящейся к описанию театра Северного Уэльса. В качестве методов исследования нами были отобраны семантизация, лингвокультуроведческая интерпретация, статистический анализ.

Как известно, театр –

1. A building or place with a stage where plays and shows are performed [6].

Первоначально предпримем попытку моделировать исторический портрет театра. История здания театра Северного Уэльса, расположенного на севере Уэльса в городе *Llandudno* (Лландидно), находящегося в графстве *Conwy* (Конуи), берёт своё начало 28 июня 1994 года. Театр Северного Уэльса на 1505 мест открылся постановкой “Jesus Christ Superstar”; актеры для постановки были приглашены из трех местных любительских компаний. Официальная дата открытия театра принцем Уэльса является 3 июля 1994 года. Театр Северного Уэльса считается одним из лучших театров в Уэльсе, с просцениумом шириной 50 футов и высотой 26 футов. Сцена была построена для размещения валлийской Национальной оперной компании и является 7-м по величине за пределами Лондона и может вместить любое шоу West End (Вест-Энд) [4]. Оркестровая яма театра позволяет разместить до 100 музыкантов. В театре установлено современное световое и звуковое оборудование, имеется переводческая будка для субтитров и аудио описания. Внешний дизайн здания был спорным на всех этапах планирования с 1981 года: некоторые критики утверждали, что дизайн должен был отражать викторианское наследие города. Однако архитектура Театра Северного Уэльса отражает каждое десятилетие, в котором он был построен.

На каждом углу театральной части комплекса расположены башня, лестницы, повторяющие оригинальный фасад the Arcadia Theatre (театр

Аркадия). В фойе театра представлена подборка фотографий, афиш и т. д., отдавая дань зданию, который с 1915 года был Will Catlin's Arcadia Theatre [5]. Настоящий комплекс является третьим и единственным предложением по завершению строительства. Frank Matcham (Фрэнк Мэтчем) был занят составлением планов по замене Riviere's Victoria Palace (Дворца Виктории Ривьера), позже Аркадии, но это ни к чему не привело. В 1919 году был предложен грандиозный план семиэтажного здания с угловыми башнями и центральной башней, но он снова оказался тщетным.

Каким бы ни было индивидуальное мнение об архитектуре нынешнего здания по отношению к его элегантным викторианским соседям, Venue Cymru (название здания с 2004 г.) очень хорошо служит Лландидно и Северному Уэльсу во многих отношениях, привлекая аудиторию, делегатов и торговлю в город [5].

Жизнь театра представляется активной и разнообразной. В нём проходят мероприятия различного характера: танцевальные (*Family Dance Project*, 2018; *Anton & Erin. Dance those Magical Musicals*, 2019; *Strictly Come Dancing The Professionals*, 2019), семейные (*BBC NOW Family Concert*, 2019), музыкальные представления (*Horrible Histories. Terrible Tudors & Awful Egyptians*, 2019), мастер-классы (*Lego Café. School holiday fun!*, 2019; *Young Creatives. Story Circle*, 2019; *Where the Poetry's At Spoken Word Workshops*, 2019), выставки (*Celebration Wedding Fayre*, 2019), показ фильмов (*All Is True*, 2019; *The Wizard of Oz*, 2019; *Can You Ever Forgive Me*, 2019), лекции (*An Audience with Simon Reeve*, 2019; *John Cooper Clarke. The Luckiest Guy Alive*, 2019; *Ant Middleton. Mind Over Muscle*, 2019). Примером семантизации послужила лексическая единица *Celebration Wedding Fayre*. Внутренней формой *Celebration Wedding Fayre* является мероприятие, проводимое в Лландидно с целью оказания помощи в организации свадеб. Деятельность более шестидесяти экспонентов выставки в здании театра Северного Уэльса направлена на содействие молодожёнам в планировании торжества [8].

На сцене театра Северного Уэльса выступают победитель 'Икс-фактора': Joe McElderry, Neil McDermott (исполнитель роли *Ryan Malloy* в *EastEnders*), Kate Robbins (*Spitting Image*, *The Imitation Game*, *Dinnerladies*), Emily Tierney (*Eugenius! Wicked*, *The Wizard of Oz*), отмеченная премией "Эмми" актриса Juliet Mills, Amelle Berrabah, Jake Canuso, Janine Duvitski, Adam Gillen, Sherrie Hewson, Shelley Longworth, Tony Maudsley, Asa Elliott, Maxwell Caulfield, Lorna Fitzgerald, Matt Barber, американский поэт Robert Duncan, австралийский политик David Fawcett, Andy Reiss, Katie Leeming и Poppy Tierney. Ещё одним примером семантизации в данной группе слов является *The Imitation Game*: американская историческая драма 2014 года, фильм, режиссером которого стал Morten Tyldum (Мортен Тильдум); основан на биографии британского математика Alan Turing (Алан Тьюринг), которому удалось взломать код немецкой шифровальной машины «Энигма» во время Второй мировой войны. Данный фильм был отмечен награ-

дами, в том числе: «Лучшая режиссёрская работа», «Лучшая мужская роль», «Лучшая женская роль второго плана», «Лучшая музыка» (Голливудский кинофестиваль); главный приз (приз зрительских симпатий) (Международный кинофестиваль в Торонто); «Лучший адаптированный сценарий» («Оскар») и др.

Музыкальные театральные представления сопровождаются песенными композициями, которые нередко указываются на афишах соответствующих мероприятий. Музыкальное сопровождение представлено следующими песнями: *Start of Something New*, *Stick to the Status Quo*, *We're All in this Together*, *Fugue for Tinhorns*, *Luck be a Lady and Sit Down*, *You're Rocking the Boat*. В качестве примера семантизации выступает лексическая единица *Start of Something New* – первая песня в оригинальном мюзикле *High School Musical*, режиссёром которого является Kenny Ortega (Кенни Ортега).

Далее представим классификацию лексики, относящейся к лингвистическому портрету Театра Северного Уэльса. В качестве основания для классификации данных лексических единиц нами была выбрана номинативность как важнейшее свойство языка. В процессе систематизации лексики нами были выделены следующие группы: персоналии, наименования проводимых мероприятий, наименования песен, топонимы. Нам показалось целесообразным представить результаты в виде следующей классификации. К первой группе, включающей персоналии, относятся Frank Matcham, Joe McElderry, Neil McDermott, Kate Robbins, Emily Tierney, Juliet Mills, Amelle Berrabah, Jake Canuso, Janine Duvitski, Adam Gillen, Sherrie Hewson, Shelley Longworth, Tony Maudsley, Asa Elliott, Maxwell Caulfield, Lorna Fitzgerald, Matt Barber, Robert Duncan, David Fawcett, Andy Reiss, Katie Leeming, Poppy Tierney. В следующую группу, включающую наименования проводимых мероприятий, входят Family Dance Project; Anton & Erin. Dance those Magical Musicals; Strictly Come Dancing The Professionals; BBC NOW Family Concert; Horrible Histories. Terrible Tudors & Awful Egyptians; Lego Café. School holiday fun!; Young Creatives. Story Circle; Where the Poetry's At Spoken Word Workshops; Celebration Wedding Fayre; All Is True; The Wizard of Oz; Can You Ever Forgive Me; An Audience with Simon Reeve; John Cooper Clarke. The Luckiest Guy Alive; Ant Middleton. Mind Over Muscle. Третья группа, содержащая названия песен из пьес, входящих в репертуар театра, представлена следующими лексическими единицами: *Start of Something New*, *Stick to the Status Quo*, *We're All in this Together*, *Fugue for Tinhorns*, *Luck be a Lady and Sit Down*, *You're Rocking the Boat*. Четвёртая группа включает топонимы: The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, Llandudno, Conwy, The North Wales Theatre, Wales, Arcadia, Will Catlin's Arcadia Theatre, Riviere's Victoria Palace, Venue Cymru.

Таким образом, результаты моделирования проекта историко-лингвистического портрета Театра Северного Уэльса представлены в виде тезауруса и включает: персоналии, такие как F. Matcham, J. McElderry,

N. McDermott, K. Robbins, E. Tierney, J. Mills, A. Berrabah, J. Canuso, J. Duvitski, A. Gillen, Sh. Hewson, Sh. Longworth, T. Maudsley, A. Elliott, M. Caulfield, L. Fitzgerald, M. Barber, R. Duncan, D. Fawcett, A. Reiss, K. Leeming, P. Tierney (22 лексические единицы, далее л.е.), наименования проводимых мероприятий (15 л.е.), названия песен (6 л.е.), топонимы (9 л.е.). Они свидетельствуют об активной, богатой и разнообразной деятельности Театра Северного Уэльса.

Библиографический список

1. Варченко Е. И. Английский язык, как компонент системы основных элементов научного знания на начальной ступени образования // Молодой ученый. – 2013. – №2. – С. 346-348. – URL <https://moluch.ru/archive/49/6282/> (дата обращения: 02.03.2019).
2. Фундаментальное ядро содержания общего образования / Рос. акад. образования; под ред. Козлова В. В., Кондакова А. М. – М.: Просвещение, 2011. – 79 с.
3. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография / В.М. Шаклеин. – М.: Флинта, 2012. – 301 с.
4. About Britain.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arthurlloyd.co.uk/> (дата обращения: 27.02.2019).
5. Arthur Lloyd.co.uk [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arthurlloyd.co.uk/> (дата обращения: 27.02.2019).
6. Longman Dictionary of Contemporary English Online [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 25.02.2019).
7. Pospelova N.V., Osipova E.Y. Welsh language personality as an object of linguocultural research [Электронный ресурс] /Pospelova N.V., Osipova E.Y. // Russian Journal of Humanities. – 2018. – Volume 10. – Number 44. – С. 81-89. – URL: [http:// soc-journal.ru/](http://soc-journal.ru/) (дата обращения: 15.02.2019).
8. Venue Cymru Llandudno [Электронный ресурс]. URL: <https://venuecymru.co.uk/> (дата обращения: 02.03.2019).

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Т. В. Валюкевич

*Кандидат филологических наук, доцент,
Харьковский гуманитарный
университет,
«Народная украинская академия»,
Украина, Харьков*

Summary. The article deals with the issue of human appearance as an object of linguistic studies. A person is seen as the main object of research in modern linguistics. Human appearance is defined as a whole image which consists of physical, functional and social characteristics that inform the percipient about the person.

Keywords: human appearance; person; linguistic studies.

Человек является главным объектом изучения современной лингвистики, основная задача которой заключается в «языковом моделировании человека во всех ипостасях его бытия в объективно существующей взаимосвязи с другими сопредельными науками о человеке» [4, с. 20]. Таким образом, человек справедливо считается тем центром, вокруг которого сосредоточивается проблематика исследований.

Человек и его окружение стоит в центре всего изображаемого словом. В языке запечатлены физический облик человека, его внутренние состояния, эмоции, интеллект, отношение к миру, природе, коллективу людей и другому человеку. Вопросы человеческого фактора в языке рассматриваются в [1; 2; 6].

Чтобы жить и быть в мире, человек должен, прежде всего, быть воплощен в этом мире, занимать в нем определенное пространство, быть осязаемым, зримым, телесным. Кроме разума, совести и др. характеристик у человека есть тело, голос, походка, мимика, жесты, он носит одежду, надевает на себя украшения и т. п.

Внешность человека представляет собой целостный образ – гештальт, воплощенную в языке совокупность представлений о внешних анатомических (части тела), функциональных (мимика, жесты, голос, речь) и социальных (одежда, украшения) признаках человека. Посредством внешности человек пространственно вписывается в окружающий его мир и является объектом зрительного восприятия. Внешность человека понимается как феномен культуры, неотъемлемый атрибут бытия человека, составляет его образ и является ядром национальной культуры, системы ее ценностей.

Внешний облик человека изучается в различных областях знаний: психологии, социальной психологии, соционике, медицине, криминалистике.

В лингвистике внешность рассматривается как часть перцептивно-образного представления о лингвокультурном типаже [5], художественная

ценность [10], один из когнитивных классификаторов, детерминирующих концептуальный образ женщины [3]. Предложены когнитивные модели описания внешности персонажей в английской языковой картине мира [11], осуществлено когнитивное моделирование концепта «ЧЕЛОВЕК ТЕЛЕСНЫЙ» [7]. «ВНЕШНИЙ ЧЕЛОВЕК» изучается как образ-концепт [114]. Концепт ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА изучается в аспекте межкультурного взаимодействия [12] как часть образной составляющей макроконцепта ЧЕЛОВЕК [9].

Таким образом, определение связи между системой визуального восприятия внешности человека и средствами ее объективации в языке будет способствовать решению перспективного научного задания раскрытия отношений окружающей действительности – человека – языка – мышления.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 348–389.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
3. Великородных О.В. Специфика вербализации концепта "femme" ("женщина") в художественной картине мира Ф. Саган в динамико-возрастной перспективе : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Великородных Ольга Владимировна. – Москва, 2008. – 226 с.
4. Внутренний мир человека: семантические константы : кол. монография к юбилею доктора филол. наук, проф. Ю.М. Малиновича / [Ю.М. Малинович, М.В. Малинович, Г.А. Агеева и др. ; ред. М.В. Малинович]. – Иркутск : ИГЛУ, 2007. – 476 с.
5. Карасик В. И. Лингвокультурная концептология / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин. – Волгоград : Парадигма, 2009. – 116 с.
6. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в языковой картине мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира; [ред. Серебренников Б.А.]. – М. : Наука, 1988. – С. 141–172.
7. Клевцова О.Б. Концепт «человек телесный»: когнитивное моделирование и переносы (на материале сопоставительного анализа древнерусского и древнеанглийского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Клевцова О. Б. – Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2007. – 209 с.
8. Коротун О.В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Коротун Ольга Владимировна. – Омск : Ом. гос. ун-т, 2002. – 193 с.
9. Пефтієва О.Ф. Особливості вербалізації концепту ЗОВНІШНІСТЬ в англійській та українських мовах / О.Ф. Пефтієва // STUDIA GERMANICA ET ROMANICA: Іноземні мови. Зарубіжна література. Методика викладання. – 2010. – Том 7, № 2 (20). – С. 149–164.
10. Подковырин Ю.В. Внешность литературного героя как художественная ценность : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Подковырин Ю.В. – Кемерово, 2007. – 172 с.
11. Селезнева С.Ю. Языковые средства и когнитивные модели описания внешности персонажей в англоязычной художественной прозе: На материале произведений английских и американских писателей XIX и XX вв. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Селезнева С.Ю. – М. : Моск. Ордена Дружбы Народов лингв. ун-т, 2001. – 299 с.

12. Толстик С.А. Русский концепт "внешность человека": параметрическая характеристика в аспекте польско-русского межъязыкового и межкультурного взаимодействия / С.А. Толстик // Преподавание русского и польского языков с использованием технологии диалога культур ; [ред.: О.В. Орлова, И.В. Никитенко]. – Томск, 2011. – С. 97–101.

ПОНЯТИЕ «ГЕНДЕРНЫЙ СТЕРЕОТИП» В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

О. В. Володина

*Доцент,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. The article discusses theoretical approaches to the interpretation of the concept of “gender stereotype” in modern linguistic research. The content of the terms “gender”, “gender picture of the world”, and “gender stereotype” are clarified. The article proves the role of the media in the formation and dissemination of gender stereotypes.

Keywords: gender; the category of "masculinity" and "femininity"; gender stereotype; media discourse.

Гендерология как самостоятельная научная дисциплина сформировалась в 70-х годах прошлого века под влиянием движения феминизма в США и Западной Европы. Таким образом, «принятый в лингвистике антропоцентрический подход к языку предполагает усиленное внимание ко всем параметрам человеческой личности, отражающимся в языке... Гендер, понимаемый как культурно обусловленный и социально воспроизводимый феномен, представляет один из таких параметров...» [9, с. 239]. Гендер как социокультурный феномен является объектом исследования различных смежных гуманитарных наук, таких как философия, антропология, психология, социология, лингвистика, культурология и др.

Исследование языка с учетом гендерно подхода «позволяет получить информацию о том, какую роль играет гендер в той или иной культуре, какие поведенческие нормы для мужчин и женщин фиксируются в текстах различного типа, как меняется представление о гендерных нормах, мужественности и женственности во времени, какие стилевые особенности могут быть отнесены к преимущественно женским или преимущественно мужским, как осмысляется мужественность и женственность в разных языках и культурах, как гендерная принадлежность влияет на усвоение языка, с какими фрагментами и тематическими областями языковой картины мира она связана» [5, с. 139].

Гендерная картина мира – это «совокупность представлений, составляющих такое видение человеком реальности, где вещи, свойства и отношения категоризируются при помощи бинарных оппозиций, стороны кото-

рых ассоциируются с мужским и женским началом, она коррелирует с гендерными нормами, идеалами, репрезентациями, стереотипами» [13, с. 17].

Гендер образует систему, в которую входят гендерные стереотипы (принятые в обществе представления о маскулинности и фемининности), гендерные роли (набор образцов поведения, ожидаемых от мужчин и женщин) и гендерная идентичность (характеристика человека по его принадлежности к мужчинам или женщинам) [7]. Категории «мужественность» и «женственность» являются фундаментальными для человеческой культуры. «Две культуры – женская и мужская, два менталитета были изначально противопоставлены друг другу [14, с. 141].

Гендер в данном исследовании понимается как «совокупность социальных и культурных норм, которые в обществе посредством власти и доминирования предписывается выполнять людям в зависимости от их пола» [2, с. 28]; как «элемент современной научной модели человека, отражающей социокультурные аспекты пола, фиксируемые языком» [8, с. 78]. Таким образом, для гендерных исследований важны не биологические различия между мужчинами и женщинами, а социокультурные, т. к. «мы приобретаем гендерную идентичность в процессе нашей социализации и в результате оказываемся социализированными так, чтобы мужчины действовали по-мужски, а женщины по-женски. Наша идентичность фиксирована, постоянна и является неотъемлемой частью нашей личности. Мы уже не можем перестать быть мужчинами или женщинами, как не можем перестать быть людьми» [10, с. 167].

Процесс стереотипизации является «эффективным механизмом формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей» [4, с. 16]. Стереотипы – это упорядоченные, упрощенные схематичные культурно детерминированные «картинки мира» в сознании человека, позволяющие экономить временной и интеллектуальные ресурсы в процессе социализации и усвоении сложных явлений объективной действительности [12, с. 110].

«Стереотип мыслится как стимул, пробуждающий стандартизированное восприятие, оказывающее воздействие на то, каким образом индивид отреагирует на данный стимул» [16, с. 357–358].

«Стереотипизация основана на трех характеристиках: категоризации индивидов, согласованности относительно приписываемых свойств и несоответствии между приписываемыми и реальными свойствами» [17, с. 66]. Стереотип определяется как «субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей» [1, с. 7].

Гендерные стереотипы – это «социально конструируемые категории «маскулинность» и «феминность», которые подтверждаются различным в зависимости от пола поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов, и которые поддерживаются пси-

хологическими потребностями человека вести себя в социально одобряемой манере и ощущать свою целостность и непротиворечивость» [15, с. 57].

Под гендерными стереотипами «понимаются стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям “мужское” и “женское”» [11, с. 19], «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [7, с. 98]. Таким образом, гендерные стереотипы представляют собой обобщённые, схематизированные образы мужественности (маскулинности) и женственности (фемининности). «В стереотипном представлении о мужественности (маскулинности) содержатся такие характеристики, как активность, доминантность, уверенность в себе, агрессивность, логическое мышление, способность к лидерству. Фемининность рассматривается как “пассивно-продуктивное начало”, проявляющееся в следующих личностных характеристиках: заботливость, тревожность, низкая самооценка, эмоциональность» [3, с. 7].

Важнейшую роль в формировании и распространении гендерных стереотипов играют средства массовой информации. В современном стремительно развивающемся информационном мире именно СМИ, представляя собой основной источник информации о различных сферах общественной, политической и культурной жизни социума, воздействуют на сознание и мировосприятие, формируют общественное мнение. Таким образом, «механизм функционирования СМИ предполагает не только отражение окружающей действительности, сколько <...> ее интерпретацию, комментариев, оценку, способствующие созданию определенного идеологического фона» [6, с. 204].

Гендерные стереотипы в дискурсе СМИ формируют особую концептуальную картину мира, основными концептами и ценностными доминантами которой являются «мужественность» и «женственность». Стереотипные гендерные образы в дискурсе СМИ репрезентируют представления масс о гендерных ролях, поведении и социальной функции мужчин и женщин в современном обществе.

Библиографический список

1. Бартминьский Е. Этноцентризм стереотипа: результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов 1993–1994 г. / Е. Бартминьский // Речевые и ментальные стереотипы. – 1995. – С.7–9.
2. Бем С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М., 2004.
3. Витлицкая Е.В. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе (На материале англоязычных и русскоязычных текстов): Дис канд. филол. наук. - Тамбов, 2005. – 144 с.
4. Воронина О.А., Клименкова Т.А. Гендер и культура // Женщины и социальная политика / Отв. ред. З.А. Хоткина. – М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1992.

5. Денисова А.А. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой / Региональная общественная организация «Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты». – М.: Информация – XXI век, 2002. – 256 с.
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): учебное пособие / Т.Г. Добросклонская. – М.: Наука, 2008. – 264 с
7. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 180 с.
8. Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания. – М., 2000. – С. 47-80.
9. Кирилина А.В. Новый этап развития отечественной лингвистической гендерологии / А. В. Кирилина // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: материалы международной научной конференции (Иваново, 25-26 июня 2002 г.). В 2 ч. – Иваново: Иван.гос. ун-т, 2002. – Ч. 2: История, социология, язык, культура. – С. 238–242.
10. Киммел М. Гендерное общество. – М., 2006.
11. Клецина И.С. Гендерная социализация. Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1998. – С. 19.
12. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой; ред. перевода К.А. Левинсон, К.В. Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
13. Рябов О.В. «Матушка-Русь»: опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии /О.В. Рябов. - М.: Ладомир, 2001. - 202 с.
14. Словарь всемирной мифологии / сост. Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – Н. Новгород, 1997.
15. Унгер Р. О редефиниции понятий пол и гендер: монография / Р. Унгер. – М.: АСТ, 2003. – 197 с.
16. Edwards A.L. Studies of stereotypes: The directionality and uniformity of responses to stereotypes / A. L. Edwards //Journal of Social Psychology. – 1940. – 12. – P. 357–366.
17. Secord P.F. & Backman C.W. Social psychology / P.F. Secord, C.W. Backman. – New York, NY: McGraw-Hill, 1964.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Л. В. Воронина
Р. С. Морозюк

Кандидат филологических наук, доцент,
курсант,
Рязанское гвардейское высшее
воздушно-десантное командное училище,
г. Рязань, Россия

Summary. The article deals with the analysis of linguistic means used in informal military discourse. The focus is placed on the lexico-thematic group of army jargon. The work reveals the features of their structure, functioning.

Keywords: informal military discourse; lexico-thematic group of army jargon; word-formation.

Неформальный регистр коммуникации военных специалистов представляет оппозицию формальному и предполагает непринужденность общения, оценочность, эмоциональность, фамильярность. Наблюдения за речью военнослужащих и изучение соответствующей номенклатуры показали, что описанный выше эффект достигается введением в речь особых лексических средств – просторечий, пейративов, стандартизированных средств (в первую очередь фразеологизмов), а также жаргона, сленга и аргю.

Под термином «военный жаргон» в современной лингвистической литературе понимается лексическая микросистема, охватывающая все множество военных жаргонизмов. Военные жаргонизмы в свою очередь – это «слова и устойчивые словосочетания, обозначающие военные профессионально корпоративные понятия, имеющие сниженную этическую и стилистическую коннотацию переходного качества (от шутливо-иронической и до вульгарной), обладающие социально-профессиональной маркированностью в военном социуме» [1, с. 59].

Армейский сленг отражает все реалии военной жизни, что находит свое выражение в лексико-тематических группах (ЛТГ) языковых единиц, связанных в первую очередь с военно-профессиональной сферой общения:

1) ЛТГ «Офицеры»: *кэп* (капитан, командир), *полкан* (командир полка, полковник), *мамлей* (младший лейтенант), *летеха*, *свисток* (лейтенант), *старлей* (старший лейтенант);

2) ЛТГ «Личный состав»: *боец*, *дух*, *молодой*, *салага* (солдат первого полугодия службы), *дед* (старослужащий), *запах* (солдат до принятия присяги), *пес* (солдат караула), *шуруп* (солдат);

3) ЛТГ «Рода войск и виды служб»: *морские дьяволы* (боевые пловцы), *бандерлоги* (спецназ военнослужащих частей и соединений специального назначения ГРУ Генштаба); *десантура* (Воздушно-десантные войска); *глухонемые*, *молчуны* (Военнослужащие ремонтно-технических баз

(хранилищ) ядерных боеприпасов); *карданы́*, *баллон* (Военнослужащий автомобильных войск);

4) ЛТГ «Военная техника»: *бэха* (БМП), *бэтр* (БТР), *мотолыга* (МТЛБ), *бардак* (БРДМ); *шишига* (автомобиль ГАЗ-66); *корова* (МИ-8);

5) ЛТГ «Оружие»: *Акулина*, *калаш*, *калашмат* (автомат Калашникова); *весло* (винтовка СВД, также обозначение автомата АК с нескладным деревянным прикладом); *труба*, *шайтан-труба* (реактивный пехотный огнемет Шмель, РПГ); *зушка* (зенитная установка);

6) ЛТГ «Географические объекты»: *зеленка* (лесистая местность), *САРАТОВ* (Сирийская Арабская Республика), *ЦАРАТОВ* (Центральная Африканская Республика), *ЛИПЕЦК* (Ливия);

во-вторых, с бытовой стороной жизни военнослужащих:

7) ЛТГ «Помещения»: *бытовка* (помещение в расположении); *взлётка*, *цэтэ* (центральный проход в расположении казармы); *располага* (расположение казармы);

8) ЛТГ «Одежда»: *антенны* (завязки шапки-ушанки); *белуга* (нательное бельё); *парадка* (парадно-повседневная форма для солдата и парадная форма для офицера);

9) ЛТГ «Питание»: *болт*, *шайба* (порция сливочного масла в солдатской столовой); *дискотека* (посудомоечное отделение в солдатской столовой); *мазь*, *мазер*, *мазик* (майонез); *сухпай* (сухой паёк).

Пути появления жаргонизмов в речи военнослужащих многочисленны. Так они образуются по известным более или менее продуктивным словообразовательным моделям. При этом наиболее актуальны существительные-универбаты: *коптерка*, *парадка*, *оружейка*; существительные, образованные посредством суффиксов субъективной оценки: *песочка*, *птичка*, *кантик*, *крабики*, *тумбочка*; существительные, образованные озвучиванием аббревиатур: *хэбэ*, *тэха*, *бэтр*; и дальнейшее их преобразование по стандартным моделям: *хэбэшка*. Посредством аббревиации и переосмысления известных номинативов создаются лексемы типа *САРАТОВ* (Сирийская Арабская Республика), *ЦАРАТОВ* (Центральная Африканская Республика), *ЛИПЕЦК* (Ливия); многочисленны существительные, образованные путем сложения: *старлей*, *пищевоз*, *сухпай*, *комбез*.

Неморфологические способы словообразования связаны в первую очередь с переосмыслением слов в связи с конкретными ассоциациями:

- по цвету: *зеленка* – местность, насыщенная растительностью;

- по форме: *взлетка* – достаточно широкий проход, *птички* – эмблемы на краях воротника, *коробочка* (единица бронетехники);

- по звуку (при произнесении официального названия): *шишига* (автомобиль ГАЗ-66), *весло* (винтовка СВД), *Акулина*, *калаш*, *калашмат* (автомат Калашникова);

- по яркой отличительной черте (род войск): *баллон* (Военнослужащий автомобильных войск); *пушкарь* (военнослужащий артиллерийских войск).

Появление ряда жаргонизмов и их функционирование в речи военнослужащих обусловлено традицией: *чипок*, по неподтвержденным данным, является официальной аббревиатурой, введенной в 1927 году и упраздненной в 1963 году, которая расшифровывается как часть индивидуального продуктового обеспечения красноармейцев.

Употребление военных жаргонизмов обусловлено действием закона экономии языка, связанного с предпочтением более емких лексических единиц и грамматических структур, с одной стороны, и особым, эмоционально-оценочным фоном, который свойственен неформальной стороне коммуникации и который, безусловно, поддерживается всем спектром лингвистических средств, обладающих свойствами экспрессивности.

Библиографический список

1. Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 372 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЧЕСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ. КОНЦЕПТ КАК КАТЕГОРИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

П. В. Воротникова

Магистрант,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия

Summary. This article observes the problem of perception of the Russian concept «honor». We described a nominative field and cognitive features of this concept briefly. A common meaning of concept is explored too.

Keywords: concept; predicate; cognitive linguistics; nominative field; cognitive indicators; language picture of the world.

В области когнитивной лингвистике одной из самых актуальных тем остается изучение *концепта*. Опираясь на труды российских и зарубежных учёных, таких как: Н. Д. Артюновой, С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачёва, В. А. Масловой, У. Л. Чейфа, А. К. Шенка и т. д.; мы можем отметить, что язык выступает не только в роли способа передачи информации, но и является отражением культуры.

Лингвисты не раз акцентируют внимание на данном термине, тщательно анализируя природу *концепта*, его истинное значение, восприятие, адаптацию и репрезентацию в той или иной языковой картине мира. Так, *концепт* становится одним из предметов изучения в лингвокультурологии (культурологической лингвистике).

Существует немалое количество толкований термину, которые указывают нам на двойственность природы *концепта*. С одной стороны, *он* представляет собой конкретный языковой знак (лексему), чему свидетельствуют лингвистические и культурологические направления. А с другой стороны, *концепт* является содержательной (смысловой) оболочкой того же знака, о чём говорит когнитивное направление в лингвистике. Также, важно подчеркнуть общую суть всех трактовок: через тот или иной *концепт* мы можем познать не только личностный опыт человека, его уровень образованности, психологию, профессиональную деятельность, но и познакомиться с его ментальностью и этнической принадлежностью, присущих конкретному народу, культуре. Ярким подтверждением этому может послужить мнение датского лингвиста Л. Ельмслева, он считает: «язык и *концепт* могут открыть дорогу, как к пониманию стиля личности, так и к событиям жизни прошедших поколений» [1, с. 131]. Таким образом, *концепт* – это ключ для:

1. раскрытия внутреннего мира индивида,
2. изучения культурных особенностей индивида и народа.

Однако, нам, как исследователям, важно помнить и о том, что каждый человек способен влиять не только на развитие культуры народа, но и искажать общепринятое смысловое содержания выбранного им *концепта*. По мнению А. Вежбицкой, за одной и той же лексемой «в сознании разных людей могут стоять разные *концепты*» [1, с. 342]. Она полагала, что является нормой в восприятии одного человека, – совсем не обязательно, что этот же *концепт* должен быть идентичным (эквивалентом) для другого.

Для любого *концепта* неким смысловым фундаментом можно считать его номинативное поле и понятийное ядро, которые, как правило, устоялись в коллективном сознании человека историческим путём. Но на *его* задействие влияют личные убеждения и моральные ценности индивида, именно исходя из этих критериев мы способны придерживаться к истинному (первоначальному) значению *концепта*, исказить его или вовсе создавать новое.

Определим специфику *концепта* «честь» в современном русском языке и обширное номинативное поле. Для этого нам мы обратились к двум словарям. Из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова [3, с. 863] мы получили следующие значения лексической единицы:

- почёт, уважение;
- непорочность, целомудрие;
- общественно – моральное достоинство, то, что вызывает поддерживает общее уважение, чувство гордости.

Добавим и «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой [5, с. 1090]. Словарь гласит, что «честь» является ядром и номинативном полем для значений:

- достойные уважения и гордости моральные качества человека, его соответствующие принципы;

- хорошая, незапятнанная репутация.

Из вышеперечисленных определений лексемы «честь» мы можем сделать вывод: данный *концепт* по своей природе считается как и ядром, так и номинативным полем. Отметим и то, что значения подразумевают следующие когнитивные признаки: нравственные качества индивида и его же сложившееся репутация в коллективе. Эти качества и уважение имеют причинно – следственную связь на интуитивном подсознании человека по отношению к другому. Например, если наш собеседник обладает положительными качествами (добродушием, адекватностью, милосердием), то в нас зарождается уважение, в противном случае – чувства уважения к собеседнику у нас не возникнет.

Обращаясь к личному опыту, большинство из нас может описать и другие единицы номинативного поля, ими являются следующие лексемы: справедливость, преданность, уважение, доверие, совесть, чистота, честность, подвиг.

Подтверждением здесь будут и устоявшиеся фразеологизмы, словосочетания. Приведём некоторые из примеров, отмеченные в «Фразеологическом словаре русского языка» С. В. Волкова [2, с. 203–206]:

1. *Выйти с честью* – совладать с чем-то; сохранить, поддержать своё достоинство.
2. *Иметь честь* – удостоиться (форма вежливости или подобострастного обращения к вышестоящему лицу).
3. *Можно чести приписать* – можно соотнести с украшением, признаком достоинства.
4. *Просить честью* – просить без угроз, в расчете на послушание, добровольное согласие.

Исходя из приведённых *концептов*, выраженных не только одной лексемой, но и фразеологизмами, мы можем выделить когнитивные признаки «чести»: она отождествляется с чистотой (очернить, запятнать честь и т. д.), она является неким объектом (т. е. может относиться к субъекту и наоборот, «честь» часто зависит от мнения общественности, и её рассматривают в качестве моральных ценностей).

Таким образом, в данной статье мы кратко дали определение *концепту* в целом, разобрали конкретный *концепт* «честь», его обширное номинативное поле и отметили когнитивные признаки. Согласно мнению Ю. С. Степанова, *концепты* «это как бы сгустки культуры в сознании человека» [4, с. 42], так и здесь, мы можем влиять на восприятие «чести» в индивидуальном и национальном сознании.

Библиографический список

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997. – С. 130 - 416.
2. Волков С. В. Фразеологический словарь русского языка / Изд. АСТ; М. 2013 – С. 203-206.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Изд. Л.И. Скворцова; М., 2007, - 970 с.

4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004, С. 42-67.
5. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Инст. рус. яз. им. В. В. Виноградова. Отв. Ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2008: Изд. Центр «Азбуковник» - 1090 с.

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН
КАК ИСТОЧНИК СОЗДАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ
В ЗАГОЛОВКАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ
(на материале немецкоязычных интернет-изданий)**

Н. В. Погребняк

*Соискатель,
Адыгейский государственный
университет, г. Майкоп,
Республика Адыгея, Россия
преподаватель,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И. Т. Трубилина,
г. Краснодар, Россия*

Summary. This article considers the precedent phenomenon as a productive source for creating the effect of the language game in the headlines of political media discourse. Headings based on a language game attract the attention of the reader more easily. The coincidence of the background knowledge of the author and the reader contributes to the hidden influence on the images of politicians formed in the mind of the reader.

Keywords: political media discourse; headline; language game; precedent phenomenon.

В современном быстро меняющемся мире все большую значимость приобретают политический и медийный дискурс. Эти два типа дискурса наиболее полно отражают проблемы современного общества: от общечеловеческих, личностных до глобальных на уровне идеологий, государств. На протяжении всей истории своего существования медийный и политический дискурс тяготели к сближению и пересечению, что способствовало формированию нового дискурсивного пространства, находящегося на стыке политического и медийного дискурсов. В данном исследовании мы придерживаемся понимания политического медиадискурса как дискурса, сочетающего в себе черты политического и медийного дискурса, как совокупности медиатекстов, объединенных политической тематикой и единой целью – борьбой за влияние и власть.

Постоянный рост информационного потока в рамках существующего в сети интернет политического медиадискурса побуждает авторов искать новые и более действенные способы привлечения внимания читателя. Успех публикации зачастую во многом зависит от правильно выбранного и в достаточной мере экспрессивного названия. Исторически сложилось таким образом, что заголовок определялся как: «название статьи или другого

материала, в котором предельно кратко выражено его основное содержание» [5]. Именно заголовки помогают нам ориентироваться в многообразии сайтов и статей, заранее предвывая ответы на вопросы о содержании статьи, отношении автора к повествуемому событию, и даже потенциальной читательской аудитории, на которую рассчитывает автор. Н. А. Сребрянская подчеркивает тот факт, что по заголовку читатель «навешивает ярлык» всему тексту, тем самым отвергая произведение или, наоборот, проявляя к нему интерес [7].

М. Е. Засорина описывает заголовок как «сжатый текст, обладающий особым прагматическим потенциалом ввиду его суггестивной и информационной нагрузки» [2]. И. Н. Соколова, в свою очередь, понимает заголовок медиатекста в качестве «сгустка информации», который в краткой форме отражает содержание текста и позволяет адресату спрогнозировать приблизительный смысл текста до его прочтения [6].

При выборе наиболее точного, по нашему мнению, определения заголовка мы будем исходить из того, что прагматической сущностью, заголовка как единицы текста является его воздействие на реципиента. Таким образом, вслед за Исаевой А. Ю. будем рассматривать газетный заголовок как коммуникативное сообщение, прагматической установкой которого является адекватная передача замысла автора статьи с целью побуждения читательской аудитории к прочтению материала [4].

В настоящее время вопросы исследования языковой игры в языке СМИ и в частности в политическом медиадискурсе, находятся в центре внимания многих исследователей. Языковая игра – это отклонение от языковой нормы, смена ролей журналиста и читателя, игра в тексте как стилистический прием становятся тенденцией развития современных СМИ. Нам близко определение, данное М. В. Захаровой: языковая игра – это «преднамеренное целевое нарушение общепринятой нормы, совершаемое носителем языка для реализации определенных задач, т. е. речь идет об игре в самом широком смысле данного слова: балагурство, языковая шутка, пародия, интертекст, тропы, каламбуры, языковые анекдоты, игровой текст (как особый тип широкого взаимодействия автора и читателя в игровом поле текста)» [3].

Выделяют различные уровни языковой игры: фонетический, графический, морфологический, словообразовательный, а также в качестве отдельного вида языковую игру на основании прецедентных феноменов. Именно на этом виде языковой игры – как игры с прецедентными феноменами – мы и остановимся более подробно.

Под прецедентными феноменами понимаются культурно нагруженные знаки, известные значительной части представителей национально-культурного сообщества [1]. Использование прецедентных текстов основано, чаще всего, на преобразовании компонентного состава «старых» известных фраз и выражений, что, несомненно, усиливает их экспрессивные возможности [8]. Одним из основных критериев отбора случаев обращения

к прецедентным феноменам является их понятность и общеизвестность. Прецедентные феномены должны быть легко узнаваемы и дешифрованы адресатами даже при сложных трансформациях.

Цель нашего исследования заключается в выделении и анализе примеров языковой игры, встречающихся в заголовках политического медиадискурса, а в частности примеров языковой игры, построенной на апелляции к прецедентным феноменам. Материалом исследования послужили статьи, опубликованные немецкими СМИ в 2018–2019 годах.

В качестве прецедентного феномена могут выступать названия песен или строчки из песен, названия литературных произведений, а также названия или герои фильмов, пьес, мюзиклов, пословицы, устойчивые выражения.

В заголовке **«Angsthasen auf der Regierungsbank»** <https://www.stern.de/politik/deutschland/tillack/fragen-an-die-kanzlerin-und-ihre-minister--angsthasen-auf-der-regierungsbank-7851652.html> (accessed 11.03.19) имеет место аллюзия на басню Эзопа про льва и трусливого зайчика, речь идет совсем не о зайчиках, а о представителях немецких партий CDU, CSU и SPD, а также их нерешительности в принятии решений по ряду вопросов. Заголовок является достаточно привлекательным и интригующим, чтобы захотелось прочитать статью и выяснить кто же эти заявленные в заголовке трусишки и чего они боятся.

Заголовок **«Geliebter Nazi»** https://www.welt.de/politik/plus190139565/Chemnitzer-FC-Der-geliebte-Nazi-Thomas-Haller.html?wtrid=newsletter.politik..politik..%26pm_cat%5B%5D%3Dpolitik&promio=81501.1073587.4958778&r=716607635013887&lid=1073587&pm_1n=4958778 (accessed 13.03.19) вызывает интерес читателя и даже сбивает с толку, ведь статья на самом деле совсем не политического характера, речь в ней идет не о политиках времен фашистской Германии, любимый нацист – это о футбольном клубе Chemnitzer FC.

Заголовок **«Nemo zieht in den Krieg»** https://www.welt.de/politik/deutschland/plus190052919/Ostukraine-Krieg-Wie-ein-Deutschrusse-vom-Priester-zum-Kaempfer-wurde.html?wtrid=newsletter.politik..politik..%26pm_cat%5B%5D%3Dpolitik&promio=81501.1072741.4957931&r=716607627013841&lid=1072741&pm_1n=4957931 (accessed 13.03.19) – это аллюзия сразу на двух героев: капитана Немо из романов Жюль Верна и рыбку Немо из мультфильма «В поисках Немо», аналогия с которой и проводится для того, чтобы подчеркнуть как мала роль назвавшегося именем Немо участника военных действий в Восточной Украине.

В заголовке **«Von der Leyen und der „Tatortreiniger“»** <https://www.welt.de/politik/deutschland/plus189200631/Berateraffaere-Ursula-von-der-Leyen-und-der-Tatortreinig->

er.html?wtrid=newsletter.politik..politik..%26pm_cat%5B%5D%3Dpolitik&promio=81501.1061805.4943436&r=716606618013805&lid=1061805&pm_ln=4943436 (accessed 13.03.19) проводится аналогия с телешоу Чистильщик на Norddeutscher Rundfunk, где главный герой убирает на местах преступлений: кровь, останки жертвы и т.д.

Заголовок **«Scholz kann nicht alle Wünsche erfüllen»** <https://www.sueddeutsche.de/politik/bundeshaushalt-finanzplan-1.4373000> (accessed 18.03.19) – это аллюзия на Деда Мороза. Даже сказочный Дедушка Мороз может, к сожалению, исполнить не все желания: *der Weihnachtsmann will ja jedem Kind was schenken und daher kann nicht jedem ALLE Wünsche erfüllen*. Ироничный заголовок напоминает нам о том, что если Дед Мороз не всемогущ, то, конечно министр финансов Олаф Шольц – тоже.

В заголовке **«Ein Riese ist besser als zwei Zwerge»** <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/deutsche-bank-commerzbank-fusion-1.4371550> (accessed 19.03.19) тоже упоминаются сказочные герои: великан и карлики. Такой заголовок обязательно привлечет внимание читателей, нужно же обязательно выяснить о ком идет речь. Статья критикует возможное слияние Deutscher Bank и Commerzbank. И уже в самом заголовке читатель чувствует эту критику и негативное отношение автора к описываемым событиям.

Заголовок **«Der "Bloody Sunday" schmerzt noch immer»** <https://www.sueddeutsche.de/politik/bloody-sunday-nordirland-konflikt-1.4359154> (accessed 19.03.19) – это аллюзия на устойчивое выражение, про рану которая еще болит: *Die Wunde schmerzt noch immer*. Здесь происходит замена понятий, вместо конкретной раны и физической боли упоминается Bloody Sunday – 30.01.1972. В этот день марш протеста в Северной Ирландии превратился в резню с тринадцатью погибшими. Память об этом дне сейчас – это душевная боль, чувство несправедливости, которые не заглушили прошедшие годы.

Так как языковая игра часто используется для формирования определенного (часто негативного) отношения к тому или иному политическому событию или фигуре, это указывает на ее воздействующий и оценочный потенциал. При этом оценка формируется не столько за счет лексического значения единиц, сколько за счет ассоциаций и коннотаций, которые вызывает аллюзия на то или иное произведение.

Проанализированный нами материал показывает, что прецедентные феномены являются продуктивным источником создания эффекта языковой игры в заголовках политического медиадискурса. Такой вид языковой игры непременно требует от читателя фоновых знаний, которые совпадали бы с фоновыми знаниями автора: для адекватной расшифровки и получения удовольствия от игры. Именно поэтому в нашей подборке преобладают примеры языковой игры в заголовках, где в качестве источников прецедентных феноменов фигурируют известные литературные произведения,

как наиболее легко поддающиеся дешифровке. Аллюзия на строчку из песни – это несомненно тонкий прием, но, скорее всего понятный не многим. А вот аллюзия на сказочных героев, Деда Мороза – это намек, понятный всем. Таким образом, заголовки, основанные на языковой игре, отличаются своей оригинальностью и экспрессивностью, что обязательно привлечет внимание читателя к статье и будет способствовать скрытому воздействию на формируемые в сознании читателя образы политиков.

Библиографический список

1. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. – С. 69.
2. Засорина М.Е. Прагма-интертекстуальные характеристики заголовочного дискурса СМИ (на примере журналов «Коммерсант Власть» и «The Economist»): дис. ... канд. филол. наук. – Тобольск, 2009. – С. 25.
3. Захарова М.В. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // Знамя. 2006. Май. № 5. С. 159–168.
4. Исаева А. Ю. Коммуникативно-прагматические особенности газетного заголовка (на материале англоязычных Интернет-изданий): дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2017. – С. 30-31.
5. Кулаков А.Н. Заголовок и его оформление в газете. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – С. 32.
6. Соколова И.Н. Вариативность восприятия медиа-текстов как репрезентация многообразия отношений в коммуникативной системе «человек-социум» (экспериментальное исследование): дис. канд. филол. наук. – Ульяновск, 2006. – С.61.
7. Сребрянская Н.А. Дейксис и его проекции в художественном тексте: монография. – Воронеж: ВГПУ, 2005. – С. 76.
8. Черногрудова Е.П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике” (на материалах центральной, региональной и местной прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. – С. 22.

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ИРОНИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

З. Х. Фазлыева
Н. П. Изотова

*Кандидат филологических наук, доцент,
студент,
Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Summary. This article observes the translation of ironic expressions, which is provided by the re-creation of an explicit and implicit levels of meaning. In accordance with the estimated characteristics of the text and the preferences of the translator.

Keywords: irony; English language; translation; irony translation rules; the explicit and implicit levels.

Как известно, ирония заключается в подразумевании противоположного во внешне положительных характеристиках. Выражение иронии, насмеш-

ки осуществляется различными способами, которые могут различаться по форме, содержанию и функциях в разных языках и речевых традициях.

Простейшим способом выражения иронии в английском и русском языках являются кавычки, когда вполне стандартное и ожидаемое слово или фраза берутся в кавычки в стандартном контексте:

«When I left my public school I had an extensive knowledge of Latin and Greek literature, knew a certain amount of Greek and Latin history and French grammar, and had «*done*» a little mathematics».

«Окончив школу, я неплохо знал латинскую и древнегреческую литературу, имел представление об античной истории и о французской грамматике, а также «*прошел*» азы математики».

Более сложной разновидностью иронии является противопоставление двух качеств или двух взаимоисключающих возможностей в одном и том же замкнутом контексте. Осложнения при переводе таких контекстов возникают в том случае, если два контрастирующих в исходном тексте элемента требуют сами по себе преобразования и в преобразованном виде зачастую не обеспечивают тексту достаточной иронической выразительности:

«I went to Balliol University a good *classic* and a complete *ignoramus*».

Перевод этого предложения связан с необходимостью преобразования слова *classic*, в результате которого полученное соответствие не является достаточно выразительным для создания иронического контраста:

«специалист по классической филологии», «с хорошими знаниями в области классической филологии» и тому подобное. Наиболее распространенный прием, который помогает в таких случаях переводчику, заключается в добавлении объединяющих противопоставленных элементов иронического контекста:

«Я поступил в Баллиол *специалистом в области классической филологии и полным невеждой во всем остальном*».

Одним из осложнений при переводе иронического контекста, основанного на контрасте, может быть необходимость антонимического преобразования, которая, в свою очередь, требует преобразования самой структуры контраста:

«I knew vaguely that the first Chapter of Genesis was *not quite true, but I did not know why*».

При переводе на русский язык в этом контексте меняется первая часть противопоставления, что требует соответственного преобразования второй части:

«Я смутно сознавал, что начало Книги Бытия *отклоняется от истины*, но понятия не имел, *в какую сторону*».

Исходя из всего вышесказанного, можно выделить ряд рекомендуемых правил перевода иронии:

1. Полный перевод с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями применяется в тех случаях, когда это позволя-

ют как словесный, так и грамматический состав иронического оборота в исходном тексте, при условии совпадения социально-культурных ассоциаций;

2. Расширение исходного иронического оборота применяется в тех случаях, когда смысл иронического словоупотребления неочевиден для иноязычной культурной среды: часть подразумеваемых компонентов иронии облекается в словесную форму в виде оборотов, расширенных атрибутивных конструкций и тому подобное;

3. Антонимический перевод, то есть перевод с противоположным грамматическим или лексическим значением, применяется тогда, когда прямой перевод утяжеляет переводную структуру в силу различия грамматических или лексических норм и тем самым затемняет или вообще не передает смысл иронии;

4. Добавление смысловых компонентов применяется в тех случаях, когда требуется сохранить исходные лексико-грамматические формы (например, цитаты) в условиях информационной недостаточности аналогичных форм в языке перевода;

5. Культурно-ситуативная замена применяется в тех случаях, когда прямое воспроизведение способа выражения иронии невозможно, поскольку он не будет воспринят переводящей культурой.

Таким образом, перевод иронических высказываний обеспечивается за счет воссоздания двух уровней смысла – эксплицитного и имплицитного, причем соотношение информации, которая выражается прямо и подразумевается, может изменяться в зависимости от характеристик текста и языка перевода. Помимо семантического аспекта, переводческий анализ фокусируется на оценочных свойствах текста и маркерах иронии, а также на предпочтениях самого переводчика.

Библиографический список

1. Коленко, О.В Д.К. Мюкке о природе иронии / О.В. Коленко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6 (22). – С. 177-179
2. Alba-Juez, Laura Irony as Inferred Contradiction / Laura Alba-Juez // Вестник РУДН, серия Лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 140-153
3. Irony and The Use-Mention Distinction. Sperber D., Wilson D. Radical Pragmatics, Cole, P (ed.), 2003. – pp.295-318
4. Ермакова, О. П. Типы вербализованной иронии в разных сферах русского языка / О. П. Ермакова. – М.: Язык. Культура. Гуманитарное образование, 1999. – 188 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СТИХИЙ ВОЗДУХА И ОГНЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА

Н. А. Туралина
И. Ф. Заманова

*Доктор филологических наук, профессор,
кандидат филологических наук, доцент,
Белгородский государственный
институт искусств и культуры,
г. Белгород, Россия*

Summary. The article deals with the problem of studying the elements of "air" and "fire" as fragments of the overall picture of the world on the material of the literature of the twentieth century, the analysis of the elements from the point of view of sigmatic relations, which allows to reveal the diversity of interpretation of these images by the author.

Keywords: artistic image; language picture of the world; sigmatic relations.

Важную роль в раскрытии смысла произведения играют природные стихии, которые отражают менталитет языковой личности, многовековой опыт, культуру и идеологию народа. Стихии являются центральной категорией в научно-лингвистическом описании языкового отражения мира, помогающей вскрыть механизмы преломления в сознании человека объективной реальности.

В последние годы возрос интерес к исследованию реализации стихий в рамках художественного текста. Целесообразность подобных исследований определяется не только самоценностью факторов, связанных с изучением закономерностей художественного мышления и мироощущения, но и тем, что индивидуальный когнитивный опыт художника как культурно-языковое явление становится составной частью коллективного опыта познания мира. В результате личного когнитивного опыта в сознании поэта или писателя формируются структуры – фрагменты индивидуально-авторского знания о мире, которые находят свое выражение в текстовом пространстве.

Обращение к творческому наследию русской литературы определялось мастерством писателей в выражении фундаментальных принципов ментальности, широким отражением, а также высокой частотностью употребления лексических единиц, репрезентирующих стихии.

Стихии в сознании носителей русского языка имеют долгую фольклорную, мифологическую и историческую традиции. Воздух – одна из важных стихий, что подтверждается постоянным обращением поэтов и писателей к воздуху, ветру, вьюге, метели, вихрю. Но скользишь ты, утопая, / В бездне воздуха и света (Бальмонт «Белый лебедь»; Поднимайся, ветер, по равнинам, / Торопись, ветрило-вихрь-бродяга, ... (М. Цветаева «Лжет летописец, что...»); Уж демон вихрей реет грозно, / Свинцовой тучей облачен (Ф. Сологуб «Ты слышишь гром...»); Кто, под вопли вьюги снежной, / Под упорный зов зыбей, / Сохранил сурово-нежный / Говор древних дней?

(В. Брюсов «К Швеции»); Вкруг колокольни свист *метели* (С. Городецкий «В снегах»); Плыл *туман*, как *фимиама* / Тысячи *кадил* (А. Ахматова «Черная вилаьсь дорога...»).

Высока частотность функционирования лексем, репрезентирующих стихию «воздух», в сильных позициях художественного текста – начале и конце. Использование названных языковых единиц в начале текста характерна для художников прозы В. Астафьева, В. Распутина, Л. Соболева, В. Шишкова и других писателей. В. Астафьева «Зрячий посох» находим лексемы *ветер*, *циклон*: «Но дует *ветер*, хлещет мокрый снег – пришел *циклон* откуда-то с востока. Вчера и позавчера он дул с севера – никакие *циклоны* не минуют Урал, они, как беды, все вокруг него кружат, все по нему дуют и шарят, и весна никак не может наступить, а уже начало апреля». У В. Распутина использованы лексемы *воздух*, *мороз* в начале повести «Живи и помни»: «Зима на 45-й, последний военный год в этих краях простояла сиротской, но крещенские *морозы* свое взяли, отстучали, как им полагается, за сорок. Прокалившись за неделю, отстал с деревьев куржак, и лес совсем помертвел, снег по земле заскрип и крошился, в жестком и ломком *воздухе* по утрам было трудно продохнуть». Л. С. Соболев использует лексемы *ветер*, *воздух*, *шторм* в начале рассказов: «Жорес возвращался из похода. *Шторм* утих, и к откосу от Шепелевского маяка открылась спокойная, удивительно ровная гладь, начинающая по-вечернему отблескивать сталью».

В конце текста лексические репрезентанты стихии «воздух» встречаем в произведениях Н. Иванова, Л. Соболева, В. Шишкова и других авторов. Так, например, в прозе Л. С. Соболева: Где-то в глубине материка переместился центр низкого давления, и холодные массы арктического *воздуха*, мчавшиеся над Балтикой («Все нормально»).

Продолжает оставаться актуальным употребление наименований стихии «воздух» в названиях произведений русских писателей XXI вв., например: Н. Асанов «Ветер с моря», Д. Балашов «Ветер времени», А. Веселый «Гуляй Ветер», Н. Иванов «Операция «Шторм» начать раньше...», А. Измайлов «В тумане спрятанного солнца», В. Карпенко «Тучи идут на ветер» и другие.

Стихия «воздух» находит свое отражение во фразеологии и паремологии современного русского языка, например: «Ветер деревья волнует, правда народ поднимает», «Ветер в голове», «На ветер бросать слова», «Подбитый ветром», «Каким ветром занесло», «Ветер свистит в карманах», «Откуда ветер дует», «Ищи ветра в поле», «Как ветром сдуло», «Держать нос по ветру», «Повиснуть в воздухе», «Буря в стакане воды», «Напускать туману», «Буря прошла, гром унесла».

Все, что представляется важным и ценным для человека, можно найти в народных приметах, поверьях: На Рождество *метель* – пчелы хорошо роиться будут; *Ветер* – буйный молодец, безрукий хватало (в Орловской губернии); поляки называют *ветер* – отцом; в Испании считается что

«ветер, женщины и счастье переменчивы»; «Ветер – Божье дыхание», – говорят крестьяне в Галиции.

Частью культурной памяти народа являются загадки, среди которых немало и о явлениях воздушной стихии: «Без рук, без ног, по полю рыщет, поет да свищет, деревья ломает, к земле траву приклоняет», «Расходится детина – удержи нет, уляжется – не видать, не слышать», «Никто меня не видит, а всякий слышит», «Свищет, гонит, в след ему кланяются». (Ветер) «Гуляет в поле, да не конь, летает на воле, да не птица». (Метель, Вьюга)

Анализ художественных текстов К. Паустовского и М. Шолохова показал, что писатели активно использовали лексемы, репрезентирующие стихию «воздух», в сильных позициях текста. Перечисленные факты свидетельствуют о том, что стихия «воздух» занимает важное место в языковом сознании русских и, следовательно, является важным концептом русской культуры. Стихия «воздух» в современном русском языке представлена множеством лексических единиц, которые можно объединить в концептуальное поле. «Наименования воздушной стихии»: ветер, ветр, ветерок, ветрище, ураган, вихрь, нордост, бора, смерч, норд, суховей, роза ветров, фён, сквозняк, шквал, трамонтана, бриз, тайфун, соранг, греус, зефир, муссон, низовка, сирокко, циклоны, вест, леванти, мистраль, моряна, самум, сиверко, боненти, верховка, гирловой, горишняк, караэл, кенхрон, лодос, манструс, мельтемия, норд-вест, серекос, тифоны, цунами. Итак, анализируемая группа лексем в произведениях К. Паустовского и М. Шолохова, привносит различные смысловые оттенки в стихию «воздух». Анализ состава ядерной группы стихии «воздух» показал, что все единицы данного ряда называют воздух как явление, внося при этом в обозначение различные оттенки смысла. Среди описанных лексем выделяются слова, обладающие значениями с пометами *устар.*, *разг.*, *нар. – поэт.*, *уменьш.*, *ласк.*, а также *местн.* Несомненно, что такое значительное количество единиц можно считать одной из особенностей стихии «воздух», а также количественный состав данной группы указывает на то, что современный человек, как и человек прошлого, постоянно соприкасается напрямую со стихией воздуха, жизнь на Земле не мыслилась и не мыслится без воздуха.

В непосредственной близости от описанной выше ядерной группы стихии «воздух» располагается группа (малочисленная), которую можно обозначить как **«Комплексные воздушные явления»**.

Отличительной особенностью этих лексем является то, что все они содержат сему «сильный ветер, имеющий разрушительный характер», часто сопровождаются различными осадками в виде дождя, града, снега. В состав данной группы входят следующие слова, активно функционирующие в художественной речи: шторм, буря, метель, вьюга, поземка, буран, пурга. Комплексные явления являются зависимыми от ветра в том плане, что именно ветер определенной силы может вызвать бурю, метель и т. д. Нетрудно заметить, что лексические единицы, составляющие данную

группу, толкуются через единицы, входящие в эту же группу, и относятся к активному словарному запасу [2].

Таким образом, в литературе XX века использовали широкий арсенал лексических средств русского языка, создающих образ воздушной стихии. Обнаруживается глубоко национальное народное мироощущение и восприятие воздуха этноспецифическое значение стихии «воздух» проявилось и в количественной лексической презентации, и в частотности употребления, что является важным отличительным лингвокультурным признаком данного феномена. Исследование стихии «воздух» в художественных текстах открывает возможность сопоставления материала с предшественниками и современниками с тем, чтобы выявить общее и индивидуальное осмысление данного феномена. Небезынтересным может быть сравнительный анализ особенностей репрезентации стихии «воздух» с другими, не менее важными стихиями: огонь, свет, жизнь, космос.

Так образ огня традиционно используется в русской классической литературе. Поэты пушкинской и послепушкинской поры использовали номинации огня для передачи высокого накала чувств и состояний: восторга, восхищения, гнева, ревности. Постоянное использование наименований стихии или ее разновидностей для передачи чувств обосновывает Н. Д. Арутюнова: «Даже при отсутствии реально-исторической зависимости слов со значением сильного эмоционального возбуждения от обозначений огня, имени чувства иногда приписывается соответствующая народная этимология, что указывает на органичность ассоциаций между понятием огня и некоторыми понятиями эмоционального ряда» [1, с. 393].

Огонь как символ чувств, душевного волнения, состояния природы особенно характерен для прозы М. Горького. Весь спектр образов воплощен в разных тропах: в метафоре: *...Все чаще вспыхивали угарные синие огоньки злости на все*, в сравнении: *...Он [вотчим] протянул мне руку. – Здравствуйте... Я ошалел от неожиданности, сразу пожаром вспыхнуло прошлое, обожгло сердце*, в олицетворении *...Огонь не торопился, растекаясь направо и налево, гибкие крючья его цеплялись за плетни и крыши как бы неохотно*, в метонимии: *...Я огонь на ночь в чашку с водой ставлю.* (Дядя Петр о горящей лампе).

Наиболее частотными лексемами со значением огня в творчестве М. Горького являются существительные *огонь, огонек, пожар, костер, искра, свеча, лампада*. Высокой активностью отличается лексико-семантическая группа глаголов горения, включающая в свой состав слова со значением: разной степени интенсивности протекания процесса (*вспыхивать, воспылать, разжигать*), воздействия огнем (*обжигать, сжигать, жечь*), ослабления, прекращения горения (*угасать, погашать*), усиления горения (*разгораться*).

Отличительной особенностью изображения огненной стихии в произведениях М. Горького является использование сопряженных образов, в которых метафора поддерживается сравнением или олицетворением про-

должает сравнение: *...Жизнь горела перед ним [Яковом Шумовым], как огонь в топке под котлами, он стоял перед топкой ...и тихонько стучал по крану форсунки, убавляя или прибавляя топлива.*

Сравнение является наиболее частотной конструкцией, в которой реализуется образ огня в автобиографической трилогии М. Горького. Для писателя характерны сравнения с союзами *как, как будто, точно, словно, яко, подобно, похож ...В доме началась суетня, как на пожаре.*

Характерной грамматической структурой чаще являются творительный сравнения: *Обугленные веревки ворот стояли у костра черными сторожами;*

Образ огня, воплощенный в сравнениях М. Горького, отличается разной функциональной направленностью. Писатель использует наименования огня и его разновидностей для различных целей:

1) для портретных характеристик персонажей: *...У него [соседского мальчика-барчука] были ... узкие ладони, и весь он – тонкий, хрупкий, а глаза очень ясные, но кроткие, как огоньки лампадок церковных;*

2) для передачи психического состояния: *...Она [бабушка] была так же интересна, как и пожар ...она металась по двору, всюду попевая, всем распоряжаясь, все видя;*

3) для передачи физического состояния: *...Я с трудом, точно по горячим угольям, перешел кухню;*

4) для описания ментальных установок: *...Кочегар не смеялся, не осуждал, ничто не обижало его и не радовало заметно ...Жизнь горела перед ним, как огонь в топке под котлами, он стоял перед топкой ...и тихонько стучал по крану форсунки, убавляя или прибавляя топлива;*

5) с целью описания космоса: *...Мелкие звезды в синем небе ...горят, как свечи;*

6) для описания артефактов: *...А когда проснулся, пароход снова бухал и дрожал, окно каюты горело, как солнце.*

Стихия огня – отражение общей концептуально-тематической картины мира писателя, в которой воплощена избирательность видения художника, его миропонимание и художественное мышление.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
2. Туралина Н.А., Ливенец И.С. Концепт «Воздух» в лингвокультурологическом аспекте/ Н.А. Туралина, И.С. Ливенец. Монография. – Белгород, 2008. 172 с.

VII. LITERATURE TODAY: SUSTAINABILITY OF TRADITIONS AND MODERN TRENDS

РЕЦЕПЦИЯ УИЛЬЯМА БЛЕЙКА В КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

И. Д. Белинская

*Кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
Тернопольський національний
економічний університет,
г. Тернополь, Украина*

Summary. The thesis is devoted to the investigation of the Willam Blake's Reception in critical studies at the current moment. Main approaches of different literature schools are given. Achievements of both Russian and Ukrainian scientists are analyzed.

Keywords: poetry; translation; reception; poetical heritage; interpretation.

В мировом культурном пространстве Уильям Блейк, безусловно, принадлежит к когорте тех творческих личностей, чьи достижения остаются вне времени и ассоциируются с борьбой, противостоянием и утверждением.

Со времен открытия наследия Блейка поле широких возможностей открыты как для литературоведов, так и для ученых смежных направлений – лингвистики, философии, теологии и т. д.

В зарубежном литературоведении заинтересованность и дискуссии не прекращаются с момента «открытия» В. Блейка прерафаэлитами до наших дней. Результаты этих дискуссий воплотились в научные исследования.

Первая большая биография была написана А. Гилкристом. «Урожайными» годами в блейковских студиях считаются 1970е и 1980е года – в это время выходит первая монография одного из более известных исследователей Р. Фроша «The Awakening of Albion» (1973), многочисленные статьи тонкого и деликатного критика Кетлин Рейн (в 1970 году выходит очередной сборник собраний Блейка с внушительной вступительной статьей автора), публикуется работа Р. Граймса «The Divine Imagination» (1972), монографии К. Галант «Блейк та ассимиляция Хаоса» (1978) и Д. Вагенкнехта «Blake's Night» (1973), работа Джун К. Сингер «The Unholy Bible» (1970) – перечень всех исследователей занял бы не одну страницу; – литературный критический материал больше, чем сам корпус произведений В. Блейка.

Сегодня в зарубежном литературоведении наблюдаются очень неординарные подходы к изучению творчества Блейка, которые выражены в различных научных попытках, представлены такими учеными как М. Шухард, «William Blake's Sexual Path to Spiritual Vision» (2008), П. Швенгер «Blake's Boxes, Coleridge's Circles, and the Frame of Romantic Vision» (1996)

и др. Отдельного внимания заслуживает и книга «Блейк» за авторством известного британского литературного критика Питера Акройда, в которой скрупулезно отслеживается жизненный и творческий путь поэта, хотя и с четким уклоном на Блейка-художника, хотя сам автор считает, что «сейчас его (Блейка) можно по праву называть последним великим религиозным поэтом Англии» [1, с. 12].

С момента проникновения в поле русской культуры в начале 20 столетия вместе с переводами К. Бальмонта и С. Маршака, его творчество рассматривалось под разными ракурсами – как и открыто идеологически, например Васильева Т. Н. «Лирика Вильяма Блейка» (1969), Елистратова А. «Уильям Блейк» (1957), так под новаторски прогрессивными: Глебовская А. «Предварение» (2006), А. Зверев «Величие Блейка» (1982), О. Донских «Волны бесконечности в кубке воображения» (2007), В. Сердечная «Нарративные стратегии ветхозаветных пророчеств в поэзии Уильяма Блейка» (2006), но особое внимание заслуживает научный вклад русской ученой Г. Токаревой, где в разветвленном виде проанализирована специфика воплощения философских взглядов Блейка в его творчестве [2, с. 28].

В украинском литературоведении Вильям Блейк все еще остается «белым пятном», за исключением одиноких случайных исследований как в критической литературе (Д. Наливайко, Д. Дроздовский, В. Кейс), так и в сфере переводоведения, как бы подтверждая слова Роберта Фроста: «Поэзия – это то, не подлежит переводу»: замысловатые узоры стихов Блейка трудно передать другим языком и варианты переводов считаются скорей перепевом чем полноценной интерпретацией поэтической мысли, что, однако, не останавливает попытки приблизить украинского читателя к наследию великого поэта – и в 2018 выходит сборник стихов Блейка «Предковичне» (К.: Видавничий дім Дмитра Бураго) в переводе Валерии Богуславської с объемной вступительной статьей переводчика.

В сравнении с достижениями русских переводчиков, а скорее интерпретаторов и исследователей творчества Блейка, украинский литературный простор открыт для критической мысли во многих аспектах – это и полный очерк жизни и творчества, и специфика художественного мира, и философская амплитуда мировоззрения как одна из доминант его художественного стиля.

Библиографический список

1. Акرويد П. Блейк. / Питер Акرويد; [пер з англ. Т. Азаркович]. – М: ООО Издательский дом «София», 2004. – 672 с.
2. Белінська І. Концепт природи в поезії Вільяма Блейка та Федора Тютчева: Дис. ... канд. філол. н. / Ірина Дем'янівна Белінська. – Т., 2011. – 189 с.
3. Зарубіжна література ХІХ сторіччя. Доба романтизму: Підручник / Д.С.Наливайко, К.О.Шахова. – К.: Заповіт, 1997. – 464 с.

ТРАДИЦИИ А. П. ЧЕХОВА В ЦИКЛЕ В. А. ПЬЕЦУХА «ПЛАГИАТ»

Т. В. Коробкова

*Старший преподаватель,
Актюбинский региональный
государственный университет
им. К. Жубанова,
г. Актобе, Казахстан*

Summary. In the article discusses the artistic traditions of A. P. Chekhov used in the works of V.A. P'ezuh. Modern prose writer, developing the themes inherent in Chekhov's works, using the artistic finds of the classic, creates an original cycle of "Plagiarism". Continuing the literary tradition of A. P. Chekhov, V. A. P'ezuh trying to maintain the spiritual basis of Russian classical literature.

Keywords: hidden subtext; artistic detail; storyline; open ending; live in a Shell; "little man"; moral decay.

Творчеству В. А. Пьецуха свойственно постоянное обращение к творчеству А. П. Чехова. Трансформируя чеховские образы и сюжеты, современный писатель в цикле создает совершенно оригинальные рассказы: «Наш человек в футляре», «Крыжовник», «Д.Б.С.», «Колдунья».

В. А. Пьецух, как и А. П. Чехов, много внимания уделяет значению случая в жизни человека. Из случаев строится судьба, каждая случайность, порой роковая, – составляющая жизненного пути. Ярким примером служит биография Саши Петушкова из рассказа «Крыжовник». Его жизнь делает крутой вираж после того, как он случайно до беспамятства напился на пирушке золотодобытчиков: комсомольский работник резко опускается на дно жизни, оказавшись в среде бичей. Далее случай сталкивает его с представителем религиозной общины и Саша на несколько лет остается в секте и даже становится ее руководителем и т.д.

Случай помогает брату Софьи Владимировны (В. А. Пьецух «Утро Помещика») остаться порядочным человеком, когда его по доносу отправляют на каторгу [1, с. 37].

Следуя за А. П. Чеховым, современный писатель использует прием скрытого подтекста и незначительной детали. В чеховском «Крыжовнике» для главного героя выращивание крыжовника – это мелкая мечта, которая становится целью всей жизни. Скрытый подтекст пьецуховского одноименного рассказа также заключен в крыжовнике, но уже как итоге жизненного пути. Разводить крыжовник не было мечтой Саши, но, пройдя сложный жизненный путь, он находит успокоение в сельской жизни. При этом его активная натура не прекращает деятельности: он выводит четыре новых вида крыжовника. Подтекст обоих рассказов скрыт в маленькой детали, характеристике выращенных ягод. А. П. Чехов описывает ее, как «кислую», а В. А. Пьецух, как «благоуханную». Жизнь обоих героев соотносится с качеством крыжовника, который они разводят.

Мечта об имени и крыжовнике чиновника Чимша-Гималайского – это футляр, в который он затолкал свою пустую жизнь, которая была под-

чинена ничтожной цели. Саша Петушков же в выращивании крыжовника находит смысл жизни и возможность применить свои недюжинные организаторские способности.

Многим рассказам из цикла «Плагиат», как и чеховским, присуща открытая концовка. Это можно наблюдать в таких рассказах, как: «Демонстрация возможностей», «Утро Помещика», «Колдунья», «Крыжовник», «Д.Б.С.» и т. д. Оба автора незримо намечают сюжетные линии, которые не доводят до конца, и тем самым дают возможность читателю «домыслить» финал истории. Так, в рассказе «Утро Помещика» намечается линия столкновения Илюши с бандитами («- Грабить будем!»), которая остается открытой, и можно только предполагать, чем же это противостояние завершится [1, с. 34]. Также же в рассказе «Д.Б.С.» остается неясным, сможет ли главная героиня добраться до города Бердянска [1, с. 50].

Тема футлярности, «маленького человека» одни из самых важных в творчестве обоих писателей. Чеховская футлярность – это закрытость человеческой души, жизнь в определенных рамках, узость мышления, а, по В. А. Пьецуху – это самоизоляция от общества с целью сохранения духовности героев. В этом он видит суть бытия.

Задача В. А. Пьецуха – «сопоставить человека чеховской эпохи и нашей» [2]. А. П. Чехову свойственно постоянное разрушение устоявшихся канонов, переосмысление уже известных истин. Этим же отличается и творчество В. А. Пьецуха. Современный автор имеет на все свою точку зрения, зачастую идущую вразрез с общепринятой. Так, тип «маленького человека», берущий начало в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, эволюционирующий в прозе А. П. Чехова, обретает новую трактовку у В. А. Пьецуха.

У обоих писателей герои заурядные, обыденные, «наши», понятные современникам, потому что авторы живут среди них, общаются с ними и совершают такие же поступки, как их персонажи. Если А. П. Чехова окружали Беликовы, Ионычи, Чимша-Гималайские, «душечки» и т.п., то В. А. Пьецух окружен Петушковыми, Лютиковыми, Серпеевыми.

В. А. Пьецух, как и А. П. Чехов, ломает стереотипы, создает героев, не совпадающих с общепринятым видением и пониманием. Таким образом, В. А. Пьецух, развивая темы «маленького человека», футлярности, нравственного разложения, используя приемы скрытого подтекста и незначительной детали, случайности, открытых концовок, продолжает литературные традиции А. П. Чехова.

Библиографический список

1. Пьецух В. Плагиат. – М.: НЦ ЭНАС, 2006. – 175 с.
2. Пыхтина Ю. Г. Функционально-семантическая типология пространственных образов и моделей в русской литературе XIX – начала XXI в. – М., 2014. – 346 с.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА,
УКРАИНЫ И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2019 ГОДУ**

Дата	Название
5–6 апреля 2019 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2019 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2019 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2019 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
18–19 апреля 2019 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2019 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2019 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2019 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2019 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2019 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
10–11 мая 2019 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2019 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2019 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2019 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2019 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2019 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2019 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2019 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2019 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2019 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2019 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2019 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2019 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2019 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2019 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2019 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2019 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2019 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2019 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2019 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2019 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2019 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2019 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования
5–6 ноября 2019 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы

7–8 ноября 2019 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
15–16 ноября 2019 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2019 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2019 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему
1–2 декабря 2019 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2019 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2019 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия), Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor	Global Impact Factor – 1,721, РИНЦ – 0,107.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	Research Bible (Китай), Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия)	Global Impact Factor – 0,915
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	Research Bible (Китай), Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	• Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

We carry out the following activities:

- editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- making an artwork,
- cover design,
- ISBN assignment,
- print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»

ACTUAL PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE OF PHILOLOGICAL RESEARCHES

Materials of the IX international scientific conference
on March 25–26, 2019

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 27.03.2019.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 8,2.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz